



Кіевская Старина





Ежемѣсячный Историческій Журналъ





ОКТЯБРЬ.
1885 г.











Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1885 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

ОКТЯБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

об изданіи журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА"

НА

1886 г. (V годъ изданія) **1886 г.**

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, **1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ**, подъ тою-же редакціею и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Годовое изданіе журнала составитъ три большихъ тома, каждый по четыре книжки и около 800 страницъ, съ общимъ для всѣхъ указателемъ въ концѣ года.

Редакція располагаетъ запасомъ матеріаловъ и статей, вполнѣ достаточнымъ для продолженія изданія въ прежнемъ составѣ и характерѣ. Принятое обычаемъ поименованіе главнѣйшихъ изъ нихъ будетъ сдѣлано въ слѣдующей книжкѣ.

Условія подписки прежнія: подписная цѣна годовому изданію **въ 12 книжекъ 10 руб.**, съ пересылкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Кіевѣ, при полученіи изъ конторы редакціи **8 руб. 50 коп.**, при выпискѣ за границу **11 руб.** Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Раз-

срочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодіямъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею, въ виду нерѣдкихъ случаевъ недоплаты.

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, недоплатившихъ, или вовсе не внесшихъ подписной платы, редакція покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ отъ нихъ денегъ, для заключенія счетовъ по изданію нынѣшняго года.

Гг. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземпляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25% съ общей за всѣ годы подписной цѣны, выписывающимъ за 4 года одновременно 20%, за три 15% и за два 10%.

Адресъ: Въ редакцію «**Кіевской Старины**», Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ Лебединцевъ.*

КОПНЫЕ СУДЫ
ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАЙНѢ.

Немного пониже Новгорода-Сѣверскаго, въ Десну впадаетъ, съ лѣвой стороны, въ незначительномъ разстояніи одна отъ другой, нѣсколько рѣчекъ: Знобовка, Свига съ притокомъ Бычихой, Ивотка. Теперь уже почти нѣтъ лѣсовъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ у насъ пойдетъ рѣчь; но свойства почвы указываютъ, что тутъ были нѣкогда боры. Въ актахъ XVI вѣка упоминаются ивотскіе бортники; еще въ началѣ прошлаго столѣтія бортные урожаи играли видную роль въ хозяйствѣ теперешней очкинской волости.

Село Хильчичи очкинской волости (новгородской сотни, стародубскаго полка)—тотъ пунктъ, гдѣ совершился кровавый эпизодъ, описаніе котораго служитъ исходнымъ пунктомъ нашихъ замѣчаній и соображеній о копныхъ судахъ. Время, къ которому относится эпизодъ,—1722 годъ, а наказнымъ гетманомъ въ то время былъ полковникъ черниговскій Полуботокъ.

Въ одно зимнее утро, въ Филипповъ постъ, подъ Хильчичами происходила такая сцена. Толпа народа двигалась отъ Хильчичъ по направленію къ сосѣднему бору. Кромѣ разнаго случайнаго люда, толпа эта состояла изъ почтенныхъ вотчинниковъ Хильчичъ, Очкина, Кренидовки, Мефедовки, Олтаря, Зноби, Кривоносовки, Глазова—однимъ словомъ, большаго района, захватившаго не только теперешнюю очкинскую, но и часть протопоповской и жиховской волостей. Всѣ эти вотчинники съ атаманами, войтами, панскими старостами, собрались въ Хильчичи для самовольнаго отправленія правосудія, и теперь конвоировали осужденнаго ими преступника

къ мѣсту казни; священникъ далъ преступнику предсмертную исповѣдь, сама пани Кутневская не побрезгала пріѣхать на интересное зрѣлище. Преступникъ былъ «бортный злодій» Савка Розгоненко, сынъ одного хильчанскаго жителя, подданнаго пана Жоравки. Савку везли къ мѣсту казни на саняхъ, которыми управлялъ его собщникъ Якимъ Подоляка, хильчинскій подсусѣдокъ. Самозванные судьи и въ то-же время палачи далеко не имѣли вида безстрастныхъ исполнителей правосудія. Озлобленіе къ преступнику простиралось до того, что, не смотря на всѣ его мольбы, никто не далъ осужденному глотка воды. Его привезли къ соснѣ, которая должна была служить орудіемъ казни. Соучастникъ Подоляка долженъ былъ надѣть на шею осужденному петлю и тянуть его на сосну; «якъ оторветься, то тебе повѣсимъ», говорили подневольному палачу. Иные совѣтывали повѣсить обоихъ на одной веревкѣ черезъ вѣтку, и который перетянетъ, того и казнить. Конечно, это была только педагогическая угроза для Подоляки, такъ какъ настоящимъ преступникомъ въ глазахъ всѣхъ былъ лишь Савка Розгоненко. Тащить осужденнаго на сосну принялись многіе, въ томъ числѣ и хильчанскій дьякъ. Трупъ былъ оставленъ на деревѣ. Когда съ Савкой уже было покончено, разложили подъ той-же сосной Подоляку и били его батогами.

Разумѣется, до уряда скоро дошла вѣсть объ этомъ актѣ крестьянскаго самосуда, и началось дѣло. Слѣдствіе выяснило такія обстоятельства:

Савка Розгоненко былъ однимъ изъ тѣхъ отщепенцевъ, которые, перескочивши разъ черезъ преграду, какую ставитъ каждое общество своимъ членамъ, въ видѣ принятыхъ нормъ нравственности и права, затѣмъ уже неудержимо, какъ по наклонной плоскости, двигаются въ этомъ направленіи. Началъ онъ съ выдиранія пчелъ; затѣмъ, когда пришлось потерпѣть нравоученіе въ видѣ побоевъ отъ людей, которые заподозрѣли его, онъ сталъ мстить за побои: поджигалъ хлѣбъ, строенія, рубилъ бортныя деревья. Но его противообщественная дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ на выдираніи пчелъ изъ бортей. Не задолго до описаннаго нами роковаго финала, онъ подобралъ себѣ товарища Якима Подоляку, чрезъ котораго и раскрылось все. Познакомились они на молотьбѣ у Савкинаго батька. Разъ Савка повелъ Подоляку показать якобы

какую-то находку и привелъ его въ лозу на болото. Тамъ онъ показалъ ему полведра сотоваго меда и началъ его угощать: «мой то медъ, я самъ его промыслилъ», говорилъ Савка, когда Подоляка выражалъ ему свои сомнѣнія. Когда тотъ наѣлся, Савка сказалъ: «ужъ ты отъ мене не откараскаешься». Черезъ нѣсколько дней Савка пришелъ за Подолякой, приглашая его идти вмѣстѣ на промыселъ. Упорство Подоляки Савка сейчасъ-же побѣдилъ такимъ аргументомъ: «якъ ты не пойдешь? ѣвъ еси со мною медъ». Когда смеркалось, они отправились: въ томъ-же мѣстѣ, на болотѣ въ лозѣ достали спрятанное ведро и лазиво, пришли съ ними къ соснѣ, выкресали огня и выдрали пчелъ; тамъ-же въ лозѣ и спрятали добычу. Съ этого дня они втеченіи нѣсколькихъ недѣль постоянно ходили на промыселъ: медъ ѣли сами, одно ведро продали. А между тѣмъ люди узнали, что у нихъ въ лѣсу не ладно; пошелъ слухъ на счетъ того, что Савка Розгоненко съ Подолякой часто не бываютъ въ полночь дома. Однимъ словомъ, «люди узяли обыскъ», т. е. принялись за предварительное слѣдствіе. Оба заподозрѣнные рѣшились по-добру по-здорову убраться отъ обыска изъ села и уѣхали въ Кульбаки къ дядькѣ Подолякиному, гдѣ Подоляка и думалъ остаться на житье. Черезъ недѣлю ночью они оба пріѣхали въ Хильчичи, что-бы еще выдрать пчелъ и захватить жену Подоляки и ея имѣніе съ собою въ Кульбаки. Но тутъ-то они и попались. Увидали и донесли атаману Полудѣ, что Подоляка пріѣхалъ и хочетъ ночью увезти свою жену. Это обстоятельство возбудило въ атаманѣ нѣкоторое сомнѣніе: тотъ велѣлъ привести Подоляку и сталъ его спрашивать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ за женою ночью, когда онъ человѣкъ «незачепный» и могъ-бы сдѣлать это днемъ. Подоляка объяснилъ, что на нихъ съ Савкой Розгоненкомъ «пословица пала, бо пчолъ багато подрано». Сомнѣніе атамана обратилось въ опредѣленное подозрѣніе. Онъ сейчасъ-же ночью позвалъ войта, старосту и еще нѣсколькихъ человѣкъ изъ хильчанскихъ хозяевъ. Послали за Савкой, который, по словамъ Подоляки, остановился съ конемъ на одномъ гумнѣ; но ни коня, ни Савки уже тамъ не оказалось. Подоляку задержали, какъ «непевного» человѣка. На утро во дворъ атамана собрались всѣ козаки и мужики хильчанскіе допрашивать Подоляку. Пока шелъ допросъ, пришелъ одинъ изъ хильчанскихъ домохозяевъ и принесъ ужнццю:

«отъ, панове, откинена сіеи ночи моя ужныця, що украдена була о Покровѣ», Когда осмотрѣли ужныцю, она оказалась замазанной медомъ; тогда всѣ собравшіеся вотчинники сказали: «пойдемъ, кто мае пчолы близько, оглядымъ, чи нема кому шкоды». Пошли. Въ самомъ дѣлѣ, двое хозяевъ нашли своихъ пчелъ выкраденными той-же ночи, такъ какъ пчелы были еще живыя. О результатѣ осмотра сейчасъ-же было сообщено на атаманскій дворъ. «Знать то Савка Розгоненко накости чинитъ, какъ и прежде чинивалъ», сказали люди, и рѣшились по шляхамъ разыскивать Савку. Пока они совѣтывались, подошелъ человѣкъ изъ Глазова и говоритъ: «чи нема у васъ шкоды якои? Мы поймали въ селѣ своемъ Глазовѣ злодія зъ конемъ и санми и зъ медомъ...» Оказалось, что глазовскіе люди его задержали и связали, и передали войту. Услыхавъ все это, хильчане рѣшились послать нѣсколькихъ домохозяевъ въ Глазовъ удостовѣриться, не ихъ-ли это злодій. Въ самомъ дѣлѣ, это оказался Савка Розгоненко. Его привезли въ Хильчичи въ атаманскій домъ. Собравшіеся тамъ люди сейчасъ-же послали за старостой пана Журавки, въ подданствѣ у котораго былъ Савка. Вмѣстѣ съ старостой пришли къ такому рѣшенію, что атаманъ долженъ послать въ разныя окрестныя села, въ Очкинъ, Крепидовку, Мефедовку, Олтарь, Знобу, чтобы вотчинники этихъ селъ на завтрашній день собрались въ Хильчичи. Въ Кривоносовку не посылали, такъ какъ староста пана Кутневскаго, кривоносовскаго владѣльца, самъ пріѣхалъ, прослышавъ, что пойманъ злодій, отъ котораго пострадали и пчелы пана Кутневскаго. Вскорѣ послѣ старосты пришелъ и еще одинъ житель Кривоносовки, и тогда староста пана Кутневскаго принялся допрашивать Савку, нѣтъ-ли у него товарищей, и велѣлъ бить его батогами. Савка показалъ, что у него есть товарищъ Иванъ Малиненко, съ которымъ онъ и выкралъ пчелы у пана Кутневскаго. Привели Малиненка и забили его въ колодки. Затѣмъ снова стали допрашивать Савку батогами, правду-ли онъ показалъ на Малиненка. Подъ батогами Савка сказалъ, что онъ наговорилъ на Малиненка «по злости»: Малиненка пустили, а Савку опять стали бить кіями, допытываясь его полнаго сознанія. Привели Подоляку, который разсказалъ все, что зналъ; тогда, наконецъ, и Савка сознался во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Въ то время, какъ избитый злодій уже сидѣлъ на землѣ, пріѣхалъ Михей

Антіохъ. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ ему: «се той злодій, що и твои, пане Михей, пчолы выкралъ и дерево зрубалъ». Тогда Михей, вставши съ санокъ, тоже ударилъ Савку нѣсколько разъ. «Що съ симъ злодіемъ будемъ чинити? много онъ людямъ подѣялъ шкоды»... спросили опять у Михея. Михей отвѣчалъ: «якъ збереться купа, повишаты обохъ безъ суда, безъ права; я когдась уже такого судилъ на Ивоти Ганжуля и велѣлъ повѣсити, да и пропалъ за собаку, *бо бортницкого злодія не ведуть на право миское, але сами вотчичи судять*»[1]). Послѣ того всѣ разошлись по домамъ. На другой день собрались приглашенные вотчинники изъ окрестныхъ селъ и составили купу на атаманскомъ дворѣ. Староста пана Журавки сказалъ купѣ: «що панове будемъ чинити? Повѣсити его, буде намъ всѣмъ недобре, выбьемъ его еще кіями да пустимъ, нехай онъ самъ сгинетъ безъ нашего грѣха». На это отозвался Иванъ Лизень, одинъ изъ пострадавшихъ: «подобно и ты, панъ староста, такъ хочешь, якъ Квѣтковскій староста, право намъ стерти, который, узявши его Савку у дворъ до себе за злодейство, право намъ стеръ и отпустилъ его. Конечно уже треба его повѣсити». Всѣ ухватились за это слово. Но староста продолжалъ: «Що се вы хочете діяти? вже радытеся его вѣшати? Чи не будете сему отрекатися напотимъ?» Всѣ отвѣчали: «не будемъ, воля Божія». «Ну, сказалъ староста, когда не будете отрекаться, запишитесь по имени». Всѣ согласились, и еще сильнѣе начали требовать казни преступника. Подрѣзъ изъ Звоби говорилъ: «повѣсьте злодѣя, и я, коли що буде, рубля прикину; и другіе по рублю *прикладными* обѣщались быть за смерть обвѣшаннаго». А Аврамъ, олтарскій войтъ, говорилъ: «повѣсьте его, уже що буде вамъ, тое и намъ». Хильчанскій-же атаманъ все уговаривалъ пустить преступника на покаяніе. Но на это сказалъ олтарьскій войтъ: «коли сего злодѣя пустите, такъ платите намъ селомъ шкоды, бо и въ насъ двое выкрадено пчолъ». И еще иные кричали на хильчанскаго атамана: «Когда ты за злодѣемъ тягнешь, такъ ты и самъ злодѣй, плати намъ заразъ 100 злотыхъ, бо и въ моего зятя комора теперь выкрадена». При этомъ былъ и братъ пана Кутневскаго, но не насту-

---

[1]) Припомнимъ кстати, что Литовскій Статутъ (вторая его редакція 1529 года) давалъ право «копѣ» казнить вора, пойманнаго на кражѣ съ поличнымъ.

палъ на злодѣя, а только говорилъ, что къ нему приходилъ Савка меду продавать, съ такимъ договоромъ, чтобъ о покупкѣ знали только они двое, и торговался на рубли да на талеры битіе, но тотъ отказался отъ покупки. Хотя большинство вотчинниковъ стояло на томъ, чтобы повѣсить преступника, но все-таки иные не рѣшались взять на себя это дѣло, и по окончаніи совѣщанія хотѣли разойтись по домамъ. Тогда староста пана Кутневскаго крикнулъ: «стойте, не йдите со двора», затворилъ ворота и всѣхъ понуждалъ непремѣнно повѣсить Савку. Наконецъ позвали попа, и послѣ исповѣди повезли преступника на мѣсто казни.

По разсмотрѣніи этого дѣла судъ нашелъ виновными въ самовольной расправѣ тридцать девять человѣкъ, «приводцевъ», тѣхъ, которые обѣщались вложить по рублю за смерть Савки. Троихъ изъ нихъ, какъ главныхъ зачинщиковъ, присудили къ «гарматному вязенню», т. е. сидѣнью на пушкѣ на цѣпи, при чемъ они-же должны были снять повѣшеннаго съ сосны, похоронить своимъ коштомъ и справить по немъ надлежащіе сорокоусты. Остальнымъ дано было по нѣскольку десятковъ ударовъ кіями.

Изложенное нами дѣло «о завѣшенномъ человѣку Савцѣ Розгоненку на соснѣ, подъ селомъ Хильчичами, за покражу пчолъ зъ бортей» взято изъ архива бывшей малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ. Каждый читатель, знакомый съ южно-русской исторіей, видитъ, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ интересномъ историко-бытовомъ явленіи, которое профессоръ Иванишевъ представилъ вниманію ученаго міра подъ именемъ копныхъ судовъ. Изслѣдованіе Иванишева констатировало существованіе этого учрежденія въ правобережной Украйнѣ. Но существовало-ли оно и на остальномъ протяженіи, занимаемомъ малорусскимъ племенемъ? Въ частности, имѣло-ли оно мѣсто въ Украйнѣ лѣвобережной? Это, сколько намъ извѣстно, пока не ставилось наукой даже и въ видѣ простаго вопроса. А между тѣмъ поставить такой вопросъ, въ особенности-же рѣшить его утвердительно, значило-бы отнять у разсматриваемаго явленія случайный характеръ, слѣдовательно придать ему тотъ болѣе широкій и глубокій смыслъ, какой находится въ связи того или другаго явленія со всей національной исторіей. Правда, въ изданныхъ уже историческихъ матеріалахъ есть кой-какія указанія на то, что копные суды были и въ лѣвобереж-

ной Украйнѣ. Такъ въ Запискахъ черниговскаго статистическаго комитета, въ статьѣ г. Лазаревскаго (кн. 2-я, стр. 91): «Черты быта и нравовъ XVII—XVIII в.», есть одинъ актъ, въ которомъ упоминается «купа», собиравшаяся по поводу залома въ житѣ. Но здѣсь слово купа употреблено въ смыслѣ сельской громады, т. е. въ значеніи съуженномъ, производномъ, такъ что упомянутый актъ могъ-бы служить лишь косвеннымъ доказательствомъ того, что копный судъ не былъ чуждъ и лѣвобережной Украйнѣ. За болѣе прямое доказательство можетъ быть сочтенъ актъ, приводимый въ извлеченіи у архіеп. Филарета въ его историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. 7-я, стр. 77): здѣсь воевода стародубскій,—въ согласіи съ тѣмъ, что мы находимъ въ актахъ правобережной Украйны—велитъ «собирать мужовъ и купу учинить». Но мы все-таки не видимъ ни состава купы, ни другихъ подробностей, которыя могли-бы дать намъ непреложную увѣренность, что мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же самымъ явленіемъ. И только документъ, подробно изложенный нами выше, вполнѣ убѣждаетъ насъ, что копные суды имѣли мѣсто и въ лѣвобережной Украйнѣ, имѣли мѣсто даже и въ относительно позднее время, какимъ является начало XVIII вѣка.

Разумѣется, читатель, знакомый съ трудомъ Иванишева, замѣтилъ, что приведенный нами актъ имѣетъ то важное отличіе отъ актовъ Иванишева, что послѣдніе констатируютъ существованіе копнаго суда, какъ учрежденія легальнаго, признаннаго закономъ, въ видѣ Литовскаго Статута, учрежденія, рѣшенія котораго вносятся въ урядовыя книги и т. п., между тѣмъ, какъ копный судъ нашего акта является преслѣдуемымъ и караемымъ, какъ беззаконіе. Различіе важное, но не для нашей цѣли. По этому поводу надо сказать, что, во-первыхъ, копные суды и въ лѣвобережной Украйнѣ находили себѣ признаніе со стороны оффиціальной московской власти, какъ это видно изъ акта приводимаго у арх. Филарета (воевода стародубовскій велитъ «собрать мужовъ и купу учинить»). Вѣроятно въ XVII в. купа, или копа, настолько коренилась въ нравахъ южнорусскаго народа и потому являлась въ извѣстныхъ случаяхъ настолько необходимою, что если она даже и не имѣла легальнаго положенія въ признанной московскою властью системѣ судебно-административныхъ учрежденій, то все-таки завоевывала себѣ извѣстныя права. Впрочемъ, можетъ быть, копные суды и признавались

въ тѣхъ предѣлахъ, какіе отводились имъ Литовскимъ Статутомъ, а подвергались преслѣдованію лишь превышенія ими своихъ прерогативъ. Тотъ фактъ, что копные суды держались, не смотря на непризнаніе ихъ оффиціальной властью и даже преслѣдованіе, доказываетъ особенную живучесть этого учрежденія, зависѣвшую, конечно, отъ того, что оно не было учрежденіемъ привитымъ или заимствованнымъ путемъ польскихъ законодательныхъ вліяній, какъ склонны были думать нѣкоторые.

Но, можетъ быть, требуется доказать, что въ приведенномъ актѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же самымъ копнымъ судомъ, который признавался Литовскимъ Статутомъ и признавался въ западномъ и юго-западномъ русскомъ краѣ. Доказательства на лицо. Судное собраніе называется и въ нашемъ актѣ купой, или копой. Это не собраніе сельской громады, не великорусскій деревенскій судъ стариковъ: это судное собраніе относительно большаго района, обнимающаго части трехъ теперешнихъ волостей—нѣсколько большихъ поселеній. Вѣчевой принципъ личнаго участія, а не представительства, характеризующій собою копный судъ, соблюдается и здѣсь: на судъ сзываются вотчинники, козаки и мужики, т. е. главы самостоятельныхъ хозяйствъ.

Но копное право, сведенное Иванишевымъ по актамъ копныхъ судовъ, допускало и представительство: съ одной стороны, въ видѣ такъ называемыхъ «стороннихъ людей» по одному, по два человѣка изъ трехъ селеній сосѣдняго копнаго округа, съ другой стороны, въ болѣе позднее время представительство помѣщичьей власти за своихъ крестьянъ. То-же мы видимъ и здѣсь. Отъ села Кривоносовки является панскій староста, который однако не приступаетъ къ допросу преступника, пока не является на копу еще одинъ кривоносовскій житель. По акту, приведенному Филаретомъ, копные судьи и называются также, какъ и въ актахъ Иванишева (и въ актахъ виленской археографической коммисіи т. VI), сусѣдями.

Та круговая отвѣтственность, которая связывала жителей копнаго округа, выражается и въ нашемъ актѣ: припомнимъ слова олтарьскаго войта: «коли сего злодѣя пустите, такъ платите намъ селомъ шкоды» и т. д. Крайне интересны въ этомъ смыслѣ слова Подрѣза знобовскаго: «повѣсьте злодѣя, и я, коли що буде, рубля прикину», равно обѣщаніе другихъ сложиться по рублю за смерть зло-

дѣя. Самый судебный процессъ, сколько можно прослѣдить его по нашему акту, по существу тотъ-же самый, съ какимъ мы знакомы по изслѣдованію Иванишева, хотя здѣсь эта сторона затемняется нѣсколько предварительнымъ вмѣшательствомъ сельской власти, въ лицѣ атамана. Не смотря на это, ясно и изъ нашего акта, что судебный процессъ слѣдуетъ тому-же началу частнаго права. Еще до вмѣшательства атамана, пострадавшіе вотчинники сами «узяли обыскъ», т. е. сдѣлали предварительное разслѣдованіе; затѣмъ всѣми дѣйствіями копы по отношенію къ судебному процессу руководили они-же. Сами дѣлали словесный допросъ подсудимаго, подвергали его судебной пыткѣ (въ видѣ битья батогами), наконецъ сами собственноручно и казнили. Накопецъ необходимо указать и на то, что самый объектъ преступленія по нашему акту есть тотъ традиціонный объектъ, который и Литовскимъ Статутомъ поручается копнымъ судамъ, и на практикѣ, сколько можно судить по сохранившимся актамъ, часто давалъ поводъ къ копнымъ судебнымъ собраніямъ.

Надѣемся, вышеуказаннаго болѣе чѣмъ достаточно для доказательства того положенія, что мы въ нашемъ актѣ имѣемъ дѣло съ копнымъ судомъ, и что, слѣдовательно, копные суды существовали и въ лѣвобережной Украйнѣ не только въ польскій, болѣе древній, періодъ ея исторіи, но и въ позднѣйшій московскій, даже не смотря на непризнаніе ихъ закономъ.

Иванишевъ въ своей извѣстной работѣ далъ самый основательный и добросовѣстный анализъ копнаго суда, какой только можно было дать по имѣвшимся у него матеріаламъ. Но онъ не свелъ типическихъ чертъ такъ хорошо разложеннаго имъ явленія; мало того, онъ самъ неумышленно затемнилъ результаты своего анализа, увлекшись неудачной мыслью отождествить копу съ сельской общиной. Извѣстно, что его работа даже и называется: «О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи». Между тѣмъ, ни о какихъ сельскихъ общинахъ, ни о чемъ, кромѣ копныхъ судебныхъ собраній, у него нѣтъ и помину. Конечно, если употреблять слово «община» для обозначенія всякой территоріальной связи, какого-бы происхожденія и характера эта связь ни была, то копа, разумѣется, можетъ быть сочтена представительницей такой связи. Но во всякомъ случаѣ выраженіе «сельская община»

имѣетъ смыслъ настолько опредѣленный, что пользоваться имъ такъ, какъ пользуется Иванишевъ, болѣе, чѣмъ неудобно.

Въ чемъ-же заключается сущность разсматриваемаго нами явленія?—Попробуемъ свести, по возможности сжато, все, что намъ представляется въ немъ типическаго. Будемъ пользоваться для этого актами Иванишева, напечатанными въ архивѣ юго-западной Россіи, нашимъ актомъ и актами виленской археографической коммисіи.

На всемъ протяженіи, занятомъ малорусскимъ племенемъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ ближе русскихъ его предѣлахъ, въ XVI и XVII вв. мы видимъ какія-то территоріальныя организаціи, довольно большихъ размѣровъ, захватывавшія въ свой районъ по нѣсколько большихъ населенныхъ мѣстъ, т. е. размѣръ ихъ долженъ былъ приблизительно соотвѣтствовать размѣру теперешней волости. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о какихъ другихъ функціяхъ организаціи, кромѣ судебной, и потому можемъ назвать эти союзы судебными округами, хотя съ словомъ округъ мы привыкли соединять предоставленіе объ искусственномъ подраздѣленіи, а здѣсь имѣемъ дѣло съ огранизаціями выросшими естественно. Не даромъ-же онѣ и назывались сосѣдствами. Но, употребляя слово «судебный», необходимо оговориться: здѣсь слово «судебный» должно имѣть болѣе широкій и даже нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ это принято. Дѣло въ томъ, что если связь членовъ этихъ союзовъ не была искусственна, то она вмѣстѣ съ тѣмъ не была и только внѣшней. Она держалась на нравственныхъ основаніяхъ, на общемъ сознаніи этой связи; юридическимъ выраженіемъ этой нравственной связи была круговая порука и отвѣтственность. Связанные этой круговой порукой, всѣ члены союза обязывались блюсти за тишиной и безопасностью внутренней территоріи, предупреждая и затѣмъ судя и наказывая преступленія, нарушающія общественный миръ. Цѣлый округъ по отношенію къ другимъ округамъ и отдѣльныя части его по отношенію къ цѣлому союзу обязаны были выдавать преступниковъ, представлять ихъ на судъ, вознаграждать пострадавшаго и т. д. Все это отправленіе скорѣе полицейско-административнаго характера, если вообще къ понятіямъ и учрежденіямъ иного, такъ сказать, архаическаго строя, приложимы юридическія нормы, выработанныя при совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Собственно судебныя функціи этого союза, какъ отчасти видно и

изъ изложеннаго нами подробно акта, а также и изъ излѣдованія Иванишева, замѣчались въ слѣдующемъ. Если на территоріи копнаго округа совершалось преступленіе, *а преступникъ имъ былъ вовсе неизвѣстенъ*, или если фактъ связи его съ констатируемымъ преступленіемъ требовалъ доказательствъ, обиженный имѣетъ право созвать вѣче, копу, громаду. Всѣ полноправные члены копнаго округа, т. е. домохозяева, обязаны были отозваться на призывъ и явиться на коповище. Копное собраніе было чрезвычайно сильнымъ орудіемъ разслѣдованія. Не только въ тѣ времена, когда организація судебныхъ отправленій по необходимости была чрезвычайно элементарна, но даже теперь едва-ли правосудіе располагаетъ болѣе сильнымъ въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ орудіемъ къ раскрытію истины. Прежде всего отношеніе членовъ копы къ дѣлу не было лишь формальнымъ, а внутреннимъ отправленіемъ правосудія, не юридическимъ обязательствомъ, но и нравственною обязанностью. Понятно, какую силу давало копѣ, какъ орудію судебнаго разслѣдованія, это ея отношеніе къ дѣлу. Но этого мало. Каждый членъ копы былъ въ то-же время представителемъ совѣсти всего своего дома, членовъ семьи и прочихъ домочадцевъ. Такимъ образомъ, всѣ жители копнаго округа поголовно участвовали въ раскрытіи преступленія, совершеннаго на ихъ территоріи. При тогдашнихъ-же условіяхъ жизни, и теперь еще отчасти сохраняющихся въ селахъ, когда каждый необходимо зналъ каждаго со всѣми его обстоятельствами, сохраненіе тайны дѣлалось вещью тоже невозможною, осуществимой лишь при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Прибавьте къ этому всю силу внѣшней наблюдательности, которую обнаруживаютъ люди, стоящіе близко къ природѣ, что въ связи съ опытностью и совершеннымъ знаніемъ мѣстности и мѣстныхъ условій, дѣлало копу незамѣнимою въ искусствѣ отыскивать преступленіе «по знакамъ», «гнать слѣдъ» и т. п. Не мудрено потому, что государство (польское), естественно тяготѣя къ отнятію у копы ея старыхъ правъ, все-таки дорожило ею со стороны этой ея, такъ сказать, слѣдовательской функціи, на столько дорожило, что даже искусственно устраивало копы, гдѣ онѣ были уничтожены жизненнымъ процессомъ.

Но въ описываемое нами время копа была еще цѣльнымъ судебнымъ органомъ, хотя и съ ограниченнымъ кругомъ вѣдѣнія.

Мало того: она носила на себѣ явные и несомнѣнные слѣды того болѣе ранняго своего состоянія, когда она была не судебнымъ органомъ только, а какимъ-то инымъ учрежденіемъ, болѣе широкимъ и полнымъ. Этой-то стороны дѣла мы и хотимъ коснуться ближе. Впрочемъ, здѣсь необходимо предупредить читателя, что наша замѣтка уже выходитъ изъ исторической области въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ ту область, куда до сихъ поръ можно сказать еще не заглядывали настоящіе историки, но куда они обязательно должны были-бы обращаться за разъясненіемъ генезиса бытовыхъ формъ. Степень ихъ вниманія къ этой области, разумѣется, должна обязательно обусловливаться тѣмъ, насколько они вообще будутъ придавать значеніе изученію формъ общественной жизни по сравненію съ политическими событіями. Область, о которой идетъ у насъ рѣчь,—сравнительная этнографія, или этнологія, въ связи съ юридической археологіей.

Новѣйшія этнологическія изысканія, по отношенію къ происхожденію правовыхъ формъ и учрежденій, привели къ такимъ выводамъ. Государство, съ его свободнымъ отъ кровныхъ узъ характеромъ, съ его публичнымъ уголовнымъ правомъ, индивидуальной собственностью, личной отвѣтственностью за долгъ и преступленіе— есть продуктъ относительно поздняго времени, историческаго періода въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Этому времени предшествовали многіе вѣка такого общественнаго состоянія, когда люди сплачивались не въ государства, а въ относительно простые и небольшіе союзы для взаимной защиты и поддержанія общественнаго мира. Подобный союзъ въ его чистомъ видѣ удовлетворялъ всѣмъ несложнымъ потребностямъ тогдашняго человѣка: общій языкъ и культъ—его нравственнымъ потребностямъ, общій трудъ и собственность—потребностямъ матеріальнымъ. Съ правовой точки зрѣнія союзы эти характеризовались такими чертами (кромѣ упомянутой выше общности): взаимной отвѣтственностью за жизнь и собственность, изъ которой вытекало обязательство правовой мести за каждаго члена.

Основы, сдерживавшія такой союзъ, были двоякаго рода: въ болѣе ранній періодъ—кровное родство, позже—территоріальная связь, общая осѣдлость. Мы взяли самыя рѣзкія черты организацій того и другого типа, т. е. типа государственнаго въ противупо-

ложность съ болѣе первобытными организаціями для мира и защиты. Но жизнь, разумѣется, какъ и всегда, слишкомъ уклонялась отъ той простоты, которую мы допускаемъ въ нашихъ опредѣленіяхъ. Сложность явленія часто затушевывала рѣзкость его основныхъ чертъ; организаціи одного типа незамѣтно переходили въ организаціи другого типа, или, что еще для насъ важнѣе, входили однѣ въ другія. Такимъ образомъ союзы для мира и взаимной защиты, какъ случалось часто, не распадались подъ давленіемъ слагающагося государства, а входили въ него или цѣликомъ, или видоизмѣненныя подъ его вліяніемъ.

Входя въ государство, союзы для общественнаго мира и взаимной защиты дѣлаются уже историческимъ явленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Юридическая археологія указываетъ во множествѣ ихъ слѣды, и остатки ихъ въ состояніи переживанія держатся въ жизни народныхъ массъ еще и до сихъ поръ. Разумѣется, они не могли удержаться въ цѣльномъ видѣ. Историческій процессъ развитія государственной жизни уничтожилъ большинство ихъ функцій, подхвативъ одну какую-нибудь изъ нихъ и въ лучшемъ случаѣ оставивъ нѣкоторые слѣды, по которымъ научное изслѣдованіе можетъ возстановить генезисъ формы. Къ остаткамъ такихъ союзовъ принадлежатъ, прежде всего, большія задружныя семьи, затѣмъ братства, цехи и гильдіи, далѣе разные виды поземельной общины. Славянская юридическая археологія указываетъ на вервь (древне-русскую и юго-славянскую по Полицкому Статуту), чешскія организаціи společnoj ruku... и т. д. Сюда-же несомнѣнно относится и копа.

Что копа была нѣкогда цѣльной организаціей, союзомъ для общественнаго мира и взаимной защиты, косвеннымъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ этимологическій фактъ, что это самое слово *kupa* у литовцевъ обозначало родовую общину [1]), и въ связи съ нимъ то соображеніе, что члены русской копы назывались сусѣдями (vicinae, тѣмъ терминомъ, которымъ и въ сѣверной Россіи и на западѣ назывались члены территоріальныхъ союзовъ). Но вѣрнѣе, конечно, тѣ прямыя доказательства, которыя можно

---

[1]) Мацѣевскій Hist. prawod. slow. IV, 138.

извлечь изъ анализа самой организаціи этого учрежденія. Собственно говоря, эти доказательства приведены уже выше, стоитъ только свести ихъ здѣсь. Мы знаемъ, что копа обязана была заботиться о мирѣ и безопасности въ предѣлахъ своей территоріи; въ извѣстномъ, указанномъ выше, смыслѣ она еще сохранила отвѣтственность за преступленія своихъ членовъ. Чрезвычайно важнымъ выраженіемъ взаимной связи и отвѣственности, имѣющемъ близкое родственное отношеніе къ древне-русской и древне-германской *вирѣ*, *головщинѣ*, болгарской и хорватской *вражбѣ*, сербской *крвнинѣ* служатъ тѣ денежные взносы, которые дѣлали члены копъ и на которые есть указанія въ актахъ. Припомнимъ слова Подрѣза злобовскаго изъ нашего акта: «повѣсьте злодія, и я, коли що буде, рубля прикину», и то, что другіе тоже обѣщались сложиться по рублю (на это-же есть указаніе и въ Актахъ виленской археографической коммисіи). Слова эти такъ и просятся на сопоставленіе съ извѣстнымъ темнымъ выраженіемъ «Русской Правды», вызывавшемъ такъ много толкованій: «аще кто вложится въ дикую виру»... Очевидно, члены копы несли другъ за друга и матеріальную отвѣтственность, хотя за недостаткомъ данныхъ и невозможно выяснить ея размѣръ и ближайшій характеръ.

Мы сказали, что могли, о предметѣ столь важномъ и совершенно почти ускользающемъ отъ вниманія нашихъ историковъ. Съ нашими средствами мы и не имѣли возможности выяснить явленіе въ настоящей его полнотѣ. Впрочемъ, смѣемъ думать, что и тѣмъ, что сказано нами относительно занимающаго насъ и несомнѣнно интереснаго вопроса, кое-что достигнуто. Прежде всего установленъ фактъ существованія копныхъ судовъ и въ лѣвобережной Украйнѣ, и не только въ польскій, но и въ московскій періодъ ея исторіи. Затѣмъ намѣченъ генезисъ этого явленія, указывающій, что мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь случайно возникшей формой, а съ однимъ изъ многочисленныхъ проявленій общаго процесса разложенія, подъ давленіемъ государства, тѣхъ архаическихъ организацій, которыя обнимали собою всю догосударственную общественную жизнь. Правда, мы не имѣли возможности намѣтить даже главнѣйшія стадіи или моменты въ процессѣ этого разложенія; но по аналогіи съ дальнѣйшимъ, съ тѣмъ, какъ вліяло государство на превращеніе копнаго суда изъ уголовнаго судебнаго органа съ широ-

кими прерогативами въ спеціальный органъ полицейскаго разслѣдованія—процессъ указанный и Иванишевымъ—по аналогіи съ дальнѣйшимъ, говоримъ мы, можно представить себѣ и болѣе ранній ходъ этого процесса.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать еще разъ на то важное значеніе, какое имѣетъ для внутренней исторіи, для исторіи быта, самый тѣсный союзъ съ этнологіей, которая дѣлаетъ такіе большіе успѣхи на Западѣ и такъ слабо прививается къ нашей русской наукѣ.

Александра Е.



АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

(*Продолженіе*) [1]).

IV.

Отъ времени сейма 1638 г., когда такъ позорно поступлено было съ Киселемъ и подорванъ былъ авторитетъ его передъ козаками, какъ лица правительственнаго, прекращаются и его оффиціальныя съ ними сношенія, вплоть до возстанія Хмельницкаго. Что касается отношеній частныхъ, они въ большей или меньшей степени зависѣли отъ общаго положенія и крестьянства и козачества въ краѣ. Повсюду въ это время крестьянское населеніе было подавлено и безгласно, осѣдлое козачество ограничено незначительнымъ числомъ, точно обозначенной территоріей, поселеніемъ исключительно на коронныхъ земляхъ; въ населеніи жило недовольство, глухая оппозиція, и одни только запорожцы, появляясь временами то тамъ, то здѣсь въ Украйнѣ, не прочь были слегка побезчинствовать въ имѣніи любого пана, лишь онъ былъ имъ въ данную минуту по силамъ. Такъ было, конечно, и въ имѣніяхъ Киселя; жалуется онъ напр. въ 1645 г. передъ судомъ,

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., сентябрск. кн, стр. 51—72.

что запорожцы въ имѣніяхъ его Носовкѣ, Кобыжчѣ, Козарахъ «...подданныхъ на кождый день бьютъ, десцектуютъ, меды, пива, горилки куповати собе, также рыбы, у своихъ шинкарокъ, которые зъ Запорожа припровадили, примушаютъ» [1])

Общественная дѣятельность Адама Григорьевича въ десятилѣтіе 1638—1648 г. получила новое направленіе, которое въ общемъ можно назвать дипломатическимъ, хотя собственно таковымъ оно становится лишь къ концу этого періода.

Еще въ 1638 г., состоя посломъ на сеймѣ, Кисель былъ выбранъ въ коммисію по разграниченію воеводствъ кіевскаго и черниговскаго. Въ той-же коммисіи участвовалъ онъ и въ 1641 г., но уже въ качествѣ сенатора, въ званіи каштеляна черниговскаго, и какъ на сеймъ онъ былъ избранъ волынскимъ воеводствомъ въ послы, т. е. членомъ сената въ моментъ выбора еще не былъ, то слѣдуетъ думать, что каштелянію онъ получилъ въ половинѣ 1641 г. Въ промежуткѣ 1641—1645 гг., по словамъ грамоты слѣдующаго года, Кисель оказалъ услуги по успѣшному веденію дѣла въ коммисіи для установленія «вѣчныхъ» границъ съ государствомъ московскимъ [2]), съ которымъ въ ближайшемъ будущемъ предстояло ему свести знакомство непосредственное и побывать на Москвѣ.

Дѣло въ томъ, что въ это время у короля Владислава IV возникаетъ мысль о союзѣ христіанскихъ державъ противъ мусульманъ, объ изгнаніи турокъ изъ Европы, уничтоженіи татарской орды. Мысль эта возникала, быть можетъ, въ его умѣ еще до избранія его въ короли, подъ вліяніемъ пораженія поляковъ подъ Цецорой и собственнаго, годъ спустя, бѣгства отъ турокъ изъ подъ Хотина; но въ 1645 г., съ пріѣздомъ въ Польшу венеціанскаго посла Тьеполо, давно знакомаго Владиславу, обнаружилась на столько, что о замыслахъ короля противъ мусульманъ носились слухи даже въ Украйнѣ [3]).

Предпринимая что либо противъ турокъ, а тѣмъ болѣе противъ ближайшихъ сосѣдей татаръ, необходимо было позаботиться

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 393.

[2]) Niesiecki, т. II, стр. 520; Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 404; Volum. leg. (1860), т. III, стр. 449, § 42; т. IV, стр. 16, § 61; стр. 99, 96.

[3]) Богданъ Хмельницкій (4-е изданіе), т. I, стр. 202.

предварительно о безопасности Польши съ прочихъ сторонъ. Особенно важно было обезпечить себя отъ долголѣтняго неприятеля, московскаго государства, недавно униженнаго дважды и потому естественно враждебнаго до высшей степени; поляновское «вѣчное докончанье» соблюдалось, положимъ, свято, но трудно было на него положиться, какъ показалъ примѣръ послѣдняго безкоролевья. Необходимо было возобновить дружескія сношенія съ Москвою, по возможности закрѣпить ихъ, а если окажется возможнымъ, то заключить наступательный или хотя оборонительный союзъ противъ невѣрныхъ, набѣги которыхъ были опустошительны для обоихъ государствъ одинаково.

Нужно было подъискать способнаго человѣка для переговоровъ съ Москвою; и выборъ короля и его совѣтниковъ долженъ былъ сразу остановиться на Киселѣ. Кисель былъ человѣкъ русскій и православный, а это обезпечивало ему хорошій пріемъ; онъ долго прожилъ на пограничьи, въ коммисіяхъ о проведеніи границъ ознакомился съ ними подробно, зналъ причины, поводы и сущность порубежныхъ споровъ, наконецъ, по старой памяти, могъ сохранять извѣстное вліяніе на козачество вообще и въ частности на Запорожье, безъ дѣятельнаго участія котораго немыслимо было никакое предпріятіе противъ татаръ и которое правительству необходимо было теперь успокоить и задобрить, въ виду чувствовавшейся всѣмъ затаенной его враждебности.

Въ концѣ 1645 г. король вызвалъ Адама Григорьевича къ себѣ. Ближайшая цѣль вызова была, какъ оказывается, тогда уже извѣстна высшему кіевскому духовенству, а вскорѣ стала извѣстна и на Москвѣ по такому случаю. Посылалъ въ ту зиму митрополитъ кіевскій Петръ Могила посланцовъ на Москву, съ игуменомъ печерскимъ Иринархомъ во главѣ, просить царской милостыни на монастыри [1]).

[1]) Петръ Могила посылалъ Иринарха не съ пустыми руками; послѣдній представилъ въ даръ царю между прочимъ: «муро источающее отъ главъ преподобныхъ святыхъ отецъ нашихъ печерскихъ чудотворцовъ, Распятіе евтарное, коня арапского подъ сѣдло его царского величества, шесть возниковъ на упрягъ царской клесницы, два ковра: единъ шолкомъ и златомъ тканъ, другой на червленицы шитъ золотомъ, меленку серебренную позолочену, вѣсомъ 2 фунта 42 золотника, и сосуды хрусталные, стекляные, различного мастерства, дѣломъ сотворенные. Кромѣ того игуменомъ отъ лавры поднесены «Треодь цвѣтная въ лицахъ» и «Акаисты въ лицахъ», а бояринъ Предремирскій презентовалъ царю коня гнѣдого арапского».

На Москвѣ, какъ извѣстно, было въ обычаѣ распрашивать, ради вѣстей, каждаго пріѣзжаго изъ-за рубежа; спрашивали о новостяхъ и присланнаго Могилою печерскаго игумена Иринарха, а онъ показалъ, что слышалъ отъ митрополита: «рѣшено де отправить посломъ въ Москву Адама Киселя, для того, чтобъ великому государю московскому съ литовскимъ королемъ соединиться на Крымъ, и о томъ у литовскаго будетъ соймъ большой на шесть недѣль, нынѣ вскорѣ въ великомъ постѣ. Присылали къ польскому королю изъ окрестныхъ государствъ короли, чтобъ велѣлъ Нѣпръ отперетъ; объ этомъ и о Запорожскихъ Черкасахъ договорено будетъ на соймѣ. Слышно, что нѣметцкіе короли согласились уже между собою противъ турокъ, а другъ съ другомъ не воевать имъ шесть лѣтъ, папа приглашаетъ къ тому-же союзу и литовскаго. На соймѣ-же будетъ докончанье и о спорныхъ порубежныхъ дѣлахъ съ Москвою; король хочетъ, чтобъ литовскіе люди ни въ чемъ съ великимъ государемъ расколы не чинили; а чинитъ расколу въ межевомъ дѣлѣ одинъ Вишневецкій, изъ-за своихъ имѣній, которыя отъ него отходятъ къ московскому государству; потому и поѣхалъ къ королю, тому четвертая недѣля (допросъ происходилъ 2 марта), хлопотать, чтобы ему взамѣнъ пожаловали имѣнія въ другихъ мѣстахъ. А Адамъ Кисель поѣхалъ къ королю съ Вишневецкимъ».

Вѣсти Иринарха были вѣрны относительно какъ поводовъ, такъ и цѣли посольства Киселя; но самое посольство его осуществилось только черезъ годъ. Соймъ собрался лишь поздней осенью, и королевскіе планы потерпѣли на немъ полную неудачу: вся шляхта возстала противъ войны, противъ морскаго козацкаго похода, слѣдовательно и противъ какого-бы то ни было облегченія козачества; дѣло о посольствѣ Киселя, принятое сеймомъ только въ декабрѣ, было мотивировано не столько настоящими его цѣлями, сколько второстепенною,—необходимостью уладить спорныя дѣла о пограничныхъ земляхъ; однимъ и тѣмъ-же сеймовымъ постановленіемъ сейма онъ назначается и посломъ, и комиссаромъ по упомянутому предмету [1]).

Предназначая Киселя въ послы по весьма важнымъ дѣламъ и зная щепетильность московскаго правительства относительно сана прибывающихъ къ нему посланниковъ, король воспользовался первой

[1]) Volum. legum., т. IV, стр. 45, § 6.

представившейся вакансіей, чтобы повысить Адама Григорьевича, давъ ему званіе каштеляна кіевскаго [1]). Въ тѣхъ-же, очевидно, соображеніяхъ, грамота 5 февраля 1646 г., возводящая его въ это званіе, столь пространно излагаетъ заслуги предковъ Адама и его самого, такъ что, благодаря ей, сохранились для насъ нѣкоторые біографическіе факты, по другимъ источникамъ неизвѣстные.

О самомъ посольствѣ Киселя въ Москву, времени его пребыванія здѣсь, ходѣ переговоровъ и даже ихъ результатахъ свидѣтельствъ, современныхъ самимъ событіямъ, совсѣмъ нѣтъ; но свѣдѣнія этого рода получаются изъ переписки непосредственно слѣдующаго времени, конца 1647 и начала 1648 годовъ.

Съ Киселемъ, человѣкомъ русскимъ и православнымъ, хорошо владѣвшимъ, какъ видно изъ его писемъ, русскою письменною рѣчью того времени и книжно-церковною, московскимъ боярамъ не трудно было разговориться и сговориться, а потому и принято было посольство очень хорошо, какъ можно заключить изъ письма Киселя къ сѣвскимъ воеводамъ [2]). Съ своей стороны, Кисель старался быть любезнымъ и, въ чемъ можно, услужливымъ по отношенію къ Москвѣ. Такъ еще въ смутное время поляками увезены были изъ Москвы мощи кого-то изъ русскихъ князей и содержавшая ихъ мраморная гробница (или только надгробіе) съ надписью золотомъ; мощи были впослѣдствіи возвращены, но «камень мармуровый» оставался въ Варшавѣ. Кисель взялся выхлопотать возвращеніе и этого камня, и онъ былъ отосланъ черезъ его посредство изъ Варшавы въ Москву кружнымъ путемъ черезъ Кіевъ, черезъ имѣніе Киселя Кобыщу, а оттуда черезъ Путивль [3]).

---

[1]) Каштеляніи раздѣлялись на меньшія и большія; послѣднія пріурочены были къ главнымъ городомъ воеводствъ; независимо того, всѣ каштеляны, какъ и воеводы, имѣли опредѣленныя мѣста въ сенатѣ сообразно старшинству учрежденія ихъ должностей; чины воеводства черниговскаго, учрежденнаго только въ 1634 г., считались одними изъ младшихъ.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 107.

[3]) Что мощи принадлежали одному изъ князей (не Димитрію-ли Углицкому?), заключаемъ изъ словъ Киселя въ письмѣ къ боярамъ: «Мощи честные..., въ свою отчину перенесенные, *отеческимъ* гробомъ пресвѣтлыхъ великихъ царей и государовъ древныхъ совокупляшася». Въ письмѣ его-же къ путивльскому воеводѣ Юрію Долгорукому читаемъ: «Камень зъ написомъ, прилежащимъ мощемъ, зъ *Варшавы*

Московское правительство обнаруживало относительно Киселя почти небывалую любезность и предупредительность. Писалась, напримѣръ, сѣвскимъ воеводамъ государева грамота по такому пустячному поводу: «Какъ шолъ съ Москвы Адамъ Кисель, и въ Болховѣ у него Адама съ стану утекъ соболь съ чепью съ серебреною, а у брата его Александра Киселя гончая собака»,—вѣроятно изъ числа царскихъ подарковъ. Воеводамъ предписывалось, сыскавъ пропажу, доставить ее Киселю и о томъ къ государю отписать. И воеводы «малого звѣрка соболя, погибшого подъ Болховымъ», поймали и доставили Киселю, а Кисель «государской милости добрѣ обрадовался», усматривая въ этомъ маломъ «зракъ и образъ» благодати-же и незреченной милости его царскаго пресвѣтлаго величества [1]).

Поощренный ласковымъ пріемомъ въ Москвѣ, Адамъ Григорьевичъ не забылъ и своихъ личныхъ интересовъ. Пользуясь пограничнымъ положеніемъ своихъ лѣсовъ, особливо козерградскихъ и болѣе сѣверныхъ, задесенскихъ, для отпускной торговли [2]), онъ задумалъ выпросить себѣ позволеніе на выдѣлку поташа въ нетронутыхъ еще промышленностью «дикихъ черныхъ лѣсахъ» за рубежемъ, въ трубчевскомъ уѣздѣ нынѣшней орловской губерніи, съ удобнымъ сплавомъ по Деснѣ, да въ лѣсахъ недрыгайловскихъ (лебединскаго уѣзда, харьковской губерніи, на самой границѣ полтавской). И дѣйствительно ему было пожаловано право устроить въ первомъ мѣстѣ три буды, т. е. поташныхъ завода, и во второмъ мѣстѣ двѣ, съ той только убавкой противъ его просьбы, что право это дано ему не на семь лѣтъ, какъ онъ хотѣлъ, а всего на пять. Уже по возвращеніи его изъ Москвы въ Украйну, ему прислали сюда форму записи, какую онъ долженъ былъ дать отъ себя боярамъ въ соблюде-

---

до столици принесеннымъ», а въ письмѣ къ сѣвскимъ воеводамъ: «камень мармуровый, золотомъ писанный, о немъ же было его царского пресвѣтлого величества желаніе, штобы былъ *отданный*, да и сія крайняя *першихъ раздоровъ* не зоставала-бы *паметка*, егда вѣчный соузъ братства-дружбы есть закрѣпленный». Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 99, 111, 114, 135, 136, 143, 145, 146.

[1]) Архивъ южной и западной Россіи, т. III, №№ 109, 120.

[2]) Здѣсь, по видимому, принадлежала Киселю *Мена*, нынѣ мѣстечко остерскаго уѣзда, такъ какъ сюда, между прочимъ, онъ просилъ московскихъ бояръ высылать ему письма.—Архивъ южной и западной Россіи, т. III, № 178, стр. 75.

ніи условій пользованія, а условія эти заключались въ обереженіи бортныхъ или годныхъ на борти деревьевъ, непользованіи никакими другими земельными угодьями и рыбными ловлями, въ сохраненіи неприкосновенными межъ, концовъ и гранныхъ деревьевъ (граничныхъ, со знаками). Оговаривалось также, что Кисель устроенныхъ имъ за рубежемъ будъ не долженъ называть своими «и нѣчѣмъ въ королевского величества сторону не притягивать», и сверхъ того онъ давалъ отъ себя обязательство, которое въ устахъ «великаго и полномочнаго посла», пограничнаго чиновника и землевладѣльца, по отношенію къ сосѣднему иноземному монарху не можетъ не казаться нѣсколько страннымъ: «И я за его государскую милость до конца дней моихъ *работати всегда буду его царского величества достоянью*». Пожалованное право служило, по записи, только *лично* Адаму Григорьевичу, но отнюдь не его наслѣдникамъ. Впрочемъ, частью своего права Кисель поступился обратно еще раньше его окончательнаго оформленія. Дѣло въ томъ, что недрыгайловскіе лѣса принадлежали къ числу тѣхъ именно земель, которыя, по договору о разграниченіи, отходили къ Москвѣ изъ владѣнія Польши и изъ собственности князя Іереміи Вишневецкаго: устроить здѣсь гуты съ дозволенія московскаго государя значило возбудить противъ себя вражду могущественнаго, гордаго и неудержимаго въ самоволіи украинскаго магната, оспаривавшаго здѣсь каждую пядь земли отъ Москвы [1]). Кисель спохватился па счетъ этого, уже вернувшись въ Украйну, и писалъ отсюда въ Москву: «волю одступить двохъ недрыгайловскихъ будъ, а четвертую имѣти въ трубецкихъ лѣсахъ,—есть тому причина; аще ли же не будетъ на то царского произволенія, я на томъ престану, што мнѣ даде щедротная ласка его царского пресвѣтлого величества; недрыгайловскихъ же одступаю». Въ другой разъ онъ выражается опредѣленнѣе, почему онъ не хочетъ имѣть будъ въ недрыгайловскомъ лѣсу: «Зъ братомъ не всегда миръ брату, азъ же безъ порока да пребуду». Кромѣ опасенія задраться съ непосильнымъ Вишневецкимъ, у Киселя была еще и другая причина, чтобы просить разрѣшенія устроить 4-ю гуту не въ недрыгайловскихъ, а въ трубчевскихъ лѣсахъ: во время тайныхъ переговоровъ Киселя съ боярами на Москвѣ, они предлагали уступить

[1]) Тамъ-же, № 96, 105, 106, 108, 110, 115, 152, 158.

Польшѣ Трубецкъ и Городища, взамѣнъ за Дорогобужъ, который представлялъ для московскаго государства гораздо большую цѣну, какъ выдвинутый аванпостъ въ сторону Смоленска, отстоящій отъ него не далѣе 100—120 верстъ. Кисель обѣщалъ тайно-же доложить объ этомъ королю и хлопотать въ смыслѣ желаній московскаго правительства, разсчитывая, конечно, что если эта замѣна состоится, то ему, опираясь на пожалованіе царя Алексѣя Михайловича, легко будетъ закрѣпить за собою трубецкія буды съ ихъ обширными «дикими лѣсами» въ полную или хоть ленную собственность. Потому-то онъ, представляя вопросъ о четвертой буде на милостивое произволеніе царскаго величества, запись, какой отъ него требовали, написалъ все-таки не на три, а на четыре буды. Въ Москвѣ тоже были не безъ разсчета: отказъ отъ недрыгайловскихъ лѣсовъ приняли, а прибавить въ отмѣну не захотѣли, потребовали отъ Киселя другой записи, въ размѣрѣ первоначальнаго пожалованія въ трубецкомъ уѣздѣ [1]). Не пришлось, впрочемъ, Адаму воспользоваться и этимъ: отрѣзала отъ него московское пожалованье нахлынувшая вслѣдъ затѣмъ волна козацкаго возстанія, затопившая и черниговскія его маетности, нанесшая много ущерба и волынскимъ...

Справедливость требуетъ сказать, что личные интересы Киселя въ его посольствѣ выступали такъ сказать мимоходомъ и отнюдь не мѣшали ему въ переговорахъ о дѣлахъ государственныхъ. Въ одномъ только пунктѣ, притомъ едва-ли не въ самомъ важномъ, ему не удалось выполнить желаній короля и его ближайшихъ довѣренныхъ лицъ: Москва и слушать не хотѣла о *наступательномъ* союзѣ противъ мусульманъ; всѣ-же прочіе пункты переговоровъ, какъ-то: хроническіе споры о царскомъ и королевскомъ титулахъ, опредѣленіе границы обоихъ государствъ и удовлетвореніе порубежныхъ претензій той и другой стороны, обмѣнъ пограничныхъ властей вѣстями, особенно о движеніяхъ татаръ, и наконецъ заключеніе противъ нихъ оборонительнаго союза приведены Киселемъ къ результату вполнѣ почти благопріятному, хотя и не всѣмъ имъ суждено было осуществиться на самомъ дѣлѣ.

Титулы изстари составляли предметъ нескончаемыхъ споровъ между Польшею и Москвою, особенно со стороны послѣдней, видѣв-

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 143, 146, 159, 161, 167, 170, 173.

шей кровную обиду не только въ пропускѣ или искаженія хотя одного слова въ титулѣ царя, но также и въ добавкѣ всякаго слова въ титулъ королевскій, не имѣй оно даже никакого опредѣленнаго значенія въ смыслѣ претензіи на извѣстное право. Конечно, подобныхъ ошибокъ тщательно старались избѣгать въ перепискѣ собственно дипломатической, которую вѣдали люди специальные; но уберечься отъ нихъ въ взаимныхъ сношеніяхъ порубежныхъ властей обоихъ государствъ было почти невозможно, особенно при поселеніи на пограничьи поляковъ или хотя и русскихъ, но ополяченныхъ до забвенія своего языка. Кисель объяснялся однажды по этому поводу передъ московскими боярами вполнѣ основательно: «не всѣмъ далъ Господь розумѣти все, иные письма русского не знають, дячка вземши одъ церкви, повеливаеть писати; самъ писаное грамоты не прочтеть, какъ исправити маеть грамоту проступную? И сіе люди съименованные въ грамотехъ милостей вашихъ зъ проступками: ей Богу моему, што ни еденъ зъ нихъ русского писма не знаетъ». Въ виду постоянныхъ непріятностей изъ-за титуловъ, не разъ уже пытались установить для пограничныхъ сношеній возможно краткія ихъ формулы, которыми-бы никто не затруднялся. И въ этотъ разъ, согласно договору Киселя, раньше еще возвращенія его изъ Москвы, король издалъ универсалъ къ властямъ и жителямъ при московскомъ рубежѣ, которымъ настрого предписывалъ держаться условленной формулы, весьма нехитрой и нетрудной. Но въ Польшѣ отъ предписанія до точнаго исполненія было слишкомъ далеко; каждый староста, державца, частный владѣлецъ или его арендаторъ и даже управляющій считалъ какъ-бы своимъ правомъ и даже будто шляхетской обязанностью оставлять королевскіе приказы безъ вниманія и не исполнять ихъ, хотя-бы это могло нанести ущербъ интересамъ государства. Прописки въ титулахъ не прекратились и послѣ принятія упрощенной формулы, а Москва, возставая противъ нихъ для виду, на самомъ дѣлѣ врядъ-ли была-бы довольна совершеннымъ ихъ прекращеніемъ. Пользуясь прописками, можно было оставлять безъ удовлетворенія и даже безъ всякаго разсмотрѣнія по существу многія основательныя жалобы зарубежныхъ сосѣдей, и такихъ примѣровъ въ сношеніяхъ Москвы и Польши находимъ не мало. Пишетъ, напримѣръ, коронный хорунжій Александръ Конецпольскій объ ограбленіи гадячскихъ купцовъ княземъ Никитою Ивановичемъ

Одоевскимъ возлѣ Бѣлгорода; но на письмѣ его, вмѣсто резолюціи, помѣчено только: «взять къ прописнымъ листамъ»; жалуется «вице-администраторъ» королевскихъ украинныхъ имѣній, черниговскій подстолій Гульчевскій, объ убійствѣ москвитянами двѣнадцати королевскихъ крестьянъ, прилагая ихъ именной списокъ, а вмѣсто отвѣта по существу читаемъ: «государь указалъ и бояре приговорили: велѣть писать къ Адаму Киселю про всѣ тѣ прописные листы, которые объявились послѣ договору и послѣ королевской грамоты, которые королевскіе грамоты противъ договору розосланы, а тѣ всѣ прописные листы описавъ, князя Еремѣя Вешневетцкаго и иныхъ». Но была и другая, болѣе важная цѣль, для которой московскіе политики ловили всякую прописку въ титулѣ и ставили ее въ счетъ. Съ помощью прописныхъ листовъ всегда можно было возбудить, выражаясь по нынѣшнему, конфликтъ съ Польшею и по произволу довести дѣло до разрыва; извѣстно, что Москва и прибѣгла къ этому средству въ недалекомъ будущемъ, въ 1654 году. Люди болѣе опытные въ дипломатіи и предусмотрительные по отношенію къ политикѣ Москвы, въ томъ числѣ и Кисель, ясно понимали весь вредъ для поляковъ отъ допускаемыхъ ими прописокъ въ царскихъ титулахъ, сознавали могущую возникнуть отсюда серьезную опасность, и поэтому-то Адамъ Григорьевичъ предлагалъ на обсужденіе московскихъ бояръ очень дѣйствительную мѣру противъ описокъ, которыя ихъ, повидимому, такъ огорчали. Онъ находилъ нужнымъ назначить отъ обоихъ государствъ по одному или по два постоянныхъ пограничныхъ комиссара, рекомендуя предоставить имъ исключительное право взаимныхъ сношеній, всѣмъ-же прочимъ лицамъ запретить обращаться непосредственно къ зарубежнымъ властямъ, а дозволить имъ дѣйствовать только чрезъ комиссара своего государства. Наступившія событія помѣшали не только осуществленію, но даже и обсужденію предложенія Киселя; такъ оно и забылось безслѣдно [1]).

Не осуществилось и проведеніе въ натурѣ точной границы между обоими государствами, равно какъ и обмѣны земель нѣкоторыхъ владѣльцевъ, хотя по тому и другому дѣлу достигнуто

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 95, 96, 87, 101, 113, 160, 162 170.

было Киселемъ полное соглашеніе. Вопросъ объ уступкѣ Трубчевска въ обмѣнъ за Дорогобужъ былъ поставленъ совершено независимо отъ условленнаго разграниченія, и о немъ, какъ мы уже упоминали, долженъ былъ предложить Кисель королю въ секретномъ собраніи сенаторовъ. Кисель велъ оживленную переписку съ воеводами сѣвскими и путивльскими о высылкѣ уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ на межи и для осмотра предстоящихъ къ обмѣну имѣній. Въ свою очередь, воеводы и московскіе бояре писали къ Адаму по межевымъ дѣламъ и разнаго рода пограничнымъ столкновеніямъ, видя въ немъ не только посла, но и пограничнаго комиссара. Впрочемъ къ Киселю и послѣ того, какъ окончилась его миссія заключеніемъ договора, изъ Москвы продолжали относиться и по дѣламъ, не входившимъ въ область дѣйствій пограничной комиссіи, напр. о «прописныхъ листахъ», и это явственно свидѣтельствуетъ о довѣріи и нѣкоторомъ вліяніи, какія успѣлъ пріобрѣсть Кисель у московскихъ государственныхъ мужей. Къ нему, второму только лицу въ кіевскомъ воеводствѣ, обращаются изъ московскаго государства помимо старшихъ его по званію сосѣднихъ воеводъ кіевскаго и черниговскаго, какъ будто миссія его не закончилась съ отъѣздомъ изъ Москвы, какъ будто онъ все еще сохраняетъ права «великаго и полномочнаго посла». Понятно, что такое отношеніе къ Киселю иноземнаго правительства не могло не отражаться и въ его политическомъ отечествѣ [1]).

Особенною живостью отличались пограничныя сношенія Киселя съ московскими воеводами по сообщенію взаимно разнаго рода вѣстей, преимущественно о движеніяхъ татаръ. Обязательство этого рода вошло въ условія заключеннаго Киселемъ договора, и въ выполненіи его равно были заинтересованы обѣ стороны, одинаково терпѣвшія отъ набѣговъ крымцевъ, ногайцевъ и другихъ ордъ. Ближе другихъ, какъ видно, сошелся Кисель съ путивльскимъ воеводою, княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ. Въ генварѣ

---

[1]) Акты о порубежныхъ столкновеніяхъ очень многочисленны; они составляютъ болѣе половины документовъ III тома Архива южной и западной Россіи, между №№ 95 и 200.—Сношенія собственно съ Киселемъ и отсылка къ нему разнаго рода дѣлъ также, №№ 96, 107, 111, 113, 114, 119, 130, 143,—146, 149, 161, 162, 167, 183, 195, 196.

1648 г. онъ пишетъ ему, что по извѣстіямъ изъ Крыма, съ тамошними татарами воевали ногайцы и съ обѣихъ сторонъ «междуусобною бранею многіе пропали», что потомъ они помирились и тайно согласились между собою идти съобща на Польшу, что хотя султанъ, по силѣ существующихъ договоровъ, и не долженъ былъ позволить татарамъ нарушить миръ, но что въ виду извѣстнаго самовольства татаръ король приказалъ коронному войску выступить въ пограничныя мѣстности, пригласивъ присоединиться къ нимъ и мѣстныхъ разныхъ пановъ съ ихъ ополченіями, а потому и въ силу заключеннаго договора, въ случаѣ нападенія татаръ, московское войско должно съ своей стороны оказать помощь польскому. Кисель предупреждалъ также о хитромъ намѣреніи хана послать въ Москву съ изъявленіемъ будто-бы своей дружбы и совѣтовалъ не довѣрять ему, извѣщалъ, что султанъ запретилъ крымцамъ нападать на Польшу, косвенно намекалъ на нарушеніе Москвою договора чрезъ посылку царемъ хану «казны», замѣчая, что это возбудило неудовольствіе сенаторовъ и что ему Киселю приходится успокоивать ихъ тѣмъ, что нынѣшняя посылка была отпущена ранѣе заключенія договора и потому не служитъ нарушеніемъ онаго. Долгорукій именемъ царя обѣщалъ двинуть московскую рать до Днѣпра. Кисель благодаритъ за готовность къ помощи, увѣдомляетъ, что татары отступили домой, а потому и польскія войска пановъ тоже расходятся, кварцяное-же войско располагается въ черкасскихъ козацкихъ городахъ, гдѣ козаки «одного пулковника своего чигиринского здрадили». Это была первая вѣсть изъ Польши въ Москву о враждебныхъ замыслахъ Богдана Хмельницкаго, который здѣсь еще и не названъ по имени. Объ отходѣ орды на крымскую сторону Кисель почти одновременно извѣщаетъ и сѣвскаго воеводу, Замятню Ѳедоровича Леонтьева, благодаря притомъ его за сообщеніе вѣсти о движеніи въ Крымъ калмыковъ. Причину наружнаго миролюбія татаръ онъ указываетъ какъ въ готовности собравшагося противъ нихъ польскаго войска, такъ и главнымъ образомъ въ союзѣ Польши съ Москвою: «сходство братское и соединеніе великихъ пресвѣтлыхъ господарей нашихъ страшно есть не точію крымскому хану, но и турскому солтану». Въ мартѣ онъ снова пишетъ боярамъ, что имѣлъ порученіе дѣйствовать противъ татаръ совмѣстно съ великимъ гетманомъ и что хотя въ

этомъ помѣшала ему болѣзнь, но что теперь онъ долженъ съ тѣмъ же гетманомъ *разслѣдовать причины* бѣгства нѣкоторыхъ козаковъ на Запорожье и поступать сообразно поведенію крымцевъ. Важно здѣсь такое предупрежденіе: «ханъ прислалъ къ намъ договариваться о дружбѣ; если онъ дружится и съ вами, то дружба его прямая; если-же съ одними нами, лесть есть». Очевидно, Кисель ожидаетъ отъ Москвы полной взаимности, и на этотъ разъ не напрасно: еще до полученія его письма, бояре извѣщали, со словъ вышедшаго изъ орды полоняника, что ханъ уже обѣщалъ запорожцамъ помощь противъ Польши, «отдалъ приказъ коней кормить. А въ крыму голодъ большой, чернь татарская рада войнѣ, безъ нея нынѣшняго лѣта никакъ имъ не пробыть». Эти обоюдныя увѣдомленія о татарахъ продолжаются и во все то время, когда они присоединились уже къ Хмельницкому; съ польской стороны повторяются при этомъ просьбы о помощи, въ томъ числѣ и отъ кн. Іереміи, а воеводы, согласно царскому указу, такую помощь обѣщаютъ: еще 4 іюня, т. е. послѣ корсунской битвы, пишетъ Киселю въ этомъ смыслѣ Болховскій воевода*).

Въ этой перепискѣ обѣ стороны постоянно ссылаются на заключенный Киселемъ союзный договоръ, такъ какъ выполненіе его вызвало нѣкоторыя недоразумѣнія на первыхъ-же порахъ. Выше мы упоминали, что вслѣдъ за договоромъ въ Крымъ послана была царская казна, или такъ называемый «упоминокъ», представлявшій въ сущности ежегодную дань, которую доселѣ одинаково платила хану Москва, какъ и Польша, и выплату которой обѣ стороны взаимно обязывались теперь прекратить. Поляки, узнавъ о посылкѣ хану царемъ «упоминка», сочли это нарушеніемъ договора; бояре возражали, что казна была уже отпущена прежде подписанія договора. Такъ успокоивалъ сенаторовъ и Кисель. Но на Москвѣ сообразили, что прекратить теперь платежи хану, въ силу обязательства передъ Польшей, значитъ стѣснить себя въ будущемъ, а потому стали пріискивать возможность болѣе выгоднаго толкованія самого договора. Возможность эта и нашлась *въ одной буквѣ*. Въ условіи значилось, что «*нынѣ* обои великіе государи наши, чтобъ

*) Переписка о договорѣ и ссылки на него. Также, №№ 99, 107, 133, 134, 136, 146, 166, 182, 194; Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 206.

крымской ордѣ отъ насъ никакая причина не была, (согласились) по давному обычаю съ ними поступить», т. е. однажды, прежде чѣмъ договоръ войдетъ въ силу, уплатить «упоминокъ». Кисель толковали, что здѣсь надо разумѣть только *нынь*, а не всегда, бояре-же вмѣсто поступить «читали» поступать... Собственно говоря, условіе о прекращеніи «упоминковъ» хану было для короля Владислава и другихъ сторонниковъ войны съ невѣрными самымъ важнымъ пунктомъ договора. Оно должно было вызвать столкновеніе Крыма съ Москвою и превратить такимъ образомъ оборонительный по формѣ союзъ въ наступательный. Съ польской стороны платежъ дани прекращенъ еще съ 1645 г., и впослѣдствіи ханъ выставлялъ это обстоятельство главною причиною своего союза съ козаками; но въ Москвѣ, какъ видно, во время поняли эту ловушку. Москва хотѣла сохранить за собою, не смотря на трактатъ, полную свободу дѣйствій, чтобы воспользоваться потомъ обстоятельствами въ *свою только* пользу, какъ оно въ концѣ концевъ и случилось[1]).

Вскорѣ успѣхи козаковъ и всеобщее возстаніе на Украйнѣ заставили Киселя бѣжать отсюда, и съ той поры прекращаются его сношенія съ Москвою. Сношенія эти въ дипломатическомъ смыслѣ носятъ чрезвычайно оригинальный и даже странный характеръ. Хотя и сенаторъ, но изъ второстепенныхъ, Кисель пишетъ прямо къ думнымъ боярамъ, какъ бы въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, а эти гордые и еще болѣе чванные бояре тоже обращаются не къ сенаторской радѣ непосредственно, а все черезъ того же *Одама*. Понятно, это должно было поднять его авторитетъ и у себя дома, король долженъ былъ признать и оцѣнить его услуги, хотя едва-ли довѣрялъ ему *вполнѣ* свои планы относительно турецкой войны и расширенія для этого правъ козачества, не говоря уже о возможномъ усиленіи собственной власти на счетъ шляхты: въ этомъ пунктѣ Адамъ Григорьевичъ могъ-бы оказаться самымъ рѣшительнымъ противникомъ короля.

Наградою посольскихъ трудовъ Киселя было возведеніе его въ достоинство воеводы брацлавскаго, въ концѣ февраля 1648 г.,—

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, №№ 107, 111, 112, 117, 122, 124, 128, 133, 135, 136, 143, 146, 149, 164, 166, 167, 172, 181, 184, 187, 194.

съ этимъ титуломъ онъ пишется 16 марта, а 23 февраля подписался еще кіевскимъ каштеляномъ. Повышеніе было сдѣлано довольно значительнымъ скачкомъ: сначала предполагалось дать ему низшее по рангу воеводство черниговское, а въ Брацлавъ назначить отсюда Калиновскаго, но король былъ недоволенъ тестемъ послѣдняго, канцлеромъ Оссолинскимъ. На такое назначеніе указываетъ самъ Кисель въ письмѣ къ сѣвскому воеводѣ: «азъ же одъ государя моего первѣе черниговскимъ, потомъ-же болшимъ браславскимъ воеводствомъ пожалованъ». При извѣстномъ уже отчасти намъ личномъ характерѣ Адама Григорьевича, повышеніе въ званіи и почетъ прямыхъ сношеній съ московскимъ правительствомъ неизбѣжно отразились усиленіемъ его шляхетской гордости, гонора. Долго не получая отвѣтовъ на разныя свои письма, онъ писалъ, будучи еще каштеляномъ, тому-же Леонтьеву: «честь моя и достояніе сенаторское терпитъ умаленіе, егда на грамоту мою доселя отвѣту не маю». Ставъ же воеводою, онъ начинаетъ учить вѣжливости и этикету самихъ московскихъ бояръ. Раньше онъ обращался къ нимъ по ихъ обычаю, т. е. къ одному лицу: ты, а къ нѣсколькимъ: вы; «тыкали» и они его. Но теперь Кисель находитъ это обиднымъ; начиная величать бояръ, согласно давно уже установившемуся въ Польшѣ и западной Руси обыкновенію, «милостями», онъ требуетъ того-же и въ отношеніи къ себѣ [1]).

Такое же чванство и хвастливость проявляются и въ нѣкоторыхъ письмахъ Киселя по поводу начинавшагося въ то время возстанія Хмельницкаго. Выше указано нами сообщенное имъ на Москву первое извѣстіе (23 февраля) объ измѣнѣ чигиринскихъ козаковъ своему полковнику, безъ упоминанія имени Хмельницкаго. 17 марта Кисель пишетъ въ Сѣвскъ болѣе подробно, что часть «козаковъ, черкасцовъ (т. е. реестровыхъ), тысяча или немногимъ больше, сбѣжали на Запорожье, а старшимъ у нихъ простой холопъ, нарицается Хмельницкій; намѣрены они поднять и донскихъ козаковъ, выйти въ море». Это было нарушеніемъ мира съ турецкимъ султаномъ, и потому, писалъ Кисель, «коронный гетманъ, и я съ нимъ, будемъ промышлять о томъ ворѣ». Кисель проситъ: «если Хмельницкій сбѣжитъ съ Запорожья на Донъ, то тамъ бы его не принимать, ни щадить, ни на море пустить». Недѣлей позже онъ пишетъ, что ему

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, стр. 170.

поручено «досмотриться, чесо ради бысть се», т. е. уходъ козаковъ за Пороги. Въ апрѣлѣ сообщаетъ, что реестровые козаки берутся сами изловить на Запорожьи «своеволного черкасца», и на томъ крестъ цѣловали. Здѣсь снова повторена просьба, если бы этотъ черкасецъ, т. е. Хмельницкій, появился на Дону и сталъ подбивать тамошнихъ козаковъ къ морскому походу, то схватить его, такъ какъ это будто бы входитъ въ условія союзнаго договора. Ссылка Киселя на договоръ въ этомъ случаѣ неправильна, ибо въ немъ прямо сказано, что хотя-бы даже донскіе или черкасскіе козаки учинили своевольно задоръ туркамъ, то это условій союза не касается. Особенно же любопытно письмо Киселя къ боярамъ отъ 24 апрѣля, въ которомъ онъ благодаритъ за сообщеніе вѣстей о пребываніи въ Крыму козаковъ и обѣщанной имъ оттуда помощи. «Но, говоритъ онъ, довлѣетъ вамъ знать, что никогда холопская рука, особенно измѣнническая, не въ состояніи подвизаться противъ своихъ господъ; и этотъ холопъ, черкасскій измѣнникъ, (Хмельницкій) если не сбѣжитъ на дняхъ со своею дружиною въ Крымъ, то поплатится головой: полемъ и Днѣпромъ пошли на него войска. Если даже станутъ помогать козакамъ поганцы,— Богъ съ нами и никто-же на ны; всѣ мы готовы, сенаторы и войска наши, при королевскомъ войскѣ, дастъ Богъ, будемъ привѣтствовать поганскіе головы острыми польскими саблями!»

Увы, прошло едва двѣнадцать дней, какъ разгромленъ Хмельницкимъ передовой отрядъ польскихъ войскъ на Жолтыхъ Водахъ, а еще черезъ десять дней разбита подъ Корсунемъ и вся польская армія, съ плѣненіемъ гетмановъ. При нихъ однако сенатора-Киселя не было, какъ не встрѣчаемъ его и раньше ни разу въ войскѣ съ самаго 1637 года. Меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ хвастливаго письма о Хмельницкомъ, Кисель обращается къ нему-же съ дружелюбнымъ письмомъ, именуя его «издавна милымъ пріятелемъ». И далѣе онъ выступаетъ почти исключительно въ качествѣ дипломата; впрочемъ, лѣта его и подагра не дозволяли ему уже участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ [1]).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Памятники кіевской комиссіи, т. I, стр. 141; Архивъ южной и западной Россіи, т. III, №№ 137, 146, 163, 167, 170, 172, 177, 195—198; Michałowskiego Księga, стр. 20—24, 46.

ДВѢ СТАРЫЯ УКРАИНСКІЯ ПѢСНИ И ПО ПОВОДУ ИХЪ.

Изслѣдователями малорусской народности почему-то установлено мнѣніе, что въ правобережной Украйнѣ окончательно затерялась въ народѣ память объ историческихъ событіяхъ, нѣтъ у него ни думъ, ни пѣсенъ, ни даже сказаній о временахъ козачества. На самомъ дѣлѣ на правомъ берегу Днѣпра не встрѣчается кобзарей, распѣвающихъ старинныя думы, а только лирники, поющіе канты религіозно-нравственнаго содержанія. Но утверждать, что украинцы правобережные вполнѣ отрѣшились отъ прославленія героевъ своего края, отъ внесенія въ народно-устную исторію именъ и событій, почему-либо знаменательныхъ въ жизни народа, нельзя. Это было-бы равнозначуще отрицанію народнаго творчества. Нѣтъ, народъ украинскій никогда не переставалъ жить духовно, по своему созерцать совершающееся въ немъ самомъ и вокругъ него, относиться съ осужденіемъ или съ почитаніемъ къ тому или другому лицу, являющемуся въ его мнѣніи героемъ, мученикомъ, поборникомъ правды или угнетателемъ народа, попирающимъ лелѣемые имъ идеалы. Это нужно сказать вообще про малороссовъ—безразлично право или лѣвобережныхъ. Но дѣло вотъ въ чемъ.

Лѣвобережная Малороссія, какъ извѣстно, заселилась выходцами съ праваго берега Днѣпра. Это переселеніе совершилось почти поголовнымъ выселеніемъ во времена *руины*. Съ переселеніемъ перешла и вся устная исторія народа того періода исторической жизни его. Съ этимъ и остался почти до нашего времени лѣвобережный украинецъ. По присоединеніи Малороссіи къ московскому царству лѣвобережный украинскій народъ началъ все болѣе и болѣе отстраняться

отъ политико-исторической жизни края, все меньше и меньше сталъ участвовать въ ней, а между тѣмъ простой народъ и есть хранитель историческихъ устныхъ преданій. Исторія лѣвобережной Малороссіи послѣ Брюховецкаго представляетъ намъ цѣлый рядъ интригантскихъ продѣлокъ взаимопожирающейся старшины и почти никакихъ народныхъ движеній, запечатлѣнныхъ симпатіями массы или стремленіемъ къ олицетворенію ею своихъ идеаловъ. Простой народъ, въ чаяніи пришествія царства правды отъ своего идеала «билого царя», сторонился отъ всякаго доброхотнаго участія въ сварахъ грызущейся старшины, интригующей, вѣчно пропскивающей «на Москвѣ» и постепенно подводился подъ режимъ сначала московскаго, а послѣ и россійскаго строя, пока наконецъ по волѣ Екатерины II не былъ закрѣпощенъ этой-же старшинѣ, раньше еще захватившей въ свои лапы земли и угодья. Сбылось, что писалъ Котошихинъ въ своихъ запискахъ (гл. VII, стр. 92) о пріѣзжавшихъ въ Москву изъ Малороссіи челобитчикахъ: «и имъ даютъ на то (вотчины, мельницы, луга) жалованные грамоты, а на церковное строеніе деньги и церковное одѣяніе, да имъ-же идетъ кормъ и питье и дается жалованье, смотря по человѣку; а даетца имъ жалованье и поденной кормъ для того, что еще они учинились въ подданствѣ вновѣ, и тѣмъ бы къ вѣчному подданству постояннѣе приманить, а какъ въ подданствѣ позастарѣютъ, и имъ такой чести и жалованья убудетъ». Забитой душѣ б. козака осталось только воспоминаніе прошедшаго, минувшей славы. И вотъ у него—лѣвобережца и повторялись изъ рода въ родъ пѣсни, думы и сказанія объ этомъ горько-славномъ прошедшемъ, пока и оно не вытерлось изъ памяти народной.

Не то было на правомъ берегу Днѣпра. Уцѣлѣвшіе «недобитки» временъ руины, пополняясь возвращающимися на старыя пепелища поселенцами, еще долго должны были субъективно участвовать въ политико-соціальной исторіи своего края, переживать разгромы ордынскіе, смуты и борьбу съ претендующими на обладаніе краемъ поляками. Для правобережной Украйны еще не скоро насталъ историческій моментъ устраненія массы отъ политическихъ движеній, еще долго пульсировало въ ней стремленіе отстаивать свой идеалъ, выраженный въ словахъ: «Знай ляше! по Случь наше», пока наконецъ и ее, эту бурную, непокорную Украйну, не прида-

вила мощная рука россійской власти. На Украйнѣ руина смѣнилась Паліивщиною, Паліивщина перешла въ Гайдамаччину, и только памятною всѣхъ болѣе Коліивщиною закончились проявленія политической жизни правобережной Украйны. Всѣ эти событія цѣлыми наслойками укладывались въ памяти народа, субъективно переживавшаго ихъ и, разумѣется, отдавшагося въ своемъ поэтическомъ творчествѣ воспѣванію дѣяній и героевъ этого времени. Т. Гр. Шевченко, истый сынъ правобережной Украйны, лучше всего имъ воспѣтаго воспѣлъ гайдамакъ, этихъ послѣднихъ рыцарей народной борьбы за свои идеалы. Украинецъ такъ и остался лицемъ къ лицу со своимъ историческимъ врагомъ паномъ-ляхомъ, которому окончательно отдала его въ кабалу крѣпостничества россійская сильная власть. По присоединеніи юго-западнаго края къ россійской имперіи, въ видахъ дипломатической надобности, все польское въ томъ краѣ было задобрено укрѣпленіемъ за панами вотчинной власти надъ подданными; эта панская власть окрѣпла подъ покровительствомъ имперской власти, и край былъ разпаёванъ между вельможами польскими и даже «попадавшими въ случай» русскими. Народъ получилъ только нестѣсняемость вѣроисповѣданія. И такъ было до 1848 года, когда галиційскія событія подсказали нашимъ администраторамъ возможность и способъ противупоставленія полонизму въ краѣ силы народной массы, задабриваемой инвентарными правилами. А затѣмъ уже дожила Украйна до славнаго 1861 года, когда народъ былъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости, и наконецъ до 1863 года, когда онъ, подавивъ польское возстаніе, заслужилъ полный протекторатъ правительства въ дѣлѣ земельнаго развода съ панами.

Переживъ столько историческихъ событій и стоя и теперь лицемъ къ лицу со своимъ прежнимъ врагомъ ляхомъ, правобережный украинецъ остался и по сю пору политико-націоналистомъ, между тѣмъ какъ его братъ лѣвобережный малороссъ, устраненный отъ всякой политики, забывшій чуть не миѳическій для него въ настоящее время образъ ляха, всецѣло поглотился устроеніемъ своего домашне-семейнаго быта, сдѣлался, если такъ можно выразиться, не рискуя дать поводъ къ какой либо двусмысленности, только соціалистомъ; у лѣвобережнаго малоросса только и могли сохраниться думы о временахъ козачества временъ Хмельницкаго и болѣе раннихъ, потому что эта традиція не заглушалась въ немъ

новыми волновавшими его en masse рѣзкими историческими фактами. Все-же пережитое правобережнымъ украинцемъ составляло именно тѣ наслоенія, которыя придавливали собою память о совершавшемся раньше того. Эти наслоенія сдѣлали цѣлый кавардакъ въ народной традиціи. Намъ не разъ приходилось выслушивать разсказы, въ коихъ единовременно фигурировали Гонта и Хмельницкій, Екатерина «царыця» и Палій, Богданъ Хмельницкій и таже Екатерина съ Потемкинымъ.

На правомъ берегу Днѣпра нельзя найти полныхъ варіантовъ старинныхъ думъ (да и на лѣвомъ берегу со смертію послѣднихъ кобзарей они, кажется, изчезли); но въ 60-хъ годахъ встрѣчались пѣсни и разсказы про Палія, про Швачку, про Мороза, Желѣзняка, про Савву Чалаго и еще про многихъ, потерявшихъ свое имя, *лыцарей* гайдамацкаго цикла. Кромѣ того попадаются пѣсни запорожскія, старыя и дунайской Сѣчи, пѣсни бурлацкія, чумацкія и рекрутскія, пѣсни о панахъ, о панщинѣ, о военномъ поселеніи—однимъ словомъ обо всемъ томъ, что переживалъ народъ на Украйнѣ. Мы уже не говоримъ о пѣсняхъ обрядовыхъ, колядкахъ, веснянкахъ, петривочныхъ, купальныхъ, въ которыхъ, кстати сказать, много еще сохранилось старо-языческаго и древне-русскаго.

Формы поэтическихъ сказаній и пѣсней правобережной Украйны отличны отъ склада старинныхъ думъ, но несомнѣнно въ тѣхъ и другихъ много общаго; иногда повторяются цѣлые отрывки прежнихъ думъ со вставкою только иныхъ именъ и при томъ въ новомъ музыкальномъ изложеніи. Это все продолженіе творчества одного и того-же народа, только при новосложившейся его исторіи.

Но есть и важные недостатки въ историческихъ пѣсняхъ правобережной Украйны — это извращеніе, иногда совершенное исчезновеніе собственныхъ именъ, смѣшеніе эпохъ и частыя географическія неточности. Въ старинныхъ думахъ тоже встрѣчается этотъ недостатокъ, хотя гораздо въ меньшей степени; при томъ-же въ думахъ, при цѣльности дошедшихъ до насъ варіантовъ, недостатки эти легко исправить. Не то совсѣмъ выходитъ съ тѣми обрывками историческихъ пѣсенъ и съ той амальгамой наслоеній, какія встрѣчаются въ пѣсняхъ Украйны.

«Царыця», понимай Екатерина II, призываетъ въ «столицю» запорожцевъ и изъ нихъ посылаетъ Хмельницкаго и Палія усмирять

Польшу. Въ Переяславѣ совершается воззваніе народа къ этой борьбѣ, молебствують и затѣмъ идуть съ Гонтою брать Умань, гдѣ основываютъ Сѣчь, которую разоряетъ «Потёмка» съ гетманомъ Браницкимъ, послѣ чего «проклятый» Мазепа уходитъ «житы пидъ турка» за Дунай...

Цѣлый кавардакъ.

Панъ староста Каневскій «у Кыева» на рыночку убиваетъ дѣвушку.

«Ой у мисти *Прылубаси*» вмѣсто «*при рубасіи*», т. е. во время сѣчи, сабельной схватки.

Или: «Ой кинь пидо мною, сидло пидъ *зорёю*» — вмѣсто пидъ *джурою*.

Или въ словахъ: «Ой отдали коня та Соколовському,
«А Яснивському зброю»

выводитъ пѣсня какихъ-то Соколовскаго и Ясновскаго, когда между тѣмъ это ничто иное, какъ «коня сокола» и «ясненькую зброю».

Эта путаница понятій, кромѣ вышереченныхъ наслоеній массы впечатлѣній у народа, прожившаго первно столько потрясавшихъ его событій, произошла еще и отъ того, что историческія преданія въ какой-бы то ни было формѣ не одобрялись и даже подавлялись на Украйнѣ поляками, не утратившими своей панской силы надъ украинцемъ и послѣ окончательнаго присоединенія юго-западнаго края къ имперіи... Понятно, что крѣпостной украинецъ не могъ открыто во всеуслышаніе воспѣвать героевъ борьбы его съ ляхами, т. е. не далекими предками его пановъ-помѣщиковъ.

Припоминаемъ слышанный нами такой разсказъ:

Г. Умань въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія былъ однимъ изъ болѣе видныхъ центровъ мѣстной шляхетско-польской жизни. Пышный дворъ богатаго магната Феликса (Szczęsny) Потоцкаго, нѣсколько урочныхъ ярмарокъ, имѣвшихъ большое значеніе для возникавшихъ тогда торговыхъ отношеній южнаго взморья, Одессы, съ плодородными Подоліею и Украйною, наконецъ знаменитая въ то время базиліанская коллегія, служившая мѣстомъ воспитанія шляхетской молодежи—все это въ совокупности придавало большое значеніе воздвигнувшейся послѣ гайдамацкаго погрома Умани. Всегда тамъ было много пановъ и всѣ они такъ или иначе жались ко двору Потоцкаго, какъ одного изъ виднѣйшихъ въ то время представителей недавно прекращенной самостоятельности

польской въ томъ краѣ. Послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа Понятовскаго уже не было въ живыхъ. Магнаты были еще только болѣе или менѣе сильными, смотря по требованію дипломатіи, столпами польщизны въ краѣ. Устарѣвшій поэтъ Трембецкій, утратившій въ умершемъ королѣ сильнаго мецената, проживалъ въ то время при дворѣ Потоцкаго. День св. апостола Петра и Павла былъ особенно торжественнымъ днемъ въ г. Умани. Въ этотъ день обыкновенно совершался торжественный публичный актъ въ базиліанской коллегіи, чѣмъ, разумѣется, вызывался большой съѣздъ шляхты за учащеюся молодежью и также ради урочной въ тотъ день ярмарки. Послѣ акта все, что могло изъ съѣхавшейся шляхты, бывало въ гостяхъ во дворцѣ Потоцкаго и въ его заново отдѣланномъ, въ честь жены Софіи, роскошномъ саду Софіевкѣ, что нынѣ Царицынъ садъ.

Въ одинъ изъ такихъ съѣздовъ, въ большомъ собраніи высокородныхъ гостей пана Потоцкаго, Трембецкій вздумалъ прочесть новосочиненную имъ въ честь своего мецената хозяина поэму, въ коей описывались прелести Софіевки и доблести ея владѣльца и творца. Самое чтеніе происходило въ одной изъ роскошныхъ бесѣдокъ-колоннадъ сада. Разумѣется, всѣ присутствующіе подобострастно, съ одобряющими минами, слушали декламацію льстеца поэта. Самъ восхваляемый въ пышныхъ выраженіяхъ солензантъ пыжился, вслушиваясь въ цитаты его, можетъ быть, и неизвѣстныхъ и мало цѣнимыхъ имъ самимъ доблестей, таялъ отъ удовольствія. Кончилъ наконецъ поэтъ, тишина собранія, не успѣвшаго еще высказать своего одобренія, доказывала степень восхищенія слушателей. И вдругъ въ этой тишинѣ изъ ближайшей клумбы цвѣтовъ раздается заунывная пѣсня поливающаго цвѣты садовника-украинца:

«Ой ты Потоцькии, воеводзький сыну!
Запронастывъ Польщу и всю Украину.
Думка въ тебе була, щобъ королемъ статы—
Пишовъ-же ты до царыци милости прохаты».

Представьте себе физіономіи гостей-шляхты, которой такъ рѣзко припоминаетъ простой *хлопъ* общеизвѣстную прикосновенность рода Потоцкихъ къ раздѣлу Польши! Представьте себѣ положеніе высоко паришаго поэта и наконецъ и самаго превознесеннаго чуть не до небесъ, за одну минуту передъ тѣмъ, пана Потоц-

каго! «*Хлопа*» сейчасъ-же схватили, по онъ отвѣчалъ, что пѣтая имъ пѣсня общеизвѣстна,—тѣмъ заканчивался слышанный нами разсказъ.

Изъ этого окончанія разсказа явствуетъ, что и тогда *схватывали* за пѣсню, за провозглашеніе ненравящагося, но что народное творчество жило въ политической жизни края и не оминало совершающихся событій. Но какъ не схватывали, какъ не давили живое слово народнаго творчества, а оно все таки сохранилось въ народѣ и по наше время, какъ тлѣющая искра въ золѣ, какъ сохранились въ стрѣхахъ украинскихъ хатъ, загатахъ и омшаникахъ козацкіе давніе *спысы*, добытые изъ-подъ спуда въ 1863 году. Когда по ходу событій въ 1861 году для украинца ляхъ-панъ перестaлъ быть подавляющею его симпатіи и идеалы грозою, тогда стали изъ-подъ спуда народной памяти выдобываться на свѣтъ Божій старинныя пѣсни и сказанія. Но на нихъ, какъ на запрятанныхъ *спысахъ* ржавчина, видна была сила подавленія въ теченіи долгаго времени историческихъ преданій народа. Сплошь и рядомъ эти добытыя пѣсни, сохранивъ всю поэзію и красу народнаго творчества, оказывались потерявшими свою опредѣленность, точность передаваемаго факта. Такъ древнія монеты со стертыми надписями представляютъ собою цѣну металла, иногда приблизительно эпоху ихъ генезиса, національное происхожденіе, но не даютъ возможности болѣе точной детерминаціи ихъ.

Я жилъ въ это время добыванія изъ-подъ спуда старыхъ пѣсенъ и преданій въ средѣ народа и по мѣрѣ силъ записывалъ эти цѣнности народной поэзіи. Помню, съ какою осмотрительностію пѣли и возстановляли въ своей памяти украинцы историческія свои пѣсни въ первые послѣ 1861 года. Нужно было внушить къ себѣ довѣріе, нужно было стать вполнѣ безопаснымъ въ глазахъ украинца, чтобы удостоиться послушать эти пѣсни. Исковерканные, не полные, затертые въ памяти отрывки, но все таки это были историческія пѣсни.

Переносясь памятью въ то недалекое прошлое моей жизни, я живо припоминаю эти сеансы, гдѣ съ одной стороны меня возбуждало чувство любопытства, а съ другой пѣвцамъ не давали развернуться подозрительность и недовѣріе ко мнѣ. Обыкновенно, особенно по началу, это бывало въ концѣ какой либо «бесѣды», какого нибудь урочнаго гулянья, по случаю свадьбы, заговинъ и т. п., и разу-

мѣется подъ вліяніемъ охмѣленія..., когда уже изчерпывался репертуаръ обыкновенныхъ, извѣстныхъ въ то время всѣмъ любовныхъ, чумацкихъ или иныхъ бытовыхъ пѣсень.

— Отъ-бы ще якои проспивать... отзывается кто нибудь изъ собесѣдствующихъ.

— Якои? спрашиваютъ другіе.

— Та оціеи—якъ бо іи?!.. «Ой ще не свитъ, ой ще не свитъ»... такъ ынпаче. Тильки іи не выведемъ...

— А ну, а ну! Почипайте! накидываемся на предложившаго. Ну те-жъ-бо, ну-жъ!..

— Гмъ! хто ёго знае... Це така, що... и упрашиваемый мотаетъ свѣсившеюся на грудь головою и какъ-то лукаво, особенно какъ-то улыбаясь чуть не однимъ усомъ, испытующе поглядываетъ вокругъ себя, какъ-бы спрашивая взоромъ другихъ.

— Ни! Нехай другимъ часомъ, часто обрывалъ упрашиваемый и на этомъ стоялъ упорно.

И дѣйствительно, другимъ часомъ и иногда въ той-же бесѣдѣ, при дальнѣйшей выпивкѣ, удавалось совершенно неожиданно услышать завѣтную пѣсню. Пѣвецъ какъ-то особенно дерзко взглядывалъ на собесѣдниковъ и съ какою-то рѣшимостію, бравурствомъ, пѣлъ затѣянную раньше пѣсню. Вставки и поправки и наконецъ постепенно захватывающее всѣхъ собесѣдниковъ участіе въ пѣніи доказывали, что пѣтое только мнѣ одному изъ присутвующихъ было по сю пору неизвѣстно.

Своевременно пѣсни эти записывались мною и отдавались извѣстнымъ мнѣ собирателямъ. Нѣкоторыя пѣсни вошли въ напечатанные сборники, но двухъ изъ записанныхъ мною тогда пѣсень я не встрѣчалъ въ печати и потому, пользуясь еще пока собственною памятью и памятью моихъ дочерей, я эти пѣсни здѣсь записываю. Самый напѣвъ ихъ, по моей просьбѣ, положенъ на ноты хорошимъ музыкантомъ и особенно способнымъ записывателемъ мотивовъ, чуть не подъ диктовку, Андреемъ Ивановичемъ Краснокутскимъ, коему здѣсь-же приношу мою признательную благодарность.

Вотъ первая изъ этихъ пѣсень:

Ой на биду, на горе козакъ уродився:
Въ чыстимъ поли, край дороги ляшкамъ знадобився.
У недиленьку, вранци, тай славонька стала—

Взяли ляшки сиромаху, тай забилы въ кайданы.
Та на руки кайданы, а на ноги дыбыци—
Хотять ляшки сиромаху зо сьвита згубити.
Та на руки кайданы, на ноги дыбыци,
Тай вкинули сиромаху въ темную темныцю.
Прыизжае жовнирь, ставъ ёго пытати:
—Чы е въ тебе, сиромаха, отець, ридна мати?
—Ой велыкый лугъ батько, а Сичь моя мати.
Доведетьця сиромаси въ неволи погибати.
—Та вы мини не папы, а я вамъ не хлопецъ!
—Догадайтесь, сыны вражи, що я запорожець.
Та збиралися люде, молоди молодыци...
«Вызволь, Боже, сиромаху зъ темнои темныци!
Прилепула Галя зъ черными бровами,
Обняла козаченька, тай поцилувала.
Прилепула друга—ся вже не такая:
Ся обняла козаченька, тай плакати стала.
«Ой та йвъ же я сласно, ходивъ я прекрасно...
«Доведетьця козакови погибнуть напрасно.
«Ой та й йвъ же я сласно, та ще ѝсти буду...
«Таки ляшкамъ, вражимъ сынамъ, поки живъ, не забуду.

Слышано въ Дударяхъ, Черньшахъ и въ Холоровѣ канев. уѣзда.



Записавъ эту пѣсню, я позволяю себѣ коментировать её, или, лучше сказать, записать то, какъ я ее понималъ, какое впечатлѣніе она произвела на меня при непосредственномъ принятіи ея отъ народа. Начертаніемъ программы коментированія записанныхъ

мною пѣсень я снимаю съ себя отвѣтственность въ недостаточности научной подготовки моей къ разработкѣ народной поэзіи. Я описываю здѣсь мои личныя впечатлѣнія, а потому и допускаю разныя licentiae poeticae, коимъ я самъ поддавался во время слушанія пѣсни.

Взмахиваю крыльями фантазіи и коментирую.

Гдѣ это *«въ чистомъ поли»*, *«край»* какой *«дороги»* и кто этотъ *сиромаха*, что *знадобився ляшкамъ?* Засѣли *ляшки* въ какой нибудь придорожной корчмѣ, нагрянули туда, узнавъ, что тамъ гуляетъ этотъ молодецъ-забулдыга, *сиромаха*, своего рода абрекъ того времени, и поймали его. Видно, не добромъ далъ онъ знать себя ляхамъ, а теперь и *знадобився* имъ, т. е. попалъ въ засаду, захваченъ внезапно.

Никто не могъ мнѣ назвать его, опредѣленно отвѣтить на мои распросы. «Такый-то уже бувъ соби», «такъ соби якійсь сердега», «мало ихъ отъ такихъ тоди тутъ вештáлось»—все это были отвѣты, ничего не говорящіе.

Но разъ мнѣ пришлось услышать что-то болѣе опредѣленное, хотя все-таки мало объяснившее.

Свадьба въ самомъ развалѣ. Всѣ гости на дворѣ, поразмѣстились на *присьбахъ*, около вынесеннаго нарочито изъ хаты стола съ *ослонами*, и такъ по просту на землѣ, *по-пидъ тыномъ*. Вотъ-вотъ возвратятся *молоди* отъ тещи и тогда будутъ опять звать въ хату, усаживать *за столъ* и *почнуть здоровувать*. Музыканты ушли съ *молодыми*. Я затесался въ кружокъ *молодыцъ*; подвыпивши и обнявшись съ ними, упиваюсь мелодіею *жиноцькои* пѣсни:

«Доки тебе не любила, гула, якъ голубка.
Гула, гула та голубонька—полетула въ поле!..
А летячи говорила—горе-жъ мени, горе!..
«Горе-жъ мени, горе! Несчастная доле!
«Утопыла головонько въ безоднее море!..

Засумовали пѣсня, и мы слушающіе и поющіе поникли охмѣлѣвшими головами и замолкли, какъ-бы вслушиваясь въ заунывную, вытянутую *«кумою Паламжкою»* ноту...

«Ой на биду на горе козакъ уродився...

отозвался тенорь Петровича въ близкомъ къ намъ кружкѣ сидящихъ около стола мужчинъ. Выпутавшись изъ объятій моло-

дыць, я устремился къ группѣ новыхъ пѣвцовъ, умостился съ ними и сталъ подтягивать.

Къ нашей группѣ подошла чуть не столѣтняя бабка жениха, *стара Козачка* (семью эту звали Козаченки) и втиснулась своимъ блѣднымъ, обрамленнымъ *намиткою зъ пидборидьямъ* лицемъ въ кучу головъ съ раскраснѣвшимися, напряженными отъ пѣнія физіогноміями. Старуха все прислушивалась, какъ-бы что-то вспоминала и наконецъ прошамкала:

— О! Це про Мамая,—про Мамая... и сейчасъ-же ушла, какъ-бы устраняя себя отъ участія въ пѣніи.

Сколько я не допытывался у *бабусеньки*, сколько не допрашивалъ ее и въ тотъ день и послѣ—ничего такъ таки и не допытался.

«Мамай?! Оце усе таки про Мамая... Колысь то було, давно. Теперъ мало хто знае... Було, уси знали цю писню... гмъ... Мамай, одно слово Мамай»... Вотъ тѣ отвѣты, какими подчивала меня бабуся, впрочемъ мало уже говорившая вообще. Разумѣла-ли она подъ этимъ словомъ «Мамай» имя собственное, или это было нарицательное для обозначенія ватажка гайдамака, какъ вотъ напримѣръ «Воронежскіе Мамаи», означающіе вообще татаръ, ногайцевъ, кочующій степной людъ—не знаю. А потому и фантазирую.

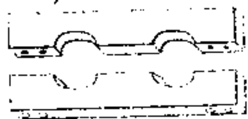
Мѣстечко старостинское среди заселяющейся на старыхъ *селищахъ* Украйны. Въ центрѣ крестьянскаго населенія, въ срединѣ густой зелени садовъ и левадъ, изъ-за которой проглядываютъ кое-гдѣ весело соломенныя крыши *чепурныхъ, билесенькихъ хатъ,* какъ струпъ на живомъ тѣлѣ, грязнымъ пятномъ размѣстился базаръ съ высокими, странной архитектуры, жидовскими домами—*заѣздами*, съ большою корчмою-ратушей на площади, съ мелкими лавченками ятками. Замокъ старостинскій на крутомъ берегу какой нибудь Роси, Расавы, Гнилаго Тикича или Тясьмина. Возобновленные валы и полисады кругомъ замка, *муры* и костёлъ, башня надъ подъемнымъ мостомъ, а въ башнѣ окна, задѣланныя желѣзною рѣшеткою, хоромы пана старосты, старыя тополи, съ сухими, обожжеными при послѣднемъ нападѣ гайдамацкомъ вѣтвями, тюрьма подземная (темная темныця), надворная хоругвь козаковъ, гайдуки и пахолки.

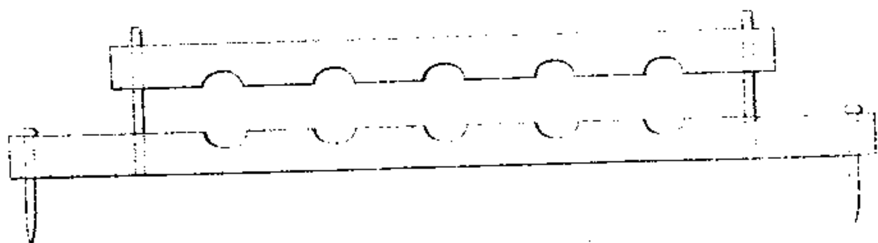
Недиленька свята. Разряженные поселяне стягиваются къ старенькой деревянной, кой-гдѣ полатанной новою шелёвкою, треглавой

церковцѣ, куда ихъ сзываетъ лязгъ небольшаго колокола чуть-ли не на уніатское богослуженіе. Съ окрестностей тоже кой-кто пришелъ *побазарувать*. Суетная «*жидова*» забѣгала по-между возовъ, засуетилась, заторговала послѣ шабаша. Базаръ оживляется, кто *до церкви*, кто *въ ятки*, а есть и такіе, *що и до корчмы.*

И вотъ въ эту *недиленьку, въ ранци*, среди этой базарной толпы пролетѣла молва (*славонька стала*), что ляхи поймали *сиромаху*, какого-то неопредѣленнаго публикою, и *забили*, т. е. заковали въ *кайданы* на рукахъ и *дыбы* на ногахъ, и вкинули въ *темную темныцю*, т. е. въ подземную тюрьму [1]), результатомъ какого заключенія будетъ гибель этого сиромахи—*хотятъ ляшки сиромаху зо сьвиту зубити.* Но кто онъ, этотъ пойманный сиромаха, публика еще не знаетъ, ей только извѣстенъ фактъ поимки. Но вотъ пріѣзжаетъ къ узнику *жовниръ* (не гайдукъ, не козакъ надворной хоругви, а *жовниръ*, по польски żołnierz), какъ-то отличающійся отъ обыкновенныхъ вооруженныхъ людей замка, и сталъ его *питати*, т. е. спрашивать. Очевидно, это какой нибудь чиновникъ польскій, административный или судебный, дѣлаетъ опросъ или допросъ заключеннаго. Публика жадно ловитъ отвѣтъ узника. Пойманный сиромаха

[1]) Наши потомки вѣроятно не съумѣютъ себѣ представить этого орудія ареста—*дыбы, дыбыци.* Это двѣ толстыя колоды, деревянныя, съ высѣками для ногъ, сбитыя на глухо деревянными гвоздями. Эти колодки-дыбы такъ еще недавно надѣвали, за недостаткомъ кандаловъ, на рекрутъ, при чемъ обыкновенно надѣвали одну колодку на двухъ человѣкъ, прихватывая каждаго за одну ногу. Я помню и другой видъ этого инструмента: также большія двѣ колоды со многими проймами, но одна колода неподвижно прикрѣплялась къ землѣ,





а другая надѣвалась на стержни и потомъ заклинивалась. Разбушевавшихся пьяницъ обыкновенно забивали одною ногою въ одну колоду, пока проспится. Инструментъ этотъ назывался *гусакъ* и употреблялся селянами и послѣ 1861 г.

бравируетъ передъ толпою и въ тоже время старается устранить себя отъ мѣстной, польской расправы; онъ, вѣроятно, знаетъ, что если назовется запорожцемъ, его не будутъ судить польскія власти, а отошлютъ въ Кіевъ, въ Кошъ или сдадутъ коменданту крѣпости св. Елисаветы. Пошибъ безшабашнаго запорожца не оставляетъ его и онъ, бравируя, на вопросъ: *чи е въ тебе, козаченьку, отець, ридна мати?* заявляетъ, что *батько* его *великій лугъ*, а мати—*Сичъ*. Но, видно, во мнѣніи толпы эта бравада не спасетъ обреченнаго, и толпа выражаетъ это свое мнѣніе, что вѣдь все-таки доведется добру молодцу *въ неволи погибати*, т. е. не избѣгнуть ему тяжкаго заключенія. Намекнувъ иносказательно на свое происхожденіе, пойманный вслѣдъ затѣмъ категорически объясняетъ, кто онъ, и какъ-бы заявляетъ отводъ о неподсудности.—Что-жъ еще вы меня не поняли, что-ли? какъ-бы говоритъ онъ: «*та вы мени не паны, а я вамъ не хлопець*», т. е. я не подчиненный вамъ, знать васъ не хочу, *догадайтесь, сыны вражи, що я запорожець*. Вотъ только изъ этого послѣдняго категорическаго объясненія публика узнаетъ, кто этотъ сиромаха, видитъ въ немъ симпатичный ей типъ *лыцаря, сироты бездомного*, отданнаго цѣликомъ борьбѣ съ нелюбимыми ляхами. Эта симпатія, сочувствіе къ сиромахѣ выражается словами пѣсни:

Збиралися люде, молоди молодыци...
«Вызволь, Боже, сиромаху зъ темнои темныци!

Особенно *молодымъ молодыцямъ* люба эта удалая фигура сиромахи запорожца: это не тотъ *похнюпа* свой мужъ, мужикъ гречкосѣй, апатично подставлявшій свою *потылыцю* подъ панскій кулакъ, смиренно запрягшійся опять послѣ Паліивщины въ ярмо панской власти; нѣтъ, не таковъ этотъ *лыцарь сиромаха*, дерзкій, здоровый, съ чубомъ-оселедцемъ съ конскій хвостъ, съ этими *довгими, наче гадюки дви, усами*. Да, не у одной изъ *молодыхъ молодыць*, затрепетало сердце при видѣ этого молодца. Но вотъ сквозь толпу протискивается *примнуевшая Галя зъ черными бровами* и смѣло при всѣхъ обнимаетъ его и цѣлуетъ. Вслѣдъ за ней летитъ запоздавшая другая, взволнованная, испуганная, сконфуженная... Эта не съумѣла выразить свою любовь поцѣлуемъ, а только успѣла кинуться на шею добру молодцу и, сокрушенная тревогой, женскою стыдли-

востію, нервная, страстная, плачетъ на груди у своего милаго, рыдаетъ истерически—*ся вже не такая* (смѣлая, бойкая).

Ся обняла козаченьки, тай плакати стала,

кратко говоритъ пѣсня.—Такъ моему воображенію представляется эта картина. Но очень можетъ быть, что здѣсь изображена сцена того, практиковавшагося на Украйнѣ въ послѣднія времена ея заселенія, обычая, по которому преступникъ, осужденный на смерть, получалъ свободу и жизнь, если въ минуту казни являлась свободная женщина, желавшая повѣнчаться съ нимъ, и въ знакъ того давала ему поцѣлуй. Если хотите, заключительныя слова пѣсни, въ коихъ высказывается надежда еще *йсти* такъ *сласно*, какъ и прежде, оправдываютъ послѣднее предположеніе. Пѣсня оканчивается все-таки выраженіемъ непримиримости героя пѣсни къ ненавистнымъ ляхамъ:

Таки ляхамъ, вражимъ сынамъ, поки живъ, не забуду.

Обстоятельства занесли меня съ Украйны на по-Донщину. На этомъ новомъ мѣстѣ жизнь моя сложилась такъ, что я стоялъ внѣ непосредственнаго сближенія съ народомъ, и мои этнографическія занятія сами собою прекратились, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой они велись на Украйнѣ. Это произошло отчасти и отъ того, что мнѣ пришлось жить въ велико-русскомъ селѣ, чуждомъ для меня по народности, мало понятномъ въ его бытовомъ строѣ и потому мало меня занимавшемъ. Въ 1869 году мнѣ пришлось перевезти къ себѣ моихъ дочерей, 3 и 5 лѣтъ, остававшихся до той поры въ одномъ селѣ на Украйнѣ, въ той народной средѣ, коей я обязанъ настоящими моими воспоминаніями. Дочери мои, между прочими пріобрѣтенными ими въ селѣ знаніями, за три года нашей разлуки и ихъ жизни въ селѣ, научились пѣть украинскія пѣсни чисто по народному и вывезли изъ Украйны порядочный репертуаръ пѣсень, между коими были и незнакомыя мнѣ до той поры. При этомъ нужно знать, что въ селахъ, какъ и вездѣ въ мірѣ, публика тоже подвержена измѣнчивости вкусовъ и симпатій, что и въ селѣ дѣйствуютъ законы моды: какая нибудь новая пѣсня вдругъ ни съ того, ни съ сего входитъ въ моду, *припадае до смаку* деревенской публикѣ и долгое время преимущественно, до прискучиванія, поется всѣми и вездѣ. Случайно занесенный въ село чужой человѣкъ, часто даже прохожій бурлака, кутившій въ придорожной корчмѣ, кто нибудь болѣе

воспріимчивый изъ своихъ, на сторонѣ научившійся пѣть въ самую точку вкуса публики, приноситъ новую пѣсню и пѣсня эта поется всѣми. Вставляютъ припомянутыя части, варьируютъ, *выводять* её на всѣ лады и она становится своею, замѣняетъ въ сельскомъ репертуарѣ прежнюю какую либо пѣсню, пока въ свою очередь не уступитъ опять какой нибудь новой. Вслѣдствіе этого, такъ сказать, модничанья села, выходитъ то, что записавшій извѣстныя пѣсни въ селѣ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени можетъ уже и не найти въ томъ-же селѣ этихъ пѣсень, а услышитъ новыя, до той поры имъ не слыханныя.

Проживая въ русскомъ селѣ, гдѣ нельзя было услышать и одного слова по малорусски, я съ великимъ наслажденіемъ прослушивалъ пѣсни моихъ дѣвочекъ, пѣтыя нѣжными дѣтскими голосами, но съ замѣчательною точностію народной украинской интонаціи. Занесенный впослѣдствіи на черноморское побережье Кавказа, я не разъ, выбившись на лодкѣ на широкую гладь моря, любуясь восхитительнымъ видомъ уступовъ горъ то зеленыхъ, то синѣющихъ, то бѣлѣющихъ снѣговыми вершинами, упивался звуками пѣтыхъ моими дочками заунывныхъ пѣсень далекой родины.

Между этими пѣснями была одна, которую я и прежде слыхалъ на Украйнѣ; она записана мною, кому-то отдана, но по сю пору не встрѣчалась мнѣ въ знакомыхъ сборникахъ, хотя ее можно-бы отнести къ пѣснямъ историческимъ. Это пѣсня про Бондаривну, жертву неукротимой страстности пана старосты каневскаго, Николая Потоцкаго, называемаго иногда просто *банитомъ* (banita по польски, съ латинскаго значитъ изгнанникъ). Этимъ послѣднимъ названіемъ обозначалось то, что человѣкъ этотъ былъ лишенъ покровительства законовъ. Всякій коронный чиновникъ обязанъ былъ такого человѣка при первой возможности арестовать и безо всякаго суда казнить, а убить безнаказанно могъ всякій, кому вздумается. На старостѣ каневскомъ тяготѣло около 150 уголовныхъ приговоровъ по различнымъ дѣламъ и по каждому изъ нихъ онъ, какъ не явявшійся въ судъ, уклоняющійся отъ закона, былъ приговариваемъ къ баниціи (banitia), т. е. лишенію покровительства закона. Но панъ сей, всегда окруженный вооруженною, преданною ему дружиною легко вербуемыхъ въ то смутное время головорѣзовъ, былъ недосягаемъ для безсильной польской

судебно-исполнительной и административной власти, особенно въ такомъ далекомъ уголкѣ королевства, какимъ была поднѣпровская Украйна.

На Украйнѣ можно было въ недавнее время услыхать много разсказовъ про самодурства этого шальнаго магната. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ записаны уже и напечатаны (Голка Сторожевскаго, Стихотворенія Осташевскаго). Народъ-же въ его творчествѣ поэтическомъ увѣковѣчилъ память этого самодура-изверга въ пѣснѣ о Бандаривнѣ. Въ пѣснѣ этой разсказывается общеизвѣстный на Украйнѣ фактъ убійства паномъ старостою крестьянской дѣвушки Бондаривны.

Николай Потоцкій жилъ на Украйнѣ, нужно полагать, въ срединѣ прошлаго столѣтія, къ концу первой и въ началѣ второй половины его. Послѣ неудавшейся попытки Палія и Самуся колонизировать и занять для присоединенія къ московскому царству опустошенную Украйну, что было въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на Украйнѣ опять водворилось безначаліе, опять начали ее терзать разные претенденты на обладаніе ею, пока наконецъ въ 1713 году по прутскому договору она не была отдана опять Польшѣ. Опять начинается новая колонизація или, лучше сказать, оккупація Украйны поляками, при чемъ, разумѣется, шляхта не съ разу вселяется въ край, а исподоволь подвигается съ Волыни и Полѣсья. Скорому поселенію шляхты на Украйнѣ мѣшала опасность столкновенія съ возникшимъ въ то время гайдамачествомъ. Запорожская Сѣчь разорена была передъ тѣмъ Петромъ Великимъ, главный, такъ сказать, легализированный пріютъ бѣглыхъ и недовольныхъ перенесенъ былъ на турецко-татарскую территорію въ Алешки, и вотъ все это недовольное, буйное, все непримиряющееся съ польскими порядками ютится по степнымъ балкамъ запорожской степи, по опустѣлымъ селищамъ южной Украйны, по камышамъ Выси и Синюхи и въ Черномъ лѣсу, на водораздѣльномъ между бассейнами днѣпровыхъ и бугскихъ рѣкъ кряжу. Отсюда дерзкими загонами эти малькотенты, извѣстные подъ именемъ гайдамакъ, дѣлаютъ грозные набѣги на селившуюся на Украйнѣ шляхту и долго не даютъ ей устроиться на новыхъ мѣстахъ.

Панъ Николай Потоцкій былъ однимъ изъ этихъ вселяющихся на Украйнѣ колонизаторовъ. Волынскій магнатъ знатнаго рода,

онъ получаетъ титулъ каневскаго старосты и отправляется лично устраивать этотъ далекій отъ Волыни край. То, что онъ явился уже въ Каневщину не первый, или то, что ближайшая къ Каневщинѣ Украйна была уже до извѣстной степени заселена и имѣла возможно-устроенный видъ, доказывается уже тѣмъ количествомъ уголовныхъ приговоровъ, какое тяготѣло надъ этимъ самодуромъ. Значитъ въ томъ краѣ уже было кого обижать изъ такихъ, за кого заступался законъ (хлопъ былъ внѣ закона), значитъ были уже въ краѣ хоть какія нибудь юрисдикціи, въ которыхъ постановлялись приговоры. А такъ какъ для всего этого нужно было время и такъ какъ въ 1760 году мы встрѣчаемъ Николая Потоцкаго кающимся грѣшникомъ, строющимъ церкви въ Почаевѣ [1]); то мы и опредѣляемъ время жизни его на Украйнѣ концемъ первой и началомъ второй половины прошлаго столѣтія.

Забившись въ этотъ далекій уголокъ края, Николай Потоцкій, по натурѣ, какъ видно изъ разсказовъ, страстный и чудаковатый самодуръ, предается полному произволу, разнузданному разгулу, недосягаемый закономъ, не стѣсняемый мнѣніемъ людей далекаго отъ него его круга. Тутъ онъ всевластенъ, тутъ онъ безъ толку благодѣтельствуетъ, по капризу обижаетъ, тутъ онъ въ минуты невоздержнаго гнѣва и убиваетъ людей. Здѣсь онъ одѣвается въ козацкое платье, широкіе шаровары и отращиваетъ запорожскій оселедецъ [2]) и вообще дѣлаетъ, что дѣлали до него и послѣ него многіе польскіе паны—козакофильствуетъ. Въ послѣднемъ, т. е. въ козакофильствѣ это тотъ-же Тимко Падура, Михаилъ Чайковскій, Богданъ Залескій, Гощинскій и иные мелкіе козаколюбцы нашей эпохи—это все тоже, только при иной обстановкѣ, въ иной исторической рамкѣ. Онъ заселяетъ новыя села, привлекая поселянъ различными льготами, помощію при обзаведеніи хозяйства, тѣшится этими своими селами, пьетъ, гуляетъ въ нихъ, спаиваетъ громады и въ тоже время неравнодушенъ къ карымъ очамъ и чернымъ бровямъ своихъ поселянокъ. Имя одной изъ его амантокъ Приськи увѣковѣчивается въ названіи одного новозаселеннаго села—Прыцьки.

[1]) См. «Кіевская Старина», іюнь 1884 г., ст. «Почаевская успенская лавра, князь Н. С. Голицына.

[2]) Ibid.

Въ память пьяныхъ оргій съ этою Прiською (чуть-ли это не та самая воспѣтая Бондаривна), цѣлою фразою наименовываются нѣсколько селъ: Николаевка, Потокъ, Піи, Прыцьки, Пивци[1]), что означаетъ: Николай Потоцкій пьетъ съ Приською пиво (Nikołaj Potocki pije z Pryśką piwko).

Въ разсказахъ, какіе мнѣ приходилось о немъ слышать, п. каневскій староста не вызываетъ абсолютной ненависти народа. Нѣтъ, что-то похожее на отношенія народа къ личности извѣстныхъ разбойниковъ сквозило въ слышанныхъ мною разсказахъ объ этомъ самодурѣ. За нимъ, какъ за популярнымъ эксцентрикомъ, признавалась какъ-бы извѣстная доля права кого-то высѣчь, самымъ оригинальнымъ образомъ кого-то разсудить въ спорѣ между собою, потѣшиться надъ «жидовою» и наконецъ даже причинить кому-то самую смерть при неумѣренной жалости или при вспышкѣ невоздержнаго гнѣва. Съ нимъ устраиваются состязанія въ находчивости, въ перехитриваніи его придирокъ, причемъ онъ сплошь и рядомъ бываетъ побиваемъ ловкостію какого нибудь незначительнаго, маленькаго человѣка, къ нему идутъ судиться въ трудно-разрѣшаемыхъ случаяхъ спора, къ его наконецъ личности пріурочиваются различнѣйшія курьезныя приключенія, на самомъ дѣлѣ случавшіяся вовсе не съ нимъ, а съ другими лицами. Вообще это популярная историческая личность этотъ п. староста каневскій среди заселявшейся вновь Украйны.

Мы позволяемъ себѣ очертить эту оригинальную личность, по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія остались у насъ отъ всего читаннаго и слышаннаго о немъ, слѣдующимъ образомъ.

Не дюжинный по природѣ, съ нравственнымъ складомъ, отличнымъ отъ склада людей его круга, не ужившись на Волыни въ магнатско-шляхетской средѣ, Николай Потоцкій уходитъ въ далекій, не заселенный вполнѣ еще край и здѣсь создаетъ себѣ особое положеніе полновластнаго владыки, устраиваетъ своего рода statum in statu, гдѣ его воля, его желаніе—законъ и правило жизни. Недостаточно подготовленный для поддержанія въ себѣ и въ окружающемъ его мірке безусловно нравственнаго режима, онъ тѣмъ не менѣе соотвѣтствуетъ потребности нужнаго въ этомъ краѣ по

[1]) Села каневскаго уѣзда.

тому времени сильнаго устроителя, преданнаго своему дѣлу. Здѣсь обуеваетъ его козакоманія, онъ сходится съ приходящими къ нему посельниками, помогаетъ этимъ посельникамъ, любитъ ихъ, заслуживаетъ популярность, гуляетъ, пьетъ съ ними, влюбляется въ Приську Бондаривну преимущественно предъ другими временными кохапками, воловодится съ нею до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ минуту вспышки не застрѣливаетъ ее, а затѣмъ плачетъ, убивается по ней, тоску и угрызенія совѣсти заливаетъ все больше и больше виномъ, сразу послѣ этого-же процесса видитъ отшатнувшимся отъ себя любимый имъ, хотя-бы изъ эротизма, народъ, увидавшій и въ этомъ популярномъ человѣкѣ жестокаго пана-ляха, становится мрачнымъ пьяницею, ипохондрикомъ, пустившимся во вся тяжкая. Мрачный, вѣчно пьяный, съ осунувшимися чертами лица, съ отвисшею нижнею губою, онъ въ послѣднее время жизни его на Украйнѣ только неистовствовалъ. Пріѣзжая въ какое нибудь село, онъ сейчасъ-же устраивалъ съ соблюденіемъ всей обрядности «весилля». Намѣченную дѣвушку вѣнчали съ нимъ (священники это дѣлали, будучи угрожаемы пистолетомъ), устраивалась всеобщая попойка, и молодыхъ по чину, какъ слѣдуетъ, укладывали спать, при чемъ *молодой* п. староста былъ обыкновенно пьянъ. По утру на другой день молодожонъ жаловался своимъ приближеннымъ на неудобство быть женатымъ, требовалъ развода и разводъ этотъ устраивался очень просто: клевреты схватывали *молоду* въ мѣшокъ и топили въ ближайшей рѣчкѣ. И этакія звѣрскія продѣлки практиковались не разъ, пока наконецъ этотъ сумасшедшій извергъ какими-то судьбами не пошелъ въ почаевскую лавру каяться.

Бѣдная Украйна! чего ты только не вытерпѣла отъ разнаго рода властныхъ самодуровъ?!

Народъ въ пѣснѣ воспѣлъ случай убійства Бондаривны, причемъ, разумѣется, память ея украсилъ цвѣтами поэзіи и окружилъ ее вѣнкомъ своихъ симпатій. По словамъ пѣсни, п. Канёвскій, откуда-то явившійся (де не взявся), встрѣчаетъ Бондаривну *водящею передъ* въ хороводѣ. Онъ привѣтствуетъ ее снятіемъ шапки, обнимаетъ, цалуетъ и, напоминая о прежнихъ любовныхъ отношеніяхъ, спрашиваетъ, любитъ-ли она его и теперь, какъ и прежде. На это гордая красавица, очевидно никогда не любившая старосту, отвѣчаетъ дерзкою насмѣшкою, называетъ его псомъ. «*Якъ кохала тебе,*

пане, такъ теперъ кохаю,—де побачу межъ панами, за пса тебе маю». Нужно знать, что ругательство *песъ, собака, сука, сучка*, у народа имѣетъ особое значеніе; этими словами обозначается присущность ругаемому невоздержности въ половыхъ инстинктахъ, распущенность половая у женщинъ и ловеласничество, настойчивое достиженіе ласкъ любви у мужчинъ. «*Такый уже собака, такый песъ...* говорятъ про мужчинъ этого пошиба; *вона усе ривно, що онъ сучка*—про женщинъ. Такимъ образомъ обозваніе Бондаривною и старосты псомъ въ пѣснѣ имѣетъ особое значеніе, указываетъ намъ на ловеласничество въ характерѣ его, причемъ видно, что этой Бондаривнѣ субъективно приходилось испытывать нахальство п. Канёвскаго. Это было, такъ сказать, послѣднимъ отвѣтомъ на заискиванія ловеласа и притомъ отвѣтомъ вполнѣ оправдываемымъ какъ поведеніемъ его, такъ и сложившимся о немъ мнѣніемъ публики: *ціи вирни слова*. Брошенная публично въ глаза укоризна была такъ правдива, что п. старостѣ нечего было сказать, и онъ озлобленный, сконфуженный, съ угрозой какъ-бы прощается съ Бондаривною. Опытные, знавшіе неукротимость п. старосты люди предостерегаютъ Бондаривну, совѣтуютъ ей уходить. Она слѣдуетъ этому совѣту, кроется въ толпѣ уходящихъ людей, уже достигла какого-то моста, но высокая, стройная ея фигура выдаетъ ее преслѣдователямъ, которые схватываютъ ее, ведутъ къ ново-выстроенному дому п. старосты, гдѣ заставляютъ ее пѣть пѣсню. Можетъ быть, эта Бондаривна при своей красотѣ, обратившей вниманіе п. старосты, была одарена и хорошимъ голосомъ, плѣнявшимъ его въ числѣ прочихъ ея качествъ. Или можетъ быть эта *писенька* былъ плачъ, *тужиньня* осиленной дѣвушки, знавшей, что не добро ее ждетъ. Такъ или иначе, но бѣшеный панъ стрѣляетъ въ нее подъ правое ухо. Сразу прервалась пѣсня, *нїма* стала Бондаривна, *оглохлая*, она уже ничего не услышитъ, ни вопля стараго Бондаря, прибѣжавшаго къ ней, лежащей на сырой землѣ, и ударившагося объ полы руками, ни погребальной музыки, ни причитыванія самаго старосты, проливающаго слезы и искренно жалѣющаго молодой роскошной (*пышной, пригожой*), какъ полная вишня и *червоная* роза, красы ея. Кровь, рѣкою текущая (*кривавая ричка*) и образовавшая кровавую дорожку (*кривавая стежка*) несчастной жертвѣ панской разнузданности, какъ-бы вопіетъ къ слушателю этой пѣсни, взывая о чувствѣ

жалости, о достойной мести и осужденіи этого сумазброднаго убійцы.

Вотъ она, эта самая пѣсня въ ея жалобномъ, какъ-бы погребальномъ народномъ напѣвѣ, такъ удачно, съ чисто народнею интонаціею переданная мнѣ моими дочерьми и обязательно положенные на ноты г. Краснокутскимъ.



А въ Кыеви на рыночку вся челядь гуляла,
Отъ тамъ наша Бондаривна передъ вывожала.
Де не взявся панъ Канивській и, шапочку знявши,
Обнявъ нашу Бондаривну, обнявъ, поцилувавъ.
«Чи кохаешъ, Бондаривно, якъ перше кохала,
Якъ перше до намету було прихожала?»
—«Якъ кохала тебе, пане, такъ теперъ кохаю:
Де побачу межъ панами, за пса тебе маю».
—Якъ почувъ же панъ Канивській ціи вирни слова...
«Прощай, прощай, Бондаривно: оставайся здорова!»
Якъ почули ціи слова старенькіи люде—
«Тикай, тикай Бондаривно, лихо тоби буде!»
Якъ побигла Бондаривна, тай стала втикати;
А за нею два ляшеньки іи доганяти.
Якъ догнали Бондаривну на дубовимъ мосту...
«Шкода, шкода Бондаривно: высокого росту!»
Якъ привели Бондаривну до новои осельки,
Заставили Бондаривну спивати писеньки.
Молодая Бондаривна писеньки спивае,
А из-заду панъ Канивській ружье заряжае.

Якъ ударить Бондаривну пидъ правее ухо,
Стала наша Бондаривна нѝма и оглухла.
Прибигае старый Бондарь—вдаривcя объ полы...
Лежить наша Бондаривна тай на земли доли.
Ой лежала Бондаривна и часъ и годину,
Поки звеливъ панъ Каниверкій зробить домовину.
А въ нашои Бондаривны въ подыськахъ мережка...
Куды несли Бондаривну—кривавая стежка.
А въ нашои Бондаривны червоная стричка—
Куды несли Бондаривну—кривавая ричка.
Ой и звеливъ панъ Каниверкій музыци заграти,
Та якъ стали Бондаривну въ церкву провожати,
Молодая музыченька у скрыпочку грае,
А из-заду панъ Каниверкій очи вытирае.
«Молодая Бондаривна, якажъ бо ты пышна?!
«Якъ у лити у садочку червоная вышня!
«Молодая Бондаривна, якажъ ты пригожа?!
«Якъ у лити у садочку червоная рожа!..

(Слышана въ Дударяхъ каневскаго уѣзда)

Но въ слышанномъ мною народномъ разсказѣ объ этомъ событіи дѣло вышло иначе.

Само собою разумѣется, что это все не могло случиться въ Кіевѣ, гдѣ панъ староста Каневскій не могъ такъ своевольничать. По слышанному нами разсказу дѣло это было въ Потокѣ, мѣстечкѣ каневскаго нынѣ уѣзда. Панъ Потоцкій имѣлъ обычай разъѣзжать по своимъ маетностямъ и каждое посѣщеніе его знаменовалось повальнымъ пьянствомъ и всеобщимъ кутежемъ. Играла музыка, ставилось угощеніе всѣмъ, и молодежь пѣла и плясала, *звеселяла* пана. Панъ Потоцкій построилъ новый домъ въ Потокѣ и по этому случаю шло сугубое пьянство. *«Якъ уже, бувало, дуже опъяніе, то вже до нёго никого не допускають, такъ уже було й приказано: нихто не попадайся на очи. Заразъ бувало закрывають наметъ и становлять козака, щобъ никого не допускавъ до нёго, а то винъ пъяный бувавъ не самовитый»*. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Пьянаго пана старосту уложили въ новомъ домѣ и поставили на сторожѣ козака, чтобы никого не впускать въ домъ. *«Ну, а люде, звычайно, пъють, гуляють сами. Ну, и челядь гуляе.* Бондаривна

была въ числѣ гуляющихъ; была-ли она дѣвушка или покрытка, неизвѣстно; скорѣе послѣднее. Ей вздумалось пойти къ пану старостѣ. Козакъ *не посмивъ зупинять* (очевидно она была вхожа къ старостѣ), *та тильки що увійшла въ двери, а винъ схопивъ рушныцю та торохъ въ неи. Народъ такъ и шарахнувсь, хто куды; де той и хмиль подився. Винъ* (т. е. староста) *самъ іи хоронивъ, поминавъ хороше, убивався за нею. Таке-то!*

Таке-то! скажемъ и мы, вторя разсказчику.

Борисъ Познанскій.

23 августа 1885 года,
г. Павловскъ.



ИВАНЪ ПОДКОВА[1].

Историческій разсказъ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

I.

Въ началѣ царствованія Стефана Баторія Баръ поднялся до значенія первоклассной крѣпости, особенно съ того момента, когда южная граница выдвинулась въ глубь степей. Сарницкій, писавшій въ концѣ XVI-го вѣка, утверждаетъ, что барская крѣпостца построена при самомъ входѣ въ Татарію—*in ipso aditu Scyphiae excitata*. Въ то время считали ее уже опаснымъ форпостомъ, въ которомъ могутъ держаться только отважнѣйшие воины.

Къ югу отъ сказаннаго форпоста простирались пустынныя и печальныя степи, «пристанище дикаго звѣря», переходившія къ востоку въ дикія поля, а къ западу достигавшія береговъ Днѣстра. Чуть-ли не у самаго города разстилалась пустыня, которая сообразно времени года принимала соотвѣтствующій характеръ. Зимою снѣжныя мятели бѣшено бушевали на ея равнинахъ, и неистовый

[1]) Польская историческая литература богата произведеніями, сюжеты кототорыхъ заимствуются непосредственно изъ исторія южной Руси,—того ея періода, когда южная Русь находилась въ политическомъ единствѣ съ Польшею. Кромѣ несомнѣнныхъ научныхъ достоинствъ и иногда высоко-художественнаго изложенія, произведенія этого рода представляютъ для насъ и тотъ еще существенный интересъ, что даютъ намъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ источниковъ намъ недоступныхъ. Въ ряду польскихъ писателей нашего времени, посвящающихъ труды свои собы-

вѣтеръ, разбиваясь о городскія стѣны, производилъ гулъ, похожій на удары тарана, весной разстилался цвѣтистый коверъ, а надъ нимъ носились и щебетали разныя птицы, и воздухъ былъ полонъ звуковъ, пѣсенъ и аромата. Но уже въ іюнѣ, когда травы выростали въ ростъ человѣка, надо было удвоить бдительность, потому что изъ подъ Бѣлгорода или Очакова поднимался лукавый татаринъ и, скрываясь въ высокихъ бурьянахъ, пробирался по куяльницкой балкѣ кучманскимъ шляхомъ, который приводилъ его къ самому Бару. Поэтому часто приходилось жечь траву, чтобы избѣжать засады.

Въ это время степь представляла грозный и величественный видъ: днемъ клубы дыма поднимались надъ ней, а въ темную ночь милліоны огненныхъ языковъ летали въ воздухѣ, и горячая волна, подгоняемая вѣтромъ, плыя по равнинѣ, обнимала цѣлый горизонтъ.

Испуганный народъ выбѣгалъ изъ лѣсныхъ дебрей, тянувшихся въ окрестностяхъ Бара, и сторожилъ днемъ и ночью на опушкахъ лѣса, пока пожаръ не отодвигался отъ него, устремляясь къ берегамъ Чернаго моря. Выжженная равнина представляла картину полнаго опустошенія, прикрывшись, какъ трауромъ, чернымъ покрываломъ.

тіямъ и лицамъ южно-русской исторіи, выдаются по своей талантливости, эрудиціи, тщательному подбору и художественной обработкѣ историческаго матеріала, докторъ А. Кубаля и докторъ І. Ролле, пишущій подъ псевдонимомъ доктора Антонія и извѣстный нашимъ читателямъ по библіографическимъ отзывамъ о его трудахъ. Предлагаемый здѣсь разсказъ принадлежитъ перу послѣдняго и изданъ имъ въ 1880 г. въ Львовѣ вмѣстѣ съ двумя другими разсказами. Мы предлагаемъ этотъ разсказъ вниманію нашихъ читателей какъ потому, что онъ касается наиболѣе темнаго въ исторіи нашего козачества времени, такъ и потому еще, что онъ не печатался въ Россіи даже въ польскомъ текстѣ, а тѣмъ болѣе не являлся въ переводѣ на русскій языкъ и едва-ли кому либо, кромѣ записныхъ историковъ, извѣстенъ. Въ разсказѣ почтеннаго автора Подкова является далеко не въ такихъ яркихъ краскахъ, какъ въ пѣсняхъ народныхъ и козацкихъ лѣтописяхъ,—здѣсь роль его по видимому даже болѣе пассивная; но, помимо точки зрѣнія автора, виною тому конечно недостатокъ точныхъ историческихъ данныхъ. Къ сказанному авторомъ можно прибавить развѣ, что, по мнѣнію Пясецкаго, однимъ изъ мотивовъ казни Подковы было разореніе имъ Козлова (Евпаторіи), а Папроцкій, современникъ Подковы, разсказываетъ, что Подкова отбилъ у татаръ Өедора Букія.

Стараясь держаться въ переводѣ возможно ближе подлинника, въ тоже время я опустилъ ссылки автора на источники, сдѣлалъ кой-гдѣ отъ себя подстрочныя примѣчанія и тамъ-же привелъ письмо Филиппа Тальдуци, изданное въ 1852 г. Пшездецкимъ вмѣстѣ съ письмами Аннибала изъ Капуи.—Переводч.

Однакожъ, если въ окрестностяхъ перепадали дожди, снова покрывалась она буйной зеленью, среди которой разростались бурьяны—родъ будяковъ, названныхъ простымъ народомъ *перекати-поле* (Ergodium campestre) изъ семейства зонтичныхъ. Наежившись, скромные метельчатые кустики выглядятъ довольно мило, но осенью, когда сѣверные вѣтры разгуляются въ степи, растеніе, подрѣзанное ихъ силой, склоняется на бокъ и съ скоростью птицы улетаетъ на югъ. Въ XV-мъ вѣкѣ татары уже занимались собираніемъ этихъ будяковъ, которые въ безлѣсныхъ мѣстахъ замѣняли имъ дрова. Непривычный видъ представляетъ степь во время передвиженія увядшаго растенія: небо пасмурное, свинцовое, тяжелое; буря воетъ протяжно и уныло, и цѣлая равнина какъ-бы двигается съ непріятнымъ шелестомъ, который производятъ катящіеся сухіе будяки. Заблудившійся путешественникъ испытываетъ непріятное чувство среди вихря крутящагося перекати-поля: конь пятится, жмется, преодолѣвая препятствія, и усталый останавливается, какъ вкопанный; безпокойство овладѣваетъ имъ до такой степени, что надо усилія воли человѣка, чтобы преодолѣть испугъ животнаго...

Вотъ въ одинъ изъ такихъ осеннихъ вечеровъ 1576 г. стража барскаго замка, выправленная въ степь на развѣдки, замѣтила больше десятка всадниковъ, медленно приближавшихся къ стѣнамъ города.

Кто эти путники?—угадать было трудно. Сѣрыя свитки, козацкія бараньи кучмы, отличныя лошади, блестящее вооруженіе—тяжелыя ружья, и бердыши, и пики, и даже свѣсившіеся у плечъ щиты, словомъ гости невиданные и совсѣмъ неожиданные въ той сторонѣ. Правда, съ недѣлю тому назадъ панъ староста выслалъ на развѣдки съ десятокъ черемисовъ, но тѣ совсѣмъ иначе были одѣты, и по формѣ ихъ одежды мѣстные жители сейчасъ узнали-бы ихъ. А въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ такъ часто заглядывали сюда непрошенные гости изъ Перекопа и другихъ татарскихъ кочевьевъ, что невольно поднималась тревога при видѣ этой маленькой кучки людей... А ну, если это авангардъ «чамбула» (загона)?

Между тѣмъ всадники смѣло съ знаками мира приблизились къ городскимъ воротамъ, и начальникъ отряда потребовалъ немедленнаго свиданія съ мѣстнымъ старостой.

Въ то время должность эту занималъ Николай изъ Цилявитовъ Бучацкій, иначе называемый Творовскимъ, истый охранитель гра-

ницъ Рѣчи Посполитой, жившій здѣсь больше, нежели въ родовомъ своемъ Бучачѣ; даже жена его, изъ дому Радзивилловъ, съ дѣтьми пересиживала въ пограничномъ городѣ; должно быть здѣсь было безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Пришелецъ, введенный къ старостѣ, назвалъ себя Иваномъ Волошиномъ, роднымъ братомъ недавно замученнаго господаря Ивони, а потому имѣющимъ несомнѣнныя права на волошскій престолъ, и просилъ помощи. Въ доказательство своихъ правъ представилъ онъ письма молдавскихъ бояръ съ ихъ печатями. Въ письмѣ къ пограничному старостѣ Рѣчи Посполитой заключалась просьба, чтобы онъ не отказалъ претенденту въ военномъ отрядѣ только до Днѣстра, а на противуположномъ берегу они уже сами будутъ ожидать новаго властелина. Такого-же содержанія было и другое письмо къ кн. Константину Острожскому.

Бучацкій попалъ въ очень неловкое и хлопотливое положеніе. Сначала онъ отдѣлывался отъ гостя ни къ чему не обязывающими любезностями, а въ концѣ, однако, попросилъ оставить крѣпость сейчасъ-же, если хочетъ избѣжать непріятностей, потому что Порта легко можетъ узнать о его пребываніи на границѣ, и тогда онъ не ручается за послѣдствія, но все-таки обѣщалъ увѣдомить обо всемъ короля и склонить его на сторону претендента.

Иванъ послушалъ благаго совѣта и двинулся въ окрестности Брацлава.

Дѣйствительно, не очень счастливое время выбралъ онъ для осуществленія своихъ плановъ. Стефанъ Баторій старался елико возможно скорѣе и миролюбивѣе покончить счеты съ востокомъ. Варвары въѣлись ему въ бока, изъ года въ годъ опустошая пограничныя провинціи. Едва успокоилась Украйна послѣ набѣга 1573 г., какъ новый чамбулъ наводнилъ южную провинцію, да такъ былъ ужасенъ и столько крови стоилъ намъ, что русскіе, подольскіе и волынскіе послы явились на сеймъ въ траурѣ, такъ засѣдали и въ палатѣ. Народъ до сихъ поръ поетъ печальную думу объ этомъ погромѣ... Кулишъ приводитъ отрывокъ изъ пѣсни о гетманѣ Ружинскомъ, получившей содержаніе изъ этой эпохи. Отрывокъ этотъ слѣдующій:

«Ой Богдане, Богдане, запорожськый гетьмане!
Ой чого жъ ты ходишъ въ чорнимъ оксамыти?

Гей булы въ мене гости татарове;
Одну ничку ночували,
Стару неньку зарубали,
А миленьку соби взяли...

Но и послѣ этого нападенія набѣги татаръ не прекращались. Малые отряды хищниковъ вторгались очень часто въ Польшу, не обращая вниманія на бдительность пограничной стражи. Король, занятый подъ Данцигомъ, готовясь къ войнѣ съ Москвой, внимательно слѣдилъ за югомъ. Онъ отправлялъ посломъ въ Цареградъ Яна Семинскаго, галицкаго каштеляна, снабдивъ его значительною суммою и поручая ему выхлопотать у падишаха приказъ, который сдержалъ-бы крымскихъ и бѣлгородскихъ хищниковъ.

Посолъ оттягивалъ отъѣздъ; король настаивалъ на своемъ.

«Желаемъ, писалъ онъ ему, чтобы ты ѣхалъ, какъ можно скорѣе, не взирая ни на какія обстоятельства... Вторично напоминаемъ и весьма желаемъ, чтобы твоя вѣрность выѣхалъ поскорѣе въ дорогу. Мы и такъ уже замедлили... исполни, не мѣшкая, то, о чемъ многократно пишемъ».

Приведенныя слова Баторія говорятъ о его энергіи, настойчивости. Но каштелянъ, забравъ вѣрительныя грамоты и деньги на путешествіе, спокойно ожидалъ въ родномъ Рымановѣ на Руси, пока не пройдетъ буря послѣдняго чамбула.

И какъ въ самомъ дѣлѣ было ему ѣхать? Хищники бросились подъ Дубно, ища будто-бы кіевскаго воеводу (кн. Константина Острожскаго) и Шаха, наказнаго атамана, который недавно заступилъ дорогу и изрядно потрепалъ ихъ. Самъ Магометъ-Гирей, султанъ, сынъ крымскаго хана, участникъ похода, въ письмѣ, писанномъ изъ Ташлыка къ волошскому воеводѣ и перехваченномъ барскими козаками, яркими красками описываетъ свои подвиги. «Мы были подъ сорока замками, а не могли найти его; потомъ расположились подъ Дубномъ и приказали искать его по селамъ... Нѣтъ уже больше земли ихъ, какъ это мы видѣли теперь своими глазами». Говоря другими словами, нигдѣ не встрѣтили они сопротивленія. И Магометъ-Гирей, и младшій братъ его Доршъ-Гирей смѣло могли хвалиться небывалыми успѣхами. «Вторглись они, т. е. татары, писалъ въ то самое время князь Збаражскій коронному вице-канцлеру, между Кіевомъ и Бѣлою-Церковью и добрались до Дубна,

Ровно, Луцка и Перемышля, разорили кременецкое староство, имѣнія кіевскаго воеводы кн. Вишневецкаго и Збаражскихъ. При множествѣ людей или смѣлѣе: людей, стада, скотъ, имущество, которыхъ не могли взять съ собой, жгли съ домами и гумнами; почти разорили землю, ничего не оставивши».

Набѣгъ удался, и орда ожидала на степяхъ, не удастся ли ей повторить его. И время для этого было вполнѣ подходящее. Прекрасный май облекъ украинскую землю въ пышныя одежды невыразимой прелести. Въ этомъ году (1577) весна была удивительно теплая; погода стояла прекрасная. Уже въ половинѣ февраля плуги сновали по полямъ, а послѣ дождливаго апрѣля зазеленѣли нивы, покрытыя восхитительнымъ ковромъ озимыхъ посѣвовъ; зацвѣли луга, деревья пріодѣлись въ снѣжные букеты, предсказывая обильный урожай. Пограничнымъ жителямъ улыбалась осенняя прибыль, но людскія надежды не всегда осуществляются.

Такъ и теперь хищные сосѣди привели въ страшное безпокойство бѣдный народъ. Уже въ первыхъ числахъ мая слуги барскаго замка, высланные на развѣдки, несли вѣсть, что Альби-Гирей, султанъ царевичъ, залегъ между Очаковымъ и Бѣлгородомъ съ силами въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, а Сигаза и Бокай остановились съ десятитысячнымъ таборомъ на бѣлгородскихъ поляхъ. Бусурмане собирались сдѣлать нападеніе на Баръ, Липковъ, Каменицу, а спустя неполныхъ три недѣли остановились кошомъ подъ Сатановымъ и Олескомъ, очертивши окружность въ 120 съ лишнимъ верстъ. Бучацкій внушалъ предусмотрительность и предупреждалъ обо всемъ своихъ товарищей—пограничныхъ старостъ; послалъ также реляцію къ подольскому воеводѣ Николаю Мелецкому, но предусмотрительность ни къ чему не привела, потому что не было войска, почти все оно двинулось за королемъ.

Передъ нами списокъ военныхъ отрядовъ, собранныхъ съ украинскихъ земель. Было четырнадцать хоругвей въ 1,500 лошадей, а именно: хоругвь намѣстника Януша Збаражскаго, брацлавскаго воеводы; Николая Бучацкаго, барскаго старосты; Александра Вишневецкаго, черкаскаго старосты; Влодка, каменецкаго старосты, Крупскаго, воеводича бѣльскаго; Николая Язловецкаго, хмѣльницкаго старосты; Герберта, перемышльскаго старосты; Претвича, трембовецкаго старосты; Даниловича; Андрея и Якова Струсей;

Ланскоронскаго, скальскаго старосты и ротмистра Яворовскаго. Число небольшое, но достаточное для обузданія варваровъ.

Это рядъ именъ пограничныхъ рыцарей—мастеровъ военнаго ремесла, опытныхъ и знающихъ шляхи, какъ свой собственный домъ, потому что, вѣроятно, они больше проводили времени въ полѣ, нежели подъ своей кровлей. Хитрый татаринъ хорошо зналъ, что на пограничной межѣ не застанетъ главныхъ ея охранителей, а потому позволялъ себѣ безнаказано «плюндровать» земли Рѣчи Посполитой.

Какъ мы уже сказали, посолъ лѣниво собирался въ Турцію; онъ могъ легко оправдываться той безурядицей, которая господствовала кругомъ. И въ Рымановѣ не совсѣмъ безопасно оставаться, но все-же веселѣй, чѣмъ въ татарскихъ рукахъ. Все это, однакожъ, несказанно раздражало короля-рыцаря, и шляхта роптала, желая дать почувствовать ему, что онъ не защищаетъ землю, ввѣренную его опекѣ. А тутъ еще, къ довершенію бѣдъ, поднялъ голову и волошскій господарь. Изъ перехваченныхъ писемъ его стало извѣстно, что онъ у татаръ и уже не разъ просилъ султана, чтобы разрѣшилъ ему вторгнуться въ Польшу; одновременно онъ слалъ суплики къ подольскому воеводѣ, каменецкому старостѣ, объ обузданіи подданныхъ его королевской милости, т. е. козаковъ. Когда дѣло дошло до Стефана Баторія, послѣдній выслалъ сейчасъ-же напоминаніе каменецкому старостѣ Влодку, только что прибывшему изъ подъ Данцига.

Въ универсалѣ къ другимъ старостамъ король приводитъ списокъ обидъ, нанесенныхъ украинцами волошскому воеводѣ: «жгутъ ему села, забираютъ скотъ, людей и гонятъ въ нашу землю, грабятъ купцовъ; и наконецъ достойные люди, говоритъ далѣе, даютъ лошадей этимъ злоумышленникамъ и посылаютъ ихъ въ его земли; дальше уже онъ не знаетъ, что и дѣлать!... А въ владѣніяхъ господаря бьютъ турокъ, и этимъ подрываютъ его кредитъ у султана».

Король приглашалъ къ порядку, напоминалъ строгія предостереженія закона и одновременно, какъ знаемъ, отправилъ посольство въ Порту, чтобы она удержала своеволіе татаръ. Порта отвѣтила ему, что набѣги татаръ не больше, ни меньше, какъ отплата за

насилія и пожары, производимые козаками въ предѣлахъ его султанской милости.

И такъ вся вина упала на козаковъ; отсюда поднялась буря на нихъ во всей Рѣчи Посполитой. Читатель, согласится, что Иванъ Подкова не такъ скоро могъ осуществить свои планы относительно волошскаго престола, если общественное мнѣніе въ Польшѣ дышало негодованіемъ противъ козаковъ.

II.

Даже теперь исторія не съумѣетъ рѣшить, какъ и когда на Днѣпровскихъ островахъ основалась дружина козацкихъ молодцевъ. Изслѣдователи прошлаго до сихъ поръ не соглашаются не только о времени рожденія, но даже объ имени, которое братство получило при крещеніи. Эта община представляла удивительную смѣсь разбойничьихъ инстинктовъ съ благородными рыцарскими стремленіями, страсть къ грабежу и готовность служенія свободѣ. Не будемъ добиваться разъясненія этого темнаго вопроса, иначе намъ пришлось-бы тронуть цѣлый арсеналъ противорѣчивыхъ мнѣній, борющихся въ умѣ самаго безпристрастнаго изслѣдователя: разбойники и хищники, защитники вѣры и наемники варваровъ, словомъ: добродѣтель и преступленіе.

А однакожъ трудно разстаться съ традиціями первой молодости... Думы Залескаго, пѣсни Падуры, повѣсти Чайковскаго такъ идеализировали козачество, что, не смотря на увѣренность, что это не больше, какъ фикція, душа съ сожалѣніемъ возвращается къ ней и оторваться не можетъ,—столько поэзіи, столько прелести въ тѣхъ козачьихъ судьбахъ!

Рядомъ съ поэтами и историки польскіе симпатичнѣе относятся къ козакамъ, описывая эпоху, предшествующую Хмельницкому. Папроцкій восторгается рыцарствомъ степныхъ юнаковъ; какъ другъ Зборовскихъ, онъ смотрѣлъ, видно, глазами Самуила, который самъ гетманствовалъ надъ козаками-молодцами. Бѣльскій добросовѣстно передаетъ факты, черпая ихъ чуть-ли не изъ первыхъ рукъ, но часто вырывается у него слово, дышащее горячей симпатіей къ козачеству... Любинскій выразительно и сильно описываетъ стычки и грабежи; Гейденштейнъ складно и плавно, тацитовскимъ стилемъ,

разсказываетъ событія, какъ были, но почему шли они по тому, а не другому пути—объ этомъ ни слова. Окольскій слишкомъ много страдалъ, чтобы удержаться на высотѣ безпристрастія. Подъ топоромъ толпы, поднявшейся на Низу, опъ видѣлъ гибель товарищей ордена и самаго ордена на Руси, и то въ то время, когда стоялъ во главѣ его.

За то противоположный лагерь взвалилъ на плечи разнузданнаго Запорожья религіозную миссію. Это мнѣніе поддерживали немногочисленные русскіе лѣтописцы, какъ Грабянка, Самовидецъ, Величко и позднѣйшіе: Ригельманъ, Конисскій и Маркевичъ. И однакожъ находимъ неоднократныя доказательства, что козаки грабили какъ польскихъ своихъ земляковъ, такъ и людей одной съ ними религіи, даже охотнѣе бросались на послѣднихъ, можетъ быть, потому, что меньше встрѣчали сопротивленія.

Гдѣ лежитъ правда? Развѣ будущее найдетъ ее! Въ настоящемъ очеркѣ мы можемъ остановиться только на нѣкоторыхъ чертахъ, которыя нужны намъ для характеристики почвы и обстановки, при какихъ выросъ герой нашей разсказа.

Еще острова за днѣпровскими порогами стояли пустыней, когда имя козаковъ пріобрѣло нелестную славу. Славянскій міръ заимствовалъ его у татаръ; козаками называли отважныхъ молодцевъ, хищниковъ, проводниковъ, если хотите, знающихъ хорошо степныя дороги въ пустыняхъ, которыя отдѣляли логовища варваровъ отъ поселеній славянъ. Въ половинѣ XV вѣка и даже раньше встрѣчаемъ съ одной стороны козаковъ рязанскихъ, путивльскихъ, смоленскихъ, а съ другой—азовскихъ, бѣлгородскихъ, крымскихъ, заволжскихъ, по образцу которыхъ образовались уже черкасскіе, брацлавскіе, барскіе, держащіе стражу въ форпостахъ на рубежѣ Рѣчи-Посполитой.

Впослѣдствіи, подражая татарамъ, козаки дѣлали набѣги на сосѣднія государства. Въ царствованіе Сигизмунда Стараго козаки смоленскіе вторглись въ Литву; черкасскіе и хмельницкіе гнались въ далекія степи или на бобровые гоны, или для ловли рыбы, а, можетъ быть, въ надеждѣ урвать что-нибудь изъ значительныхъ татарскихъ стадъ въ пустыни. Сознаніе собственности слабо было у нихъ развито, а счастливый грабежъ одобрялся рукоплесканіями. Разбойничій походъ называли въ Украйнѣ козакованіемъ, хожде-

ніемъ въ козаки, исканіемъ «козацкаго хлѣба», или, какъ Претвичъ называетъ, «залеганіемъ въ поле». Одинъ, другой походы, увѣнчанные успѣхомъ, находили усердныхъ подражателей. Читая исторію, мы видимъ, что первый Прецлавъ Ланскоронскій далъ толчекъ этимъ загонамъ (1516 г.). Во главѣ хорошо организованнаго отряда онъ пустился къ Черному морю, разорилъ Бѣлгородъ, лежащій надъ Днѣстромъ, и—съ тѣхъ поръ, заключаетъ Гваньинъ, начинаются у насъ козаки.

Еще раньше XV-го вѣка организуется колонизація молодцевъ на Низу. Извѣстно, что уже въ 1499 г. являются козаки, какъ торговцы, на кіевскомъ рынкѣ. Разгулу, разврату, пьянству ихъ нѣтъ предѣловъ. Обычай «баламумить женщинъ» сталъ общераспространенъ до такой степени, что взыскиваемыя за это пени составляли значительный доходъ митрополита и мѣстнаго воеводы [1]).

Въ началѣ XVI-го вѣка низовые козаки имѣютъ уже опредѣленную организацію: у нихъ есть и урядники, и атаманы, которыхъ не только русскіе, но и наши исторіографы возвышаютъ до званія гетмановъ и перечисляютъ ихъ въ династическомъ порядкѣ.

Со временемъ Низъ беретъ перевѣсъ надъ другими козацкими дружинами и освобождается отъ путъ, обязывающихъ къ уваженію закона въ то время, когда черкасскіе, брацлавскіе и барскіе товарищи переходятъ въ панскія или замковыя милиціи.

Надо признаться, что польское правительство того времени не думало серьезно о козакахъ. Для цивилизованнаго двора, представляющаго власть, дикія окраины казались таинственной, дикой и неизвѣстной землей. Иногда, но рѣдко проникали въ столицу глухія извѣстія о козакахъ, о ихъ удивительныхъ, преисполненныхъ чудеснаго приключеніяхъ, напоминающихъ фантастическія повѣсти. Бой не уставалъ на цѣлой юго-восточной пограничной линіи; люди гибли безъ ропота; а тамъ вверху не знали даже, какъ стоятъ

---

[1]) Только слишкомъ незначительную часть этого дохода давали козаки. Кулишъ, цитируя какого-то не указаннаго имъ автора, говоритъ: «привычка дѣлать непочестныя рѣчи съ бѣлыми головами вкоренились тогда (1499 г.) въ Кіевѣ до такой степени, что пеня за это составляла одну изъ главныхъ статей дохода митрополита и воеводы». Но пеня за непочестныя рѣчи съ такъ называемыхъ гостей, которыми въ то время были турки, татары и армяне, превышала взысканіе съ христіанъ въ двѣнадцать разъ —Вѣстникъ Европы, 1874 г., мартъ, стр. 23.

дѣла, увеличивается или уменьшается граница государства. Только жалобы дивана и татарскихъ хановъ, доходившія къ королю, хоть на минуту обращали вниманіе нашихъ дипломатовъ въ эту сторону. Масса жалобъ бусурманъ доказывала только, что тамъ на окраинахъ Рѣчи Посполитой какая-то толпа даетъ себя чувствовать татарамъ. Сигизмундъ Старый хотѣлъ упорядочить ее; Стефанъ Баторій не признавалъ ее подъ своей властью: «это, говорятъ онъ туркамъ, горсть разноплеменныхъ людей, ни отъ кого независимыхъ, безъ опредѣленныхъ законовъ и жительства».

И однакожъ эта горсточка безпрестанно повторяла: «мы тутъ!» и это свое существованіе обозначала кровавымъ слѣдомъ на шеяхъ татаръ: жгла ихъ улусы, разоряла вновопостроенные города, задавала страху столицѣ могущественныхъ падишаховъ, а на Волощинѣ хозяйничала, какъ у себя дома, даже лучше, потому что своего дома не имѣла... И всегда громко признавала свою зависимость отъ его милости короля и Рѣчи Посполитой, ставя свои ставки на польскихъ границахъ. Однако мы отреклись отъ незаконнаго и непослушнаго ребенка—и отреклись, право, несправедливо.

Въ отношеніи козаковъ грѣшили пренебреженіемъ, а заслуживали они большаго вниманія. Какой закалъ былъ въ этой вооруженной кучкѣ людей! Они относились равнодушно къ холоду и голоду, нечеловѣческій трудъ не надламывалъ ихъ силъ, лишь бы осталась свобода да жизнь не въ ярмѣ, а всѣ неудобства забывались, ничего не значили, были какъ-бы необходимымъ условіемъ жизни—хлѣбомъ насущнымъ. Русскіе современные лѣтописцы умалчиваютъ о нищетѣ низовыхъ козаковъ, пускавшихся въ далекіе походы по безлюднымъ степямъ. Удалось предпріятіе, попадало кое-что въ мошну—козакъ сейчасъ-же все спускалъ; онъ по природѣ былъ расточителенъ, такъ какъ жизнь безъ завтрашняго дня представляла особенную прелесть для тогдашняго времени. Пришелъ завтрашній день,—голодный, вѣрно, безъ жалобъ переносилъ его. Польскіе историки гораздо больше говорятъ о козацкой выносливости. Папроцкій, вспоминая о подвигахъ Самуила Зборовскаго на Низу, прибавляетъ съ сочувствіемъ, что онъ часто ѣлъ жолуди, чтобы не умереть съ голоду, а однажды, вмѣсто того, чтобы идти въ Сороки, повернулъ въ Саврань только потому, что думалъ получить достаточно живности изъ Брацлава; тамъ голодъ донялъ ихъ до того, что рога,

какіе нашли, оленьи копыта, что по нѣсколько лѣтъ лежали, а также кости, какія могли найти, все это ѣли; однакожъ Богъ привелъ его благополучно въ отечество.

Гербовый Папроцкій ставилъ эти хлопоты разбалованному польскому паничу въ большую заслугу, бросая ее въ глаза польскому обществу и какъ-бы желая сказать: «смотрите, какого человѣка погубилъ тиранъ Замойскій, посягающій на нашу свободу!» Папроцкій поднималъ козачество до значенія формальной военной школы. «Много, говоритъ онъ, честныхъ бѣдняковъ ѣздитъ туда для упражненія въ рыцарскомъ дѣлѣ; и паничей русскихъ, подольскихъ не мало заѣзжаетъ, потому что хорошо могутъ изучить и боевой порядокъ, и рыцарское дѣло между козаками».

Если вверху отдѣлывались ничѣмъ «отъ козацкаго вопроса», то въ средѣ тѣхъ, что ближе стояли къ низовымъ козакамъ, постоянно думали о надлежащемъ устройствѣ ихъ. Евстафій Дашковичъ совѣтовалъ королю (1533 г.) устроить изъ нихъ охранную пограничную дружину; 20,000 коней, по его мнѣнію, достаточно было для обузданія набѣговъ орды, и за все это онъ просилъ только хлѣба и одежи. А между тѣмъ мы предпочитали платить татарамъ гарачъ, превышающій 15,000 червонныхъ злотыхъ, будто-бы за готовность ихъ идти на помощь по первому зову Рѣчи Посполитой, но помощи отъ нихъ почти никогда не имѣли! Хорошо понимали это современники, какъ доказываетъ восклицаніе Старовольскаго: «это жалованье (jurgelt), которое платили хану на сабли или кожухи, не что иное, какъ только прикрытое красивымъ титуломъ подданство, въ силу котораго требуютъ теперь отъ насъ опредѣленнаго чинша».

Государственные чины не послушали Дашковича, и, можетъ быть, имѣли основаніе, потому что онъ переходилъ на сторону Москвы и былъ человѣкъ ненадежный. Но спустя десять лѣтъ съ лишнимъ Яковъ Претвичъ,—слава и украшеніе границъ, выступилъ на краковскомъ сеймѣ въ защиту козаковъ. Дѣйствительно, рѣчь его служитъ поучительнымъ матеріаломъ для исторіи. Претвичъ изображаетъ печальное состояніе Украйны въ моментъ пріѣзда его на Подолье: «пустыни были тутъ вездѣ вокругъ укрѣпленій и тянулись даже ко Львову, Люблину и Перемышлю; коронная охрана находилась только въ Барѣ и Синявѣ, слѣдовательно громадное пространство границы было открыто. Татары въ продолженіи сутокъ

пробѣгали до 30 миль, далеко оставляя за собой пограничную стражу и, забравши въ ясыръ множество людей, съ такой-же быстротой убѣгали въ степь, пока въ Украйнѣ успѣвали оглянуться».

«Теперь-же, прибавляетъ пограничный рыцарь, совсѣмъ иначе: наши форпосты выдвинуты на 20 миль въ глубь степей и стоятъ близко одинъ отъ другаго, чтобы взаимно помогать другъ другу. Пограничные воеводы сформировали небольшіе отряды въ 200—300 человѣкъ, которые занимались козакованіемъ, т. е. шли въ засаду, подъ кровомъ ночи совершали свои переходы, а днемъ пересиживали въ балкахъ, густо заросшихъ травой. Какъ-то татарскіе набѣги стали рѣже, а колонизація быстро подвигалась, потому что народъ въ минуту приближающагося чамбула легко могъ укрыться въ крѣпостцахъ». Однако, не смотря на заслуги Претвича, Сигизмундъ-Августъ перевелъ его на трембовецкое староство (1552 г.) въ угожденіе крымскому хану, а барскіе козаки, такъ прекрасно организованные, вошли въ составъ мѣстной милиціи, причемъ число ихъ вмѣсто того, чтобы увеличить, уменьшили.

Кромѣ этихъ проэктовъ объ организаціи козачества было еще много другихъ, цѣлью которыхъ была защита восточныхъ границъ. Наскучили-бы мы читателю, выписывая всѣ существовавшіе проэкты. Каждый шляхтичъ считалъ своею обязанностію сказать что-нибудь относительно этого, а потому покончимъ на передачѣ содержанія одного проэкта, творцемъ котораго былъ мѣстный житель, о. Іосифъ Верещинскій, кіевскій епископъ. Проэктъ его носитъ неясное названіе *Publiki* и составленъ былъ велебнымъ пастыремъ для братьевъ—шляхты въ 1594 г., слѣдовательно въ такое время, когда на юго-восточной границѣ серьезно думали создать извѣстный *modus vivendi*. Авторъ начинаетъ свой проэктъ предостереженіями шляхтѣ объ опасности.

«Украйну, восклицаетъ онъ, которая длиннѣе и шире всей вмѣстѣ взятой Великой и Малой Польши, трусливо и подло потерять по одной только небрежности или отдать на растерзаніе варварамъ. Какъ-же помочь бѣдѣ? Основать въ этой Украйнѣ рыцарскія школы, а за Днѣстромъ крестоносцевъ по образцу мальтійскаго ордена для лучшей защиты государства отъ всевозможныхъ опасностей». А такъ какъ для приведенія въ исполненіе проэкта нужны средства, то о. Верещинскій предлагаетъ разныя подати, прежде

всего десятину, а если не хватитъ ее, то мыто и чоповое. «А гдѣбы, прибавляетъ, даже и этого чопового не дали на школы изъ боязни, что некѣмъ будетъ наполнить адъ, такъ какъ, по св. писанію, питухи и пропойцы не попадутъ въ царствіе небесное, то наконецъ, совѣтуемъ взять «кварту» [1]) съ украинскихъ старостъ, только по совѣсти, а то нѣкоторые ихъ милости даютъ чуть-ли не десятую часть».

Школа эта должна состоять изъ 2,000 гусаровъ и 3,000 козаковъ и въ ней надо поддерживать строгій порядокъ, а во главѣ ея поставить гетмана.

Натурально, проэктъ не вошелъ въ жизнь и остался лишь доказательствомъ, что только единичныя лица чувствовали потребность привести въ порядокъ пограничныя отношенія, но государственныя сословія были заняты другимъ и принимали такія заявленія равнодушно. Зачѣмъ за Днѣпромъ крестоносцы по образцу мальтійскихъ рыцарей, когда на Низу создалось братство, правда, не религіозное, но солидарное и при умѣломъ обращеніи съ нимъ послушное и сговорчивое?

Никому мы не жалѣли свободы, слѣдовательно здѣсь дѣло шло не о стѣсненіи ея и не о порабощеніи, а о томъ, чтобы направить отважное своеволіе на путь обязанности...

Религіознымъ мнѣніямъ не было тутъ мѣста, потому что козаки смотрѣли индиферентно на эти вопросы. Въ Сѣчи и нигдѣ въ окружности ея на 100 миль и больше не было церкви. Наконецъ Польша Сигизмунда и Баторія отличались такой вѣротерпимостью, какую теперь можно встрѣтить развѣ только въ Соединенныхъ Штатахъ [2]).

Единственную вину противъ козаковъ въ исходѣ третьей четверти XVI-го вѣка видѣли въ ихъ набѣгахъ на перекопскую и бѣлгородскую орды. Наши политики утверждали, что эти набѣги вызывали желаніе отместки у нашихъ сосѣдей, отсюда столь частые

[1]) Кварта — четвертая часть доходовъ съ королевскихъ имѣній, пожертвованныхъ Станиславомъ Августомъ на военныя надобности Рѣчи Посполитой.

[2]) Положеніе автора о вѣротерпимости и свободѣ вѣрно, но лишь относительно шляхты. Дѣдичи и державцы отнюдь не были равнодушны къ побѣгамъ ихъ подданныхъ на Запорожье, а что касается индифферентности козаковъ въ дѣлѣ вѣры, то она противорѣчитъ всей ихъ исторіи. Если тогда въ Сѣчи не было церкви, то виною тому было неустройство самой Сѣчи и т. ск. кочевая ея жизнь.

чамбулы. Близорукіе политики! Извѣстно, однако, что главнымъ источникомъ доходовъ варваровъ былъ нашъ народъ. Красивыя женщины, взятыя на польскихъ равнинахъ, продавались въ стамбульскіе гаремы чуть-ли не на вѣсъ золота, а мужчины, какъ невольники, работали на галерахъ Средиземнаго моря, на берегахъ сѣверной Африки, въ Аравіи, даже въ Персіи. Послѣ каждаго набѣга корабли заходили въ Крымъ съ оружіемъ, платьемъ, лошадьми и отплывали наполненные до бортовъ ясыромъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ значительная колонія турецкихъ купцовъ растянула свои шатры подъ Бѣлгородомъ. Они, по обыкновенію, снабжали татарскихъ грабителей провіантомъ и амуниціей, составляли планы походовъ, принимали на себя всѣ ихъ тяжести съ условіемъ, чтобы половина добычи была ихъ. Тутъ вы могли встрѣтить шпіоновъ и проводниковъ, знающихъ почти всѣ тропинки Легистана, тутъ попадались даже уполномоченные надзиратели цареградскихъ купцовъ, слѣдившіе за справедливымъ дѣлежомъ живой недоимки, а въ этой статьѣ самое главное мѣсто занималъ украинскій крестьянинъ, попавшій въ татарскія руки.

А потому, спрашиваемъ, бросили-ли-бы татары свое разбойничье ремесло, если-бъ козаки перестали нападать на ихъ улусы и разорять ихъ юрты? Никогда!.. Обезпечилъ-ли-бы насъ отъ набѣговъ орды платимый ей гарачъ? Никогда!.. А это по той простой причинѣ, что одинъ счастливый чамбулъ приносилъ имъ въ нѣсколько разъ больше выгоды. Взваливать-же всю вину на козаковъ было и несправедливо, и неполитично.

И однакожъ вся шляхта повторяла съ неудовольствіемъ вѣсти объ «украинскомъ своеволіи», требуя уничтоженія козачества. Баторій слалъ противъ него универсалъ за универсаломъ къ пограничнымъ старостамъ и кіевскому воеводѣ. «Приказали мы, пишетъ король въ одномъ изъ нихъ, ясневельможному Константину Константиновичу князю Острожскому, чтобы онъ исполнялъ договоръ, заключенный имъ съ перекопскимъ царемъ, двинулся на Днѣстръ и прогналъ оттуда низовыхъ лотриковъ, а попавшихся въ руки казнилъ смертью». Но русскій князь остался дома... Правда, что «надо было, какъ пишитъ Бартошевичъ, выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія, обозначить права короны и указать

права и обязанности военнаго братства, возросшаго до политическаго значенія по безпечности Рѣчи Посполитой».

Поздно! Сеймъ въ 1589 г. учредилъ «порядокъ для низовыхъ козаковъ и Украйны», а спустя три года запорожскій атаманъ Косинскій заронилъ уже искру возстанія.

Невольно переходимъ мы за предѣлы эпохи, которая служитъ фономъ для теперешняго разсказа. Въ эту эпоху Низъ растетъ, мужаетъ и принимаетъ на себя миссію возводить претендентовъ на непривлекательный молдавскій престолъ. И въ этомъ запорожцы подражаютъ польскимъ королятамъ; здѣсь первый выступаетъ Дмитрій Вишневецкій, русинъ изъ рода ополяченныхъ князей, хотя самъ совсѣмъ равнодушный къ новой матери, и сюда этого русскаго приглашаетъ полякъ Ляскій, котораго молдавскія и реформатскія затѣи довели до банкротства. Испуганный разореніемъ, Ляскій пригласилъ козацкаго атамана; искатель приключеній и отважный князь сейчасъ-же является. Почему не попробовать счастья? Не удалось, и авантюристъ поплатился головой [1]), но это не отбило охоты къ подражанію. Наступаетъ цѣлый рядъ претендентовъ сейчасъ-же послѣ него, и то въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ. Запорожье сдѣлалось разсадникомъ самозванцевъ.

III.

Одною изъ симпатичнѣйшихъ фигуръ между самозванцами былъ Иванъ Волошинъ, прозванный Серпягой или Подковой. Первое имя дали ему современныя правительственныя корреспонденціи, второе народъ, третье-же нашъ историкъ Бѣльскій, который найбольше писалъ о немъ, и еще не такъ давно былъ единственнымъ источникомъ для событій того времени. Пользовались имъ русскіе лѣтописцы и исторіографы, а Боболинскій, изданный Иванишевымъ,

---

[1]) Кстати, ни одинъ русскій историкъ не описалъ подробностей смерти народнаго героя Байды, а у Папроцкаго, современника его, даже ровесника, хорошо знакомаго съ событіями того времени, вотъ какъ разсказано о ней: «волохи взяли Пясецкаго измѣной вмѣстѣ съ Вишневецкимъ и отправили въ Турцію; тамъ замучили ихъ ужасной смертью. Въ Цареградѣ надъ морскимъ заливомъ, идущимъ къ Галатѣ, были поставлены двѣ висѣлицы одна надъ другой; на нижней были укрѣплены два растопыренные крюка (на подобіе вилъ), а на верхней только гайка,

цѣликомъ переписалъ нашего автора. Ригельманъ въ своей исторіи поднимаетъ Подкову до званія гетмана и назначаетъ ему восьмое мѣсто въ ряду гетмановъ. Что гетманомъ онъ не былъ—это несомнѣнно[1]); сомнѣваемся даже, былъ-ли атаманомъ въ Сѣчи, потому что въ это время дружинами козаковъ предводительствовали Шахъ (у народа Захъ) и Арковскій, оба такъ часто упоминаемые въ универсалахъ Баторія.

Но познакомимся ближе съ претендентомъ на молдавскую корону. Нѣкоторые писатели доказываютъ, что молдаване назвали Ивана Подкоровомъ, потому что онъ занимался кузнечнымъ ремесломъ передъ выходомъ на историческое поприще. По рожденію онъ былъ русинъ, волошиномъ-же названъ оттого, что жилъ въ Молдавіи и оттуда переселился въ Подолію. Подкова могъ быть даже роднымъ братомъ господаря Ивони; съ нимъ онъ пошелъ за Днѣстръ и оставался при немъ впродолженіи его кратковременнаго правленія. Когда это царствованіе кончилось, ему нечего было оставаться, а потому онъ задумалъ начать новую жизнь въ свободной и больше обезпечивающей человѣческія отношенія Рѣчи-Посполитой. Во время выѣзда сторонники убитаго господаря снабдили его вѣрительными письмами къ пограничнымъ панамъ съ просьбой такого содержанія: «помогите добраться ему только въ Молдавію, а остальное мы беремъ на себя». И имѣли они основаніе такъ писать, зная образъ мыслей нашихъ «можновладцевъ». Развѣ не ихъ хоругви вели двухъ Лопушняновъ Александра и Богданка? Помогали тѣмъ, почему не могли помочь теперь Ивану Подковѣ? Въ началѣ мы упоминали о пріѣздѣ его въ Баръ; но здѣсь онъ попалъ на Бучацкаго, человѣка прежде

къ которой была привязана веревка. При помощи веревки подняли Пясецкаго и быстро спустили съ высшей высѣлицы на низшую; онъ, падая, зацѣпился ребромъ за крюкъ, залился кровью и скоро умеръ, потому что поворотился головой внизъ. Послѣ него тоже сдѣлали съ Вишневецкимъ, но тотъ зацѣпился ребромъ и повернулся глазами вверхъ, а потому жилъ еще три дня, пока невѣрный не застрѣлилъ его изъ лука, такъ какъ Вишневецкій проклиналъ Магомета и его вѣру».—Папроцкій, «Гербы», стр. 557—548.

[1]) Говоря это, авторъ, конечно, понимаетъ слово гетманъ въ его позднѣйшемъ, а не первоначальномъ смыслѣ, когда онъ былъ лишь начальникомъ отряда въ походѣ, какъ въ Запорожьѣ XVIII ст. всякій такой начальникъ носилъ названіе полковника.

всего рыцарскихъ правилъ, который не игралъ въ политику,—попалъ притомъ въ такое время, когда желѣзная рука Баторія давала себя чувствовать уже на далекихъ окраинахъ. Король слалъ строгія приказанія старостамъ, предписывалъ сохраненіе порядка, рекомендовалъ бдительность. Потому-то Бучацкій такъ легко отдѣлался отъ претендента пустыми обѣщаніями, не рѣшаясь что-либо начать безъ воли короля. Хорошо еще, что позволилъ ему оставить крѣпость!

Иванъ двинулся въ Брацлавщину. Тамъ легче могъ онъ снестись съ запорожцами, которые собирались здѣсь обыкновенно на зимнія квартиры; наконецъ тутъ ожидалъ его преданный ему душой и тѣломъ молдаванинъ—землякъ Чапа.

Много лѣтъ тому назадъ, Чапа, выгнанный переворотами, бывшими насущнымъ хлѣбомъ въ его родной землѣ, очутился на украинскихъ степяхъ и какъ былъ онъ человѣкъ мирный, то забросилъ военное ремесло, женился на русинкѣ и поселился въ брацлавской волости. Хозяйство его шло не дурно, состояніе имѣлъ порядочное: большія стада гуляли въ полѣ, денегъ было довольно въ сундукѣ; дѣти воспитывались уже по-русски; гостепріимству научился у сосѣдей. При всемъ томъ Чапа хотя пустилъ корни въ новой землѣ, обезпечивающей ему миръ и счастье, но не забылъ стараго отечества и не разорвалъ съ нимъ связей.

Какимъ путемъ Подкова попалъ къ Чапѣ, сказать не съумѣю, но разъ усѣвшись подъ его кровлей, могъ жить спокойно и безопасно. Стараго волошина ослѣпили доводы, представленные претендентомъ, и письма бояръ, занимающихъ самое высокое положеніе въ Молдавіи. Кажется, не обошлось тутъ и безъ романа. У Чапы была красивая дочка; дѣвушкѣ понравился пришелецъ. Хотя одѣтъ онъ былъ очень скромно и окруженъ бѣдной свитой, однакожъ что-нибудь да значило, если родитель окружалъ его такимъ почетомъ, а таинственный видъ и внѣшность авантюриста были въ его пользу. Иванъ былъ высокаго роста, широкоплечій, неимовѣрной силы, потому что ломалъ подковы, какъ лепешки, кромѣ того пріятный въ обращеніи, кроткій; рѣчь его съ женщинами скромная, изысканная, и вообще онъ былъ деликатенъ и вѣжливъ... Дѣвушка увлеклась, но увлеченіе перешло скоро въ страхъ, когда она узнала, что избранникъ ея сердца есть прямой владѣлецъ волошской короны, если не *de facto*, то *de jure*.

Это открытіе, не смотря на нѣкоторый страхъ, еще больше воспламенило ея чувство. Старикъ Чапа подстерегъ привязанность дочери и очень обрадовался, зная, что Подкова отвѣчаетъ ей тѣмъ-же... Почему не стать-бы ей «домницей?» Но какъ добыть корону? Немировъ во всѣ вѣка былъ настоящимъ козацкимъ городомъ и лежалъ на межѣ; въ Немировѣ есть пріятели, а потому слѣдуетъ посовѣтоваться съ ними.

Сказано—сдѣлано.

Въ Немировѣ Чапа встрѣтилъ шляхтича, который тоже искалъ Подкову, тоже жаждалъ помочь ему, чтобы при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ добиться положенія или по крайней мѣрѣ выгоднаго и покойнаго куска хлѣба.

Это былъ панъ Станиславъ Копыцкій, шляхтичъ собственнаго герба, во всякомъ случаѣ лицо историческое и притомъ интересное; происходилъ онъ изъ другаго конца Рѣчи Посполитой, изъ Помераніи; отсюда перекочевалъ на Подолію и поселился на волошской границѣ; служилъ во всевозможныхъ хоругвяхъ, но все какъ-то не удачно; съ Вишневецкимъ и Ивоней разорялъ Волощину; съ козаками былъ свой человѣкъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ забрался первый разъ на Низъ и съ тѣхъ поръ каждый разъ, какъ на границѣ утихало и не было работы, возвращался на Запорожье. На Хортицѣ онъ обращался въ рѣчнаго или сухопутнаго запорожца, занимался рыболовствомъ съ такимъ-же удовольствіемъ, какъ сниманіемъ татарскихъ головъ или грабежемъ откормленныхъ стадъ на бѣлгородскихъ пастбищахъ. И въ плѣнъ очень часто попадалъ, но всегда счастливо вывертывался изъ него; родной языкъ почти забылъ, за то по русски говорилъ, какъ будто родился надъ Днѣпромъ; и по молдавски зналъ, и по турецки могъ не дурно разговориться; крова собственнаго не имѣлъ, все его имущество—добрый конь, не много оружія и копѣйка всегда въ запасѣ, потому что деньги и тогда много могли сдѣлать. Только что вернулся Копыцкій въ Баръ на зимнія квартиры изъ какого-то таинственнаго похода и привезъ нѣсколько новинокъ старостѣ о татарахъ, какъ послѣдній въ благодарность намекнулъ ему о Подковѣ.

Копыцкому того только и надо.

— Гдѣ? какъ? спрашивалъ заинтересованный.

— Ни съ чѣмъ поѣхалъ въ Брацлавщину, отвѣтилъ Бучацкій.

Спустя нѣсколько дней панъ Станиславъ Копыцкій шнырялъ уже по Немирову и съ осторожностію развѣдывалъ о Подковѣ; встрѣтился съ Чапой и скоро съ нимъ поладилъ. Съ этимъ-же волохомъ отправился онъ въ деревню къ Подковѣ, радуясь, какъ разсказываетъ Бѣльскій, его счастью и обѣщая помогать ему по мѣрѣ возможности, за что Подкова очень благодарилъ его и просилъ доказать на дѣлѣ свои обѣщанія, въ свою очередь обѣщая хорошо вознаградить его, если Господь поможетъ возвратиться въ отечество, куда призываютъ его на престолъ подданные.

Недолго продолжались совѣщанія въ домѣ Чапы: подвижный шляхтичъ сейчасъ вошелъ въ условія съ Шахомъ. Атаманъ зимовалъ тогда въ Немировѣ и бѣдовалъ, не зная, что ему дальше дѣлать съ собой, потому что ничего не было слышно о походахъ въ татарскія земли, а между тѣмъ королевское око зорко слѣдило и рука ослабляла энергію. Планъ Копыцкаго очень заинтересовалъ и обрадовалъ Шаха.

Копыцкій разбрасывалъ тогда не мало денегъ между молодцами, козачество весело гуляло, а мѣщане перешептывались, что будетъ какая-то робота. Копыцкій потиралъ руки отъ удовольствія, разсчитывая, сколько онъ получитъ барышей на затраченный капиталъ. Предпріятіе, правда, было рискованное, при неудачѣ можно было и шею сломать... Но уже такая природа пограничныхъ людей, такой ужъ тамъ царилъ обычай! На степяхъ рядомъ съ пограничнымъ столбомъ бѣлѣли груды костей предшественниковъ, которые здѣсь поскользнулись; послѣдователи ступали равнодушно по костямъ, даже не думая о томъ, что ихъ можетъ постигнуть такая-же участь. «Смерти бояться не слѣдуетъ, говаривали козаки, ея не избѣжишь». А окозачившаяся шляхта повторяла обыкновенно это мнѣніе и шла на проломъ впередъ. Шахъ только что сталъ дѣлать карьеру, такъ какъ еще недавно выбрали его атаманомъ; онъ хотѣлъ зарекомендовать себя съ хорошей стороны и привелъ съ собою 330 козаковъ. Чапа тоже собралъ небольшую кучку людей въ Брацлавщинѣ, и походъ быстро готовился. Весь отрядъ состоялъ найбольше изъ 500 человѣкъ. Съ такой горстью людей завладѣть Волощиной—сущее безуміе. Передъ тѣмъ самъ Подкова такъ думалъ; онъ собирался только развѣдать, желая въ другое время попытать счастья. Походъ начался въ концѣ 1576 г. и въ

началѣ 1577 г. Глубокій снѣгъ лежалъ на степяхъ; въ жизненныхъ припасахъ былъ недостатокъ, но храбрость города беретъ. По льду Днѣстра и Прута добрались козаки въ Волощину. Какое пространство страны они заняли, объ этомъ молчатъ лѣтописцы; но скоро козацкіе разъѣзды наткнулись на сильные отряды, которые собиралъ волошскій господарь Петръ Хромой для пріема непрошенныхъ гостей. Подкова отступилъ, довольствуясь грабежемъ, а козаки по своему въ концѣ концевъ опустошили побережья Прута, и пока волохи оглянулись, напастники были уже дома.

Претендентъ зажилъ опять у Чапы, снова глядѣлъ въ ясныя очи его дочки, а Копыцкій во главѣ 60-ти вооруженныхъ человѣкъ занималъ почетный караулъ при будущемъ князѣ и собиралъ козаковъ на квартиры въ Немировъ, хотя городъ принадлежалъ брацловскому воеводѣ Янушу Збаражскому и управлялся особымъ намѣстникомъ, назначеннымъ владѣльцемъ. Уже изъ этого видно, что князь смотрѣлъ снисходительно на своеволія запорожцевъ. Недавно жаловалась на него Порта королю, что прячетъ у себя козаковъ, которые дѣлаютъ ей большой вредъ. Но не одинъ Збаражскій потакалъ ихъ шалостямъ, по его слѣдамъ шли и другіе пограничные старосты. Бучацкій свободно пустилъ Ивана, Влодекъ Каменецкій молчалъ, какъ будто ничего не зналъ о походѣ. Оборскій, коронный стражникъ, который имѣлъ резиденцію въ Зиньковѣ, даже апплодировалъ; ему-ли стать на дорогѣ смѣлому наѣзду на враговъ Рѣчи Посполитой? ему, который, какъ поэтически выражается Нѣсецкій, «имѣлъ частыя и удачныя битвы съ невѣрными и часто онъ отъ нихъ и они отъ него въ торкмышовыхъ бинтахъ за столъ садились».

И все прошло-бы даромъ, если-бъ испуганный и обезпокоенный волошскій господарь не поднялъ большаго шуму. Онъ послалъ чауша съ вѣстью къ галицкому каштеляну, который все-таки еще не двигался изъ Рыманова, что козаки наѣзжаютъ на его землю и, если король не удержитъ ихъ, то нечего ожидать мира съ турецкимъ султаномъ. Семинскій приготовилъ реляцію королю, донося о препятствіяхъ, мѣшающихъ его посольству, а такъ какъ опасность надо было поскорѣе устранить, то одновременно извѣстилъ обо всемъ подольскаго воеводу. Мелецкій, какъ оберегатель границъ и коронный гетманъ, уже не могъ принять дѣло равнодушно; онъ

выслалъ тогда Яна Боболецкаго, ротмистра, во главѣ хоругви съ приказаніемъ унять авантюриста.

Бѣльскій такъ разсказываетъ истрію этого похода: «Боболецкій, разсчитывая найти Подкову въ Немировѣ, двинулся прямо туда и засталъ его тамъ, но Подкова своевременно остерегся и выѣхалъ изъ города, имѣя при себѣ пятьдесятъ пѣшихъ съ ружьями. Пріѣхавши на одинъ бродъ, въ который забрелъ по брюхо коню, онъ выстроилъ впереди себя стрѣлковъ. Когда Боболецкій подъѣхалъ къ этому броду и увидѣлъ построившихся людей въ хорошемъ, но неудобномъ для нападенія мѣстѣ, то повернулъ назадъ. Подкова тоже поѣхалъ за нимъ въ Немировъ. Боболецкій требовалъ у немировскаго намѣстника выдачи Подковы. Намѣстникъ отвѣчалъ ему: «я тебѣ выдать не могу, но и не запрещаю, возьми его, если можешь».

Отвѣтъ наивный, не правда-ли? Бѣльскій, кажется, вѣритъ всему, но вѣрить этому такъ трудно! Боболецкій, ротмистръ на Подольи, человѣкъ испытанный, во главѣ трехъ хоругвей, по крайней мѣрѣ 150 человѣкъ, хорошо конечно вооруженныхъ, привычныхъ къ способамъ войны на границѣ, отступаетъ передъ пятидесятью ружьями и ихъ предводителемъ, стоящими въ ручьѣ, образовавшемся вслѣдствіе весеннихъ разливовъ. Встрѣча кончилась ничѣмъ; обѣ воюющія стороны спокойно возвращаются въ городъ и бокъ о бокъ стоятъ на квартирѣ, вѣрно, въ найлучшемъ согласіи; королевское войско и козаки, можетъ быть, пьютъ подъ одной кровлей. Какъ-же этому повѣрить?

Настоящая комедія! Также понималъ ее и Стефанъ Баторій, такъ какъ, увѣдомленный обо всемъ, послалъ строгіе выговоры пограничнымъ старостамъ, при чемъ самый суровый достался князю Збаражскому. Король понялъ, что пограничные паны имѣютъ свою собственную политику, а онъ хотѣлъ безусловнаго послушанія, и въ упомянутомъ письмѣ приказывалъ, чтобы брацлавскій воевода немедленно поймалъ Ивана Волошина и отдалъ его въ руки шляхетнаго Валентія Маковецкаго, коморника.

Приказаніе свое король оканчиваетъ слѣдующей непривычной и многознаменательной угрозой: «если какъ нибудь иначе сдѣлаешь, чего мы о вашей вѣрности, какъ о нашемъ сенаторѣ, не хотѣли-бы думать, то какъ нибудь это не пройдетъ тебѣ, и ты

будешь имѣть достаточно хлопотъ отъ Рѣчи Посполитой... Мы принуждены будемъ приказать инстигатору (прокурору) поступить съ вашей вѣрностью, какъ съ нарушителемъ мира и спокойствія на границѣ». Приказъ, подписанный въ Мальбургѣ 5-го ноября, дошелъ, вѣроятно, на границу въ декабрѣ, именно въ то время, когда Подкова достигъ временнаго успѣха во вторичный свой походъ.

IV.

Претендентъ, окруженный небольшимъ отрядомъ, весной двинулся къ Днѣстру. Теперь онъ не держался уже польской границы и, боясь, чтобы не задержали его, утонулъ въ зеленыхъ степяхъ съ всегда вѣрнымъ ему Чапой и предпріимчивымъ Копыцкимъ. Шахъ во главѣ 600 молодцовъ ожидалъ Подкову на главномъ шляху, проторенномъ, какъ говоритъ Бѣльскій, и привѣтствовалъ его здѣсь пѣснями и музыкой. Радостно затрубили трубы, весело откликнулись имъ литавры. Козаки выглядѣли по праздничному, въ боевомъ строѣ, на превосходныхъ лошадяхъ, въ праздничныхъ жупанахъ, въ бараньихъ разноцвѣтныхъ кучмахъ, вооруженные самопалами, саблями, алебардами и копьями. Надо было произвести впечатлѣніе на волошскую чернь и напугать турокъ, которые не очень охотно сражались съ молодцами. Пословицы, сохранившіяся до настоящаго времени, отчетливо отпечатлѣваютъ ту боязнь османовъ, какую они чувствовали при встрѣчѣ съ запорожцами. Одна изъ нихъ, напримѣръ, выражается такъ: «у насъ (на Запорожьѣ) де кракъ (кустъ), тамъ козакъ, а де байракъ, тамъ и сто козакивъ». Другія, не менѣе характерныя слова, вложены въ уста падишаха [1]), который однажды выразился такъ: «когда кто-нибудь изъ сосѣднихъ государствъ объявитъ мнѣ войну, я сплю спокойно, но когда козаки ведутъ ее со мною, тогда долженъ безпрестанно прислушиваться однимъ ухомъ».

Атаманъ помнилъ это и не молчаливо, но съ пѣсней на устахъ входилъ въ Сороки. Чернь сейчасъ объявила его господаремъ; ей было все равно: всякій господарь съ Божьей-ли, ляшской или турецкой воли на то и княжилъ, чтобы обирать крестьянина. Вѣковой опытъ выработалъ это твердое убѣжденіе въ волошскомъ царанинѣ

1) Амуратъ III.

(въ родѣ нашихъ крестьянъ), а потому онъ уступалъ съ дороги, если могъ, прятался въ свой хуторъ, стоящій гдѣ-нибудь въ сторонѣ или нанимался въ пастухи, и велъ жизнь уединенную, на безлюдьи, захваченный-же нечаянно, дѣлалъ все, что ему приказывали, думая только объ одномъ, какъ-бы ускользнуть въ степь хоть съ одной душой, даже лишившись имущества. Возгласы и одобренія толпы немного значили, оставался на дорогѣ еще кто-то, кого надо было одолѣть, т. е. господарь съ горстью своихъ сторонниковъ и затяжнымъ турецкимъ войскомъ. Но первыя встрѣчи великолѣпно удались: на равнинѣ подъ Яссами заступилъ дорогу козакамъ Петръ Хромой, а впереди его шла турецкая артиллерія, хотя небольшая, но все-же грозная. Долго обѣ стороны смотрѣли другъ другу въ глаза, наконецъ у мусульманскихъ пушкарей не стало терпѣнія, и они открыли огонь. Нѣсколько моментовъ дымъ покрывалъ поле битвы, но вотъ онъ разсѣялся и... о чудо! непріятельскій лагерь какъ будто пропалъ, какъ будто весь полегъ. Волошская конница скачетъ, чтобы убѣдиться въ тріумфѣ, скачетъ отважно и слѣпо— и попадаетъ въ засаду. Козаки употребили хитрость: убѣдившись, что турецкія пули, кромѣ треску, не дѣлаютъ вреда, они припали къ землѣ, какъ мертвые, а когда непріятель приблизился, по командѣ поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и ударили въ сабли и пики. Триста турокъ пало, а остальные въ бѣгствѣ искали спасенія. Теперь уже безъ сопротивленія побѣдители вошли въ Яссы, и городскія власти привѣтствовали ихъ. Подкова объявленъ господаремъ и принялъ названіе Ивана Воды. Шахъ назначенъ главнымъ предводителемъ всѣхъ военныхъ силъ, Чапа маршаломъ, а скромный Копыцкій буркулабомъ Хотина, т. е. губернаторомъ и комендантомъ крѣпости. Во всякомъ случаѣ тутъ безопаснѣе, Днѣстръ близко, а за Днѣстромъ Рѣчь Посполитая. Наконецъ и традиція была симпатична, потому что немного лѣтъ тому назадъ здѣсь были буркулабами и Ляскій, и Порайчикъ Доброколовскій. Счастливый организаторъ похода отправился въ новую резиденцію; предшественникъ уступилъ ему дорогу безъ протеста, т. е. просто убѣжалъ въ польскіе предѣлы и нашелъ гостепріимное убѣжище въ Коломыѣ, у Якова Струся.

Подкова началъ княжить съ 23-го ноября 1577 г.; княжилъ едва-ли два мѣсяца и, какъ человѣкъ спокойный и добрый, не отрубилъ ни одной головы, какъ это обыкновенно дѣлали его пред-

шественники. Удивляться имъ не слѣдуетъ, господари учились у турокъ; вступленіе на престолъ не имѣло прелести, если ступени трона не были забрызганы кровью противника. Оттого короткое и спокойное господарство Ивана не оставило слѣдовъ въ исторіи; въ ряду правящихъ господарей выглядитъ онъ, какъ-бы человѣкъ не той эпохи, но заблудившійся и не съ Запорожья, а изъ цивилизованной страны. Скромный украинскій подковаръ началъ свое правленіе актомъ милосердія; онъ приказалъ освободить всѣхъ узниковъ, «которыеколвекъ были тамъ на скупѣ», т. е. предназначены въ продажу. Впослѣдствіи онъ послалъ къ султану, увѣдомляя его о своемъ избраніи и прося о хоругви. Это былъ актъ подчиненности и ленной зависимости; хоругвь съ полумѣсяцемъ, развѣвающаяся надъ господарскимъ дворцомъ, означала верховную власть Порты. Посланный однако не достигъ Цареграда: въ дорогѣ былъ пойманъ и задержанъ.

И только знаемъ объ Иванѣ Водѣ, какъ волошскомъ господарѣ.

И о дочери Чапы нигдѣ никакого извѣстія. Можетъ быть она не имѣла времени собраться изъ глухой брацлавской деревушки въ резиденцію къ своему возлюбленному въ коронѣ.

Лишенный престола Петръ не призналъ себя побѣжденнымъ. Онъ обратился прежде всего къ падишаху съ жалобой и просьбой о помощи, но получилъ не очень утѣшительный отвѣтъ.

— «Я тебя, отвѣчалъ султанъ, считаю своимъ подданнымъ и дамъ я тебѣ господарство, чтобъ ты служилъ мнѣ, гдѣ я тебѣ прикажу! И такъ приказываю тебѣ, чтобъ ты выгналъ тамъ этого лотрика, а если этого не сдѣлаешь, я возьму твою голову, и на твое мѣсто пошлю другаго».

Условіе довольно тяжелое, но въ молдавской исторіи обыкновенное. Несчастный Петръ употребилъ всѣ средства, на послѣднюю копѣйку собралъ войско и вступилъ въ новую борьбу съ Подковой. Употребилъ онъ забавную стратегическую хитрость, въ которой главную роль играло стадо скота; но именно оно, вмѣсто помощи, было причиной фатальной катастрофы. Детронизованный господарь приказалъ гнать передъ своимъ войскомъ стадо воловъ, желая смять имъ ряды Подковы. Но волы взбѣсились, испугавшись стрѣльбы, и вмѣсто того, чтобы броситься на ряды непріятеля, повернули назадъ и бросились на свою армію. Войско Петра, разби-

тое собственнымъ рогатымъ авангардомъ, разбѣжалось, оставивши довольно убитыхъ. Боболинскій утверждаетъ, что въ это время на полѣ битвы было 8,000 человѣкъ, но, вѣроятно, эта цифра увеличена по крайней мѣрѣ въ восемь разъ, чего не считаемъ даже нужнымъ доказывать читателю.

Петръ, однако, и теперь не потерялъ головы. Онъ отправился въ Семиградъ, откуда скоро обѣщали ему и помощь. Иванъ, увѣдомленный объ этомъ, рѣшилъ ретироваться съ честью. Но куда двинуться? На Запорожье трудно, потому что страшно было пускаться въ путь зимою по безлюднымъ, покрытымъ снѣгомъ степямъ, слѣдовательно надо было спасаться въ Брацлавщину; тутъ онъ пользовался всеобщею любовью, тутъ легко могли простить ему набѣгъ на Молдавію.

Подкова двинулся въ Немировъ. Козаки обѣщали не оставить его; отъ мѣщанъ онъ ждалъ снисходительной встрѣчи, потому что везъ съ собой большое богатство, и кромѣ того изъ Яссъ забралъ всѣ артиллерійскіе снаряды съ 14-ю пятью пушками. Въ концѣ января Подкова вышелъ изъ столицы.

А бѣдный Копыцкій, назначенный буркулабомъ? Слѣдовало и его извѣстить о намѣреніи удаляющагося господаря. Въ самомъ дѣлѣ, съ десятокъ козаковъ пробѣжали въ Хотинъ, и какъ разъ во время, потому что организаторъ похода чуть не поплатился жизнью за свою карьеру. Бывшій буркулабъ, узнавши объ ожидаемой помощи изъ Семиграда, воспомоществуемый Струсемъ, взялъ штурмомъ крѣпость, арестовалъ Копыцкаго и рѣшилъ отправить въ подарокъ Петру Хромому. Шляхтичъ, ни откуда не ожидавшій помощи, должно быть очень обрадовался, увидѣвши на дорогѣ молодцевъ, которые въ одну секунду разогнали волошскій конвой, ворвались въ городъ, изрубили буркулаба, ограбили лавки и съ освобожденнымъ Копыцкимъ потянули въ Подолію. Копыцкій сердечно поблагодарилъ козаковъ и отправился искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Въ Немировѣ онъ не остался, зная, что тамъ нечего ожидать ему добра.

Брацлавскій воевода очень встревожился, когда донесли ему, что Иванъ Волошинъ, разыскиваемый коморниками, перешелъ границу Рѣчи Посполитой, во главѣ значительнаго отряда, съ значительнымъ числомъ пушекъ. Онъ далъ знать Мелецкому, и долго

они совѣтовались, какъ лучше поступить имъ. Это касалось ихъ обоихъ, такъ какъ Баторій подозрѣвалъ ихъ въ сочувствіи этому походу, и потому оба они были въ нѣкоторомъ сомнѣніи, какъ поступить имъ. Козаки, хотя своевольные и непослушные, все-же были сыновья одной матери, подданные Рѣчи Посполитой; для тогоже, чтобы поймать «господарчика», надо было пролить братнюю кровь. Стали тогда пробовать, не удастся-ли какъ нибудь убѣжденіемъ успокоить бурю.

Съ этою цѣлью Збаражскій самъ пріѣхалъ въ Немировъ, расположился во дворцѣ, запросилъ къ себѣ Шаха съ старшиной и представилъ имъ все дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, объясняя, въ какое самъ попалъ затруднительное положеніе. Атаманъ понялъ аргументацію и просилъ совѣта.

— Пусть Подкова ѣдетъ въ Варшаву, отвѣтилъ князь, король уважаетъ храбрыхъ людей, можетъ быть и ему проститъ.

Аргументъ этотъ убѣдилъ запорожца[1]). Не надо было, наконецъ, уговаривать Подкову; *ex*-господарь легко принялъ предложеніе. Прощаясь съ козаками, онъ благодарилъ ихъ за помощь, а пушки раздарилъ: двѣнадцать далъ воеводѣ, а двѣ гетману; гетманъ подарилъ ихъ комендату, и уже въ спискѣ XVII вѣка мы нашли среди «крѣпостныхъ гарматъ и амуницій» замѣтку о пушкахъ Серпяги.

Подкова въ свитѣ князя поѣхалъ сейчасъ на Русь къ Мелецкому. Можетъ быть, одна дочка Чапы, ломая свои бѣлыя руки, прощалась съ возлюбленнымъ, не покидая надежды на будущее величіе и счастье,—не предчувствовала она печальнаго конца, который сулила судьба молодому герою. Въ ея дѣвичьей головѣ гостила другая тревога: идетъ далеко въ столицу, а тамъ столько красавицъ-ляшекъ... Вѣренъ-ли будетъ козакъ?

Подкова пустился къ Вислѣ, свободный, даже съ нѣкоторыми почестями. Съ нимъ было нѣсколько вѣрныхъ козаковъ; онъ пользовался такими симпатіями пограничной шляхты, что она не дала его

[1]) По свидѣтельству Гейденштейна (ч. I, стр. 286), Подкову выправилъ въ Варшаву не Мелецкій, но каменецкій каштелянъ Николай Синявскій, и это намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ Мелецкій, самъ когда-то вводившій въ Молдавію Богданка, не могъ не сочувствовать продолжателю его предпріятія Подковѣ.

въ обиду. Прибылъ онъ въ Варшаву къ концу сейма, который собрался въ февралѣ 1578 г. Баторій принялъ его по своему сурово, какъ хищника и мятежника, приказалъ сейчасъ арестовать его, наложить на ноги оковы и держать подъ строгимъ карауломъ. Былъ-ли это соотвѣтствующій шагъ, вызванный необходимостью или крайностью? Нѣтъ. Иванъ Волошинъ не былъ исключительнымъ примѣромъ своеволія: онъ былъ звеномъ длинной цѣпи, тянувшейся въ продолженіи десяти съ лишкомъ лѣтъ; онъ протянулъ руку за господарской короной, какъ протягивали передъ нимъ Гераклидъ, два Лопушняна, послѣ нихъ Могилы—отецъ и сынъ, и всегда дѣлали это при помощи подданныхъ Рѣчи Посполитой. Долженъ-ли Подкова одинъ отвѣчать за всѣхъ? Печальная судьба досталась ему въ удѣлъ. Великій король не зналъ мѣстныхъ отношеній, голова его была полна проэктами о сильной и сконцетрированной власти, а тутъ какой-нибудь шляхтичъ на границахъ игралъ въ удѣльнаго князя, и было еще большое одолженіе съ его стороны, если онъ доносилъ верховной власти о сдѣланномъ поступкѣ, не желая санкціи и полномочія. А сколько у насъ «панятъ» и это обходили!

Баторій допускалъ, что козацкіе набѣги на Молдавію могутъ имѣть дурное послѣдствіе, что Польша будетъ имѣть сосѣдомъ кого нибудь другаго, а не христіанина. Однако можно было уже и тогда убѣдиться, что религіозныя мнѣнія тутъ были ни при чемъ. Господари греческаго вѣроисповѣданія также хорошо угождали Турціи, также низко кланялись ей, также принимали участіе въ набѣгахъ на Рѣчь Посполитую, какъ какой нибудь Балаклей, или Чапчаклей, или другой невѣрный.

Боболинскій утверждаетъ, что предположено было казнить виновнаго господарчика въ Варшавѣ, но король не хотѣлъ дѣлать непріятнаго собравшейся на сеймъ шляхтѣ. Не сдѣлали-ль этого, прибавляетъ Саликовскій, по просьбамъ за него рыцарскаго сословія? Всячески Подкову привезли во Львовъ.

V.

Обстоятельства сложились для него несчастливо. Баторій, можетъ быть, помиловалъ-бы Подкову, по крайней мѣрѣ онъ колебался съ своимъ суровымъ приговоромъ и видимо склонялся къ

смягченію онаго; но въ то время дали ему знать, что новый претендентъ Александръ, какъ братъ Ивана, вторгнулся въ Молдавію, а когда онъ погибъ, сейчасъ выступилъ названный сынъ его Петръ. Это разсердило короля, и уже въ іюлѣ онъ писалъ къ запорожскимъ молодцамъ и ихъ старшинѣ, внушая имъ опомниться: «мы очень удивляемся, взываетъ онъ, что уже третьимъ походомъ въ Молдавію рѣшаетесь нарушить миръ молдавской земли и его милости турецкаго султана съ короной, которая заключила перемиріе на сеймѣ съ согласія всѣхъ чиновъ Рѣчи Посполитой... Напоминаемъ вамъ, чтобъ вы бросили эти походы въ Молдавію и вернулись назадъ; если сдѣлаете это, пріймемъ васъ съ лаской и благодарностью. Но если будете упорствовать въ своемъ намѣреніи и не захотите отказаться отъ него, будемъ принуждены признать васъ врагами короны»...

Одновременно чаушъ турецкаго султана Мурадъ-хана привезъ письмо, писанное въ половинѣ іюля 1578 г., интересное во многихъ отношеніяхъ: «пусть вамъ будетъ извѣстно, пишетъ въ немъ падишахъ послѣ титуловъ и поздравленій, когда получите это благогословенное царское письмо, что намъ донесли, какъ дѣло доподлинно извѣстное, что козаки пакостники и главнымъ образомъ «голота» изъ польскихъ крѣпостей по Дунаю (?), границы нашего благословеннаго царства, живущая въ городахъ Манкерманѣ (Акерманъ), Черкескерманѣ (Черкасы), Кан-евѣ (Каневѣ) и Брацлавѣ недавно сдѣлали набѣги на молдавскую провинцію и нанесли ей большой вредъ. Извѣстно намъ также, что вашъ гетманъ, по имени Никола (Николай Мелецкій), схватилъ зачинщика вышеупомянутой голоты въ тотъ моментъ, когда она уходила уже въ свои убѣжища. Пусть ведутъ его къ королю, сказалъ онъ, а однакожъ допустилъ его возвратиться домой. Тотъ-же гетманъ поймалъ и задержалъ также всѣхъ соучастниковъ вышеупомянутаго преступника, самъ-же сейчасъ возвратился къ вамъ. Мы уже написали было и хотѣли послать соотвѣтствующее наше царское письмо, требуя, чтобы вы отдали намъ или живаго злодѣя, или его голову. Въ это время силистрійскій Давуръ, образецъ и украшеніе нашихъ великихъ правителей, слава котораго пусть всегда гремитъ, присылаетъ намъ въ великую Порту вмѣстѣ съ письмомъ вѣсть великаго воеводы, что опять появился какой-то голышъ, называющій себя братомъ

перваго мятежника, вторгнулся въ молдавскую землю во главѣ двухтысячной польской пѣхоты и козаковъ, далъ битву, занялъ базаръ близъ Яссъ и цѣлый городъ держитъ въ осадѣ... Когда получите это, счастливящее васъ, наше царское письмо, старайтесь доставить намъ, безъ потери времени и какъ можно скорѣе, живаго бунтовщика, который убѣжалъ къ вамъ и теперь въ вашихъ рукахъ, или его голову, а, если можете, отправляйтесь съ войскомъ въ крѣпости, въ которыхъ теперь находятся задорные люди, и уймите ихъ, главное, бросьте всѣ свои дѣла и, если имѣете достаточно силы, поспѣшите въ поле и примѣрно накажите дерзкихъ за набѣги. Но если вамъ угрожаетъ нападеніе враговъ, или мѣшаютъ другія ваши дѣла, или наконецъ самолично не можете выступить и собственными силами наказать тѣхъ хищниковъ, то извѣстите насъ, а мы сейчасъ вышлемъ несмѣтныя тысячи нашего войска для усмиренія злыхъ».

Письмо оканчивается угрозой, что если король не исполнитъ хотя одного изъ этихъ желаній, «то тогда поколеблется существующій между ними миръ въ своихъ основаніяхъ и народъ, и города пострадаютъ».

Слишкомъ мы преувеличивали силы Порты, а король жаждалъ какой угодно цѣной удержать съ нею хорошія отношенія! И такъ голова Подковы упала на львовскомъ рынкѣ въ присутствіи турецкаго посланника въ 1577 г. [1]).

[1]) Вотъ письмо о казни личнаго свидѣтеля этого событія, италіанца Филиппа Тальдуци, не чуждое, кажется, прикрасъ и вымысла, особливо въ предсмертной рѣчи, но тѣмъ не менѣе весьма интересное.

«Его милость король, выѣзжая изъ Варшавы, приказалъ отвести бывшаго молдавскаго господаря Подкову въ Раву, въ землѣ мазовецкой, и держать его тамъ подъ строгимъ карауломъ. Потомъ распорядился перевести его въ Львовъ, куда прибылъ чаушъ съ цѣлью домогаться головы Подковы, какъ о томъ публично говорили. Съ той-же цѣлью явился также посолъ волошскаго господаря, предложившій въ подарокъ королю 50 воловъ, четыре бочки мускателя (вина), двѣ малыхъ бочки соленыхъ лимоновъ и превосходную лошадь.

Въ понедѣльникъ 16-го іюня его милость король выѣхалъ рано изъ города, будто-бы на охоту. Предъ отъѣздомъ онъ далъ приказъ вооружить всѣхъ горожанъ, а гайдукамъ своей стражи затворить городскія ворота; но предъ тѣмъ еще приказалъ чаушу для личной его безопасности, а отчасти для устраненія подозрѣній того, что должно было случиться, такъ какъ немного подозрительнымъ казался на-

Что миръ не купленъ этимъ—извѣстно, а что смерть Ивана Воды была первымъ шагомъ къ братней распрѣ—тоже извѣстно. Съ тѣхъ поръ оставшаяся, едва замѣтная борозда размывалась съ теченіемъ времени потокомъ крови, разлитой обѣими сторонами въ непроходимую пропасть...

Даже высохшій польскій лѣтописецъ выписалъ какъ-бы эпитафію *ex*-господарю этими лаконическими, но много говорящими словами: «этого Подкову всѣ люди жалѣли».

Вѣрные козаки взяли тѣло казненнаго и повезли его на далекую Украйну. Передъ смертью Подкова просилъ похоронить его на родной землѣ...

И въ самомъ дѣлѣ былъ необычайный поѣздъ!

плывъ вооруженныхъ людей, прибывшихъ частью для привѣтствія короля, частью, можетъ быть потому, что слышали о пребываніи Подковы въ Львовѣ.

По отъѣздѣ короля и по принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности около 14-го часа (перваго по полудни, считая отъ захода солнца) былъ приведенъ на площадь несчастный князь (il misero Principe), но не съ связанными руками, по особой милости, дарованной ему. По прочтеніи смертнаго приговора, барабанный бой и неописанный шумъ раздавался на рынкѣ. Прошедшись раза два по мѣсту казни, поглаживая бороду и посматривая на народъ безъ боязни смерти, Подкова просилъ его утихнуть, и по водвореніи спокойствія, обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью: «Господа поляки! я иду на казнь и не знаю за что, такъ какъ не вѣдаю за собой никакой вины, заслуживающей такого конца. Знаю только одно, что я всегда сражался храбро, по рыцарски, противъ враговъ христіанскаго имени и всегда думалъ о пользѣ и выгодахъ края; моей постоянной мыслью было стоять стѣной и крѣпостью противъ невѣрныхъ, удерживать ихъ въ границахъ и не дозволять имъ переправляться черезъ Дунай, но я не могъ привести въ исполненіе своего задушевнаго желанія, Богъ вѣдаетъ, по какой причинѣ, преимущественно-же по винѣ того, которому довѣрился и пришелъ сюда. Надѣюсь однако на Бога, что онъ накажетъ измѣнника—пса за мою невинную кровь. Знаю только одно, что я долженъ умереть отъ руки этого (показывая на палача), потому что такъ приказалъ поганый песъ турокъ вашему королю, своему слугѣ, а вашъ король ему. Наконецъ, моя смерть не имѣетъ значенія; но помните, что пройдетъ не много времени и вы не избѣжите моей участи, и по волѣ этого поганаго пса будутъ отправлены въ Цареградъ ваши имущества, ваши головы и головы вашихъ королей». Далѣе, помолчавши съ минуту и оборотившись къ бывшимъ съ нимъ своимъ восьми козакамъ, онъ сказалъ: «послѣ моей смерти прошу васъ, не дѣлайте ничего дурнаго моимъ слугамъ и товарищамъ, такимъ-же честнымъ, какъ и я, и хорошо послужившимъ Рѣчи Посполитой, а потому не только не слѣдуетъ обижать ихъ,

Изъ міра цивилизаціи въ глухую степь горсточка храбрецовъ конвоировала скромный деревянный гробъ...

Народъ выходилъ, смотрѣлъ и, печально вздыхая, приставалъ къ кортежу безъ священника, безъ свѣчей и хоругвей.

И невольно у толпы раждался вопросъ, зачѣмъ везутъ кости на дикія поля, когда ихъ столько уже бѣлѣетъ на непосвященной землѣ! Тогда товарищи-молодцы разсказывали толпѣ печальную исторію—судьбу господаря козака и трагическую беславную смерть его...

Разсказы разносились по степямъ, повторялись въ немногочисленныхъ селахъ, въ частныхъ хуторахъ, въ полѣ при кострѣ, въ густой травѣ при засадахъ и, передѣланные народной фантазіей, просуществовали до настоящаго времени, не заключая въ себѣ ничего, кромѣ названія. Такъ черезъ три столѣтія крестьянинъ разсказываетъ ученому собирателю преданій, что въ каневскомъ лѣсу,

---

но надо даже наградить по степени заслуги». Затѣмъ прибавилъ: «еще васъ объ одномъ прошу; не дозволяйте прикасаться къ моему тѣлу этому лишенному чести человѣку (указывая на палача) не только при моей жизни, но и послѣ смерти, и разрѣшите сдѣлать мнѣ эту послѣднюю услугу моимъ людямъ, которые и остались здѣсь съ этою цѣлью».

Послѣ этого онъ замолчалъ, а въ народѣ былъ слышенъ плачь; плакали главнымъ образомъ воины, пришедшіе сюда ради него, но не имѣвшіе возможности подать ему помощь, въ виду сильныхъ приготовленій къ подавленію сопротивленія. Одинъ изъ козаковъ подошелъ къ Подковѣ съ большимъ кубкомъ вина (нѣкоторые говорятъ, что онъ самъ попросилъ объ этомъ); довольно того, что, взявши кубокъ, выпилъ залпомъ и, повернувшись къ подавшему вино, сказалъ по мѣстному обычаю, что пьетъ за его и товарищей здоровье. Затѣмъ опять простился раза два и подошелъ къ плахѣ. Замѣтивши приготовленный пучекъ соломы, на которой долженъ былъ преклонить колѣни, онъ воскликнулъ: «Боже, мой, неужели я недостоинъ преклонить колѣни на что-либо лучшее!» И, повернувшись къ своимъ людямъ, прибавилъ: «пойдите, возьмите между моими вещами оставшійся коверъ!»

Когда подослали коверъ, онъ ловко преклонилъ колѣни и, помолившись, крестясь русскимъ крестомъ (такъ какъ былъ православнаго вѣроисповѣданія), закрылъ глаза, ожидая смертнаго удара: но палачъ медлилъ. Тогда Подкова обоpотился къ нему, говоря: «что ты дѣлаешь?

Палачъ отвѣтилъ ему:

— «Господинъ, надо поправить платье, чтобы оно не мѣшало».

— «Очень хорошо», сказалъ Подкова.

Поправивши платье и поручая себя Богу, онъ съ большой твердостью принялъ смертный ударъ. Кто-то изъ присутствующихъ (вѣрно, нарочно назначен-

недалеко отъ города, убиты два атамана—Грицко Кобзаръ и Подкова, что обоихъ тамъ похоронили и отсюда названіе мѣста «Кобзарова могила». Народъ, какъ-бы желая увѣковѣчить имена своихъ героевъ, дороги, по которымъ они ходили, крестилъ ихъ именами: въ самомъ дѣлѣ близъ названной мѣстности пролегаетъ «Серпягинъ шляхъ». Простонародіе считаетъ его зловѣщимъ и употребляетъ проклятіе: «чтобъ ты пошелъ дорогой Серпяги!» Намекъ на печальный конецъ Ивана.

Тридцать лѣтъ назадъ сему Изопольскій выискалъ нѣсколько пѣсенъ, которыя распѣвались по Днѣпру; въ этихъ пѣсняхъ воспѣвались подвиги Подковы. Какъ образецъ, приводимъ здѣсь краткое вступленіе одной изъ нихъ, подправленной нѣсколько самимъ собирателемъ:

Подувъ витеръ изъ города, изъ Львова, зашумилы вербы.
Заплакали козаченьки: ой, Боже-жъ нашъ милосердый!
Ой, у Львови дзвоны дзвонять и попы спивають;
Лежить трупъ козацкій, ёму похоронъ справляють.
Ой тамъ у городи, та въ Каневи, зъ жалю дуже плачуть,
Высыпають надъ Серпягою могилу, земли не настачуть...[1]).

ный для этого) поднялъ голову и три раза показалъ ее народу въ доказательство, что справедливость удовлетворена.

Въ тотъ моментъ въ народѣ были слышны такой плачъ и ропотъ, что не будь приняты заранѣе мѣры, можно было опасаться безпорядковъ. Это событіе произвело самое непріятное впечатлѣніе на народъ и много повредило королю въ глазахъ его подданныхъ, хотя потомъ все забылось, и время все стерло.

Люди Подковы, взявши его тѣло и пришивши къ нему голову, вложили въ зеленый ящикъ (гробъ), который, говорятъ, самъ Подкова приказалъ приготовить; затѣмъ занесли его въ ближайшую русскую церковь, и больше ничего не слышно объ этомъ».

[1]) Въ «Запорожской Старинѣ» Срезневскаго, изд. въ Харьковѣ 1833—1838 г., въ 1-йчасти, на стр. 33, приводится сходная отчасти съ этою пѣсня, начинающаяся такъ:

Ой у городи у Львови зашумилы вербы...

Тамъ-же, на стр. 34, приводится пѣсня о Подковѣ-же: «Охъ и сыла, сыла сылу подолила» и далѣе: «За рѣчкою, за быстрою, бъетця турокъ зъ молдавою». Въ Сборникѣ Мордовцева на стр. 183—185 и въ 1-й части «Запорожской Старины» Срезневскаго на стр. 123 приведены думы о Серпягѣ. Но и пѣсни и думы при первомъ чтеніи ихъ разятъ ухо сильною подправкою, если не совершенною

О соучастникахъ Подковы ничего не встрѣчаемъ въ исторіи. Одинъ Шахъ, запорожскій атаманъ, еще игралъ роль въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и Ригельманъ назначаетъ ему десятое мѣсто въ ряду гетмановъ. Дружина Ивана разбѣжалась во всѣ стороны; нѣкоторые изъ козаковъ зашибли въ этой авантюрѣ копѣйку, а народъ помаленьку выманивалъ ее и припрятывалъ.

Что народъ забиралъ привезенныя изъ Молдавіи богатства, доказываютъ жалобы, записанныя въ луцкихъ книгахъ подъ 1579 г.

Только всего и сохранилось въ преданіяхъ и исторіи объ Иванѣ Волошинѣ.



подделкою. Ни тѣхъ, ни другихъ мы не находимъ въ позднѣйшемъ солидномъ Сборникѣ «Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова», изд. въ Кіевѣ въ 1874—1875 гг.

НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ КЪ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧЧИНЫ.

А мы того коника у твого пана купили,
Въ зелени диброви гроши поличили,
Въ холодни криныци могоричъ запили,
Пидъ гнилу колоду пана пидкотили.

Гайдамацкая пѣсня съ 1760-хъ годовъ.

О причинахъ появленія гайдамакъ на юго-западѣ Россіи, ихъ удалыхъ наѣздахъ, грабежахъ и разбояхъ, жестокомъ мщеніи всему, что носило имя пана-ляха, борьбѣ съ правительствомъ и конечномъ сходѣ со сцены, было писано очень много. Въ свое время и мы въ небольшой, давно забытой, а быть можетъ и мало кому знакомой книгѣ, подъ заглавіемъ «*Наѣзды гайдамакъ на западную Украйну* въ XVIII стол.» (Одесса, 8—1845, 230 стр.), предложили какъ свое объ нихъ мнѣніе, такъ и документы въ разъясненіе этого загадочнаго и во всякомъ случаѣ мрачнаго явленія въ жизни нашего народа, подкрѣпляя и пополняя нашъ разсказъ сочиненіями и преданіями потерпѣвшей стороны, т. е. поляковъ и евреевъ. Нынѣ мы хотимъ пополнить рядъ приведенныхъ въ названной книгѣ, въ извлеченіи и сокращеніи, подлинныхъ документовъ, касающихся гайдамакъ, новыми, почерпнутыми изъ доставшейся намъ части запорожскаго архива, въ которой цѣлыя тысячи бумагъ посвящены тому-же предмету. Удерживая прежнее наше мнѣніе относительно гайдамакъ, мы, за давностію времени, въ которое оно высказано (прошло съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ), считаемъ необходимымъ припомнить оное вкратцѣ теперь, предварительно помѣщенія вновь подъисканныхъ документовъ.

Всѣ почти новѣйшіе наши историки, а тѣмъ болѣе авторы историко-беллетристическихъ произведеній придаютъ дѣствіямъ гайдамакъ политическую или хотя поэтическую окраску. Это, говорятъ они, были бойцы за русскую вѣру и народность противъ притѣснителей ихъ польскихъ пановъ. Нельзя, конечно, отрицать въ гайдамачествѣ присутствія политическаго элемента, той религіозно-національной вражды, какая зародилась въ украинскомъ населеніи по отношенію къ польскому панству гораздо раньше, выросла и окрѣпла въ эпоху кровавыхъ козацкихъ войнъ и имѣла и теперь немало поводовъ для своего проявленія; но съ другой стороны нельзя не видѣть въ немъ иныхъ инстинктовъ низкаго свойства, обыкновеннаго хищничества, свирѣпаго мщенія, дикаго своеволія, бродяжничества и склонности пожить на распашку хотя опаснымъ, но вмѣстѣ и завлекательнымъ путемъ грабежа и разбоя, причемъ жизнь чужая и собственная ставились ни вочто. Если въ массѣ гайдамацкія движенія носятъ на себѣ высшій отпечатокъ, то на дѣйствія частныхъ мелкихъ отрядовъ, особливо отдѣльныхъ лицъ нельзя подъ часъ иначе смотрѣть, какъ на проявленіе дикой порочной воли. Неудовлетворительный политическій и общественный строй всегда и вездѣ вызывалъ ожесточенные протесты, но, не говоря уже объ общей имъ насильственной формѣ, къ нимъ примѣшиваются обыкновенно дурныя общественныя и личныя страсти и затемняютъ и искажаютъ не рѣдко смыслъ протеста, поднятаго во имя высшихъ интересовъ. Эту сторону гайдамачества, которую такъ ярко рисуютъ находящіеся въ нашемъ архивѣ документы, забываютъ, кажется, наши историки и беллетристы, видя въ гайдамакахъ только народныхъ героевъ и борцевъ. Съ этой стороны гайдамачество представляетъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что въ тоже почти время, въ теченіи $^{3}/_{4}$ XVIII столѣтія, происходило на западѣ Европы. Во Франціи «нагрѣватели» (chauffeurs), въ Италіи «бандиты», въ Польшѣ «опришки», въ Сѣверной Америкѣ «живодеры» (ecorcheurs), въ Молдавіи и на Азовскомъ побережьѣ «харцизы», въ Буковинѣ «гайдуки и юнаки» дѣлали тоже, что и наши степные герои, и съ тою уже иногда подкладкою.

Появленіе всѣхъ этихъ протестантовъ и ихъ долговременное существованіе у насъ и въ другихъ государствахъ условливалось до нѣкоторой степени причинами одинаковыми, или сходными, ка-

ковы: безсиліе или халатность власти, какъ было у насъ, во Франціи и въ Англіи, политическія неурядицы, какъ въ Польшѣ и Австріи, особенно въ Буковинѣ, слабость или же отсутствіе соотвѣтственныхъ органовъ полицейско-административной власти, потворство низшихъ классовъ общества, иногда-же и прямая солидарность ихъ съ грабителями и наконецъ скудость народнаго продовольствія, особенно въ безмѣрныхъ степяхъ нашего края, въ гористыхъ частяхъ Карпатъ, въ горахъ Италіи и Шотландіи. «У насъ, писалъ кошевой Григорій Федоровъ оффиціально, войско низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ его бываетъ» [1]). Русское правительство давало войску запорожскому провіанта ежегодно по 1,300 четвертей; но это было лишь слабое подспорье къ пропитанію запорожцевъ, которое они, какъ и весь шатавшійся по степямъ, на устьяхъ Днѣпра и Дона, сбродъ и сидѣвшіе зимовниками получали отъ скотоводства, охоты на звѣрей и птицъ, рыболовства и самаго скуднаго огородничества.

Гайдамачество просуществовало болѣе полу-столѣтія: оно возникло на зыбкой почвѣ славившагося вольностями польскаго королевства и сошло со сцены съ водвореніемъ въ присоединенныхъ отъ Польши русскихъ областяхъ твердой русской власти. Въ исторіи гайдамачества первостепенной важности вопросомъ является вопросъ о той роли, какая принадлежитъ въ немъ Запорожью. Что въ немъ зародышъ гайдамаччины и что оно было ея ядромъ, это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Запорожье было всегда носителемъ идеаловъ южно-русскаго народа и сюда устремлялось все недовольное панскими порядками или просто обездоленное судьбою; это была вмѣстѣ и единственная прочно организованная сила, къ которой можно было примкнуть и на которую можно было опереться не только въ массовыхъ движеніяхъ, но и въ частныхъ предпріятіяхъ противъ общенароднаго врага для наживы съ него. Запорожцы были вполнѣ свѣдущими въ военномъ ремеслѣ и потому они являются всегдашними почти организаторами гайдамацкихъ отрядовъ и наѣздовъ. Жалобъ на нихъ и разбирательствъ по нимъ мы имѣемъ цѣлые фоліанты въ нашемъ архивѣ. Но и само войско за-

---

[1]) См. мою «Исторію Новой Сѣчи», изданіе 2-е, 1846 г., ч. I, стр. 226.

порожское, прежде не ограниченное въ своихъ вольностяхъ, центральная власть теперь постепенно прибирала къ рукамъ и оно должно было, наконецъ, строго преслѣдовать гайдамакъ и казнить тѣхъ изъ своего «товариства», которые участвовали въ наѣздахъ гайдамацкихъ; въ уголовныхъ дѣлахъ нашего архива мы находимъ строгія наказанія «кіями» у столба, и штрафами, и даже *шубеницею* (висѣлицею), пойманныхъ на дѣлѣ, особенно съ поличнымъ, молодцевъ, по приговору Коша и даже куреней. Но тутъ Запорожье двоилось между исполненіемъ предписаній высшей власти и собственными традиціями и симпатіями къ страданіямъ народа, особливо въ роковой 1768 годъ. И собственныя его усилія, и мѣры номинальной гетманской власти, и кары войсковаго генеральнаго суда и кіевогубернской канцеляріи безсильны были побороть зло, пустившее глубокіе корни въ народѣ и имѣвшее основу въ общественномъ строѣ Польши; темныя подвижныя фигуры гайдамакъ тонули въ безбрежномъ морѣ запорожскихъ степей, въ недоступныхъ балкахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ недосягаемыхъ хуторахъ и зимовникахъ. Можно съ увѣренностію сказать, что лишь небольшая часть гайдамацкихъ продѣлокъ стала достояніемъ правосудія и сохранилась для насъ въ архивныхъ дѣлахъ, по которымъ можно съ любопытствомъ наблюдать и принимавшіяся противъ гайдамацкихъ набѣговъ мѣры, и размѣры причиняемаго ими въ короткое время зла, и самый, такъ сказать, процессъ гайдамацкихъ грабительствъ.

Для ознакомленія съ этими сторонами гайдамачества и пополненія предложенныхъ нами давно о семъ свѣдѣній, изъ огромной массы имѣющихся у насъ дѣлъ мы предлагаемъ на этотъ разъ вниманію читателей лишь девять документовъ. Это два ордера гетмана Разумовскаго, показаніе одного изъ гайдамакъ, пять писемъ польскихъ пановъ къ кошевому и одно кіевскаго генералъ-губернатора.

Первый изъ предлагаемыхъ нами документовъ, ордеръ гетмана Разумовскаго кошевому атаману Григорію Федорову (Лантуху) отъ 5 декабря 1755 г., заключаетъ въ себѣ рядъ мѣръ, направленныхъ къ обузданію гайдамакъ и прекращенію ихъ набѣговъ и грабительствъ, главнымъ-же образомъ къ строгому контролю надъ реестровыми сѣчевиками и живущими въ ихъ хуторахъ и зимовникахъ людьми. Всеобщая перепись какъ тѣхъ, такъ и другихъ, воспрещеніе принимать и держать безъ записи и людей подозритель-

ныхъ, обязательство для всѣхъ отлучаться не иначе, какъ съ билетомъ, притомъ не по одиночкѣ, а компаніями и съ обязательнымъ и отвѣтственнымъ старшиною, и наконецъ строгая отвѣтственность всѣхъ начальствующихъ за дѣйствія ихъ подкомандныхъ—таковы мѣры, принятыя противъ самаго «товариства» запорожцевъ, дабы оно не могло ни выдѣлять отъ себя гайдамакъ, ни смѣшиваться съ ними. Строгій судъ и кара ждали ослушниковъ этого распоряженія, особливо-же изобличенныхъ въ соучастіи съ гайдамаками. Универсалъ изъемлетъ ихъ отъ суда Коша и велитъ отсылать въ Глуховъ, въ генеральную войсковую канцелярію, дабы Кошъ не могъ дѣлать имъ послабленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возлагаетъ на обязанность и отвѣтственность Коша строгое преслѣдованіе гайдамакъ и поручаетъ даже понудить его къ этому двумъ особо командированнымъ въ Сѣчь лицамъ. Такая строгость вызвана съ одной стороны произведенными въ ту пору грабежами гайдамакъ въ турецкихъ и татарскихъ владѣніяхъ и настоятельными жалобами турецкихъ и татарскихъ властей, съ другой дошедшими до гетмана свѣдѣніями, что кошевая администрація потакаетъ грабежамъ гайдамакъ и дѣлится съ ними добычею. Собственно говоря, это не новый даже приказъ, а повтореніе прежнихъ, но неисполненныхъ распоряженій, самыя-же распоряженія и подтверждаются по поводу происходящихъ грабежей, подробности которыхъ читатели найдутъ въ самомъ ордерѣ. Языкъ и складъ его необыкновенно тяжелъ, какъ и всѣхъ вообще извѣстныхъ намъ бумагъ, исходившихъ изъ канцеляріи гетмана Разумовскаго; тѣмъ не менѣе мы приводимъ его цѣликомъ, какъ важный памятникъ мѣръ, какія принимались высшимъ правительствомъ къ обузданію гайдамакъ и самыхъ запорожцевъ.

Войска низоваго запорожскаго господину атаману, старшинѣ войсковой, атаманамъ куреннымъ и всему войску.

Въ неоднократно посланныхъ къ вамъ нашихъ ордерахъ уже доволно вамъ, войску запорожскому, изъяснено, сколь высокій ея императорскаго величества интересъ состоитъ въ томъ, чтобъ воровскія гайдамацкія партіи конечно іскоренены и воровскіе ихъ замыслы пресѣчены, а похищенное въ турецкой области все отыскано и на обидную

сторону возвращено, и впредь запорожскіе козаки въ лучшемъ страхѣ содержались, дабы происходящія до сего отъ сосѣдственной державы неумолкаемыя жалоби прекращенними видѣть. Въ слѣдствіе чего и посланнимъ отъ насъ прошедшаго ноября отъ 2-го сего 1755 года, на основаніи височайшей ея императорскаго величества грамоты, ордеромъ велѣно вамъ возможними ѳбразы старатся, чтобъ какъ похищенныя гайдамаками у татаръ и у другихъ турецкихъ подданнихъ лошади, скотъ и протчіе вещи, а паче тѣ лошади, къ воровству которыхъ винился воръ Панко Щербина, онъ-же и Табащукъ, съ протчими сороку пяти человѣкъ гайдамаками, коихъ онъ показалъ быть изъ запорожскихъ-же козаковъ, всѣ сполна, а за убильемъ съ того числа но виноватыхъ, то есть сообщникахъ, изъ тѣхъ, у кого оные гайдамаки пристанъ имѣли и воровскія лошади укрывали, и кому продавали, и такъ давали лошадьми или денгами,—отысканы я въ турецкую сторону всѣ отданы были-бы, и всѣмъ прежнимъ претензіямъ тамошнимъ надлежащая сатисфакція доставлена, такъ и оговоренные упомянутымъ воромъ Щербиною, бывшіе съ нимъ на воровствѣ изъ запорожскихъ-же козаковъ гайдамаки и ихъ сообщники сысканы и за крѣпкимъ карауломъ отосланы были въ Глуховъ, хотя-бы они въ Сѣчи я наказываны были. Якожъ таковыхъ воровъ, не наказывая тамо, велѣно посылать въ Глуховъ въ генеральную канцелярію, для того-жъ самихъ тѣхъ куренних атамановъ, коихъ куреной козаки съ упоминаемымъ воромъ Щербиною въ товарищахъ на воровствѣ были, и въ держаніи и во укрывательствѣ воровъ оговорены, отправить съ довольными командами, и имъ, такожъ запорожскимъ полковникомъ Буго-Гардовому, Самарскому и прочимъ накрѣпко подтвердить, чтобъ они съ ихъ командами, во всѣхъ запорожскихъ зимовникахъ, пасѣкахъ и другихъ къ скрытію ворамъ гайдамакамъ удобныхъ мѣстахъ, учинили вѣрный-же обыскъ, поступая притомъ неослабно и съ найвящимъ прилежаніемъ, ничего не упуская, чтобъ къ успѣху въ оломъ служить могло, и всемѣрно старались-бы оныхъ всѣхъ воровъ и ихъ сообщиковъ переловить и похищенные ими лошади и другіе пожитки отыскать сполна, а за убылые съ виновныхъ тому лошадьми-жъ, или деньгами, подъ опасеніемъ, ежелибъ кто изъ оныхъ куренныхъ атамановъ поступалъ оплошно, тѣ сами забраны будутъ въ Глуховъ и поступлено будетъ съ ними по

указамъ ея императорскаго величества и малороссійскимъ правамъ безъ послабленія, и что потому у васъ происходить будетъ, къ намъ и вице-губернатору кіевскому репортовать, а особливо—кѣмъ и для чего спеканныхъ (посыланными для сыску гайдамакъ и для разоренія въ турецкихъ границахъ запорожскихъ зимовниковъ [1]), командами) гайдамакъ по наказаніи токмо отпущено свободно, а въ Глуховъ не отправлено, прислать къ намъ вѣрные отвѣты, а впредь, когда-бъ кто изъ гайдамакъ и ихъ сообщниковъ пойманы были, не чиня имъ никакого наказанія, отсылать въ Глуховъ непремѣнно. А чтобъ впредь такія воровскія партіи искоренить и непрестанные происходящіе отъ сосѣдственныхъ народовъ на запорожское войско жалобы прекращенными видѣть, а тѣмъ и пограничное спокойствіе доставить можно было, для того тѣмже ордеромъ велено вамъ, кошевому атаману, старшини войсковой, атаманамъ куреннымъ и всему войску низовому запорожскому, учинить повелѣнное уже распоряженіе, яко-то:

1) Чтобъ всему войску запорожскому учинены были имянные списки, какъ о наличныхъ, такъ и объ отлучныхъ, о коихъ вѣдать можно, кто гдѣ нынѣ и какъ давно въ отлучкахъ находится, а для способнѣйшаго учиненія тѣхъ списковъ къ явкѣ всему войску, каждому въ своемъ куренѣ, назнача сроки, какъ въ Сѣчи публиковать, такъ и во всѣ запорожскія жилища дать знать, такожъ кои и вновь приходить будутъ, тѣхъ-же по тому-жъ записывать въ реестры, кто въ который курень пожелаетъ, и таковые списки, всегда содержать исправно; а чтобы о служащихъ и живущихъ особенными жильями запорожскихъ козаковъ наемныхъ людяхъ, кои въ числѣ войска запорожскаго не состоятъ, извѣстно было, для того и объ оныхъ отъ ихъ хозяевъ требовать имянныя показанія и по тому-жъ учинить списки, у кого сколько и кто именно и по прозваніямъ въ услуженіи находится.

---

[1]) Въ 1791 году, когда «очаковская область», т. е. уѣзды херсонской губерніи между Бугомъ и Днѣстромъ были присоединены къ Россіи, наши землемѣры нашли многолюдныя селенія и даже городки: Ананьевъ, Бобринецъ, Голтву и др., заселенные русскими и молдаванскими выходцами, подъ властью сераскировъ едисанской орды.

2) Всѣмъ запорожскимъ козакамъ притвердить, чтобы впредь ни за какими нуждами изъ Коша, мимо вѣдома своихъ куренныхъ атамановъ и безъ пашпортовъ отъ войсковой запорожской канцеляріи, никуда не ѣздили, но брали-бы паспортъ и на заставахъ билетъ; а кто пожелаетъ отлучиться въ зимовникъ, тѣмъ тако-жъ давать билеты, что они въ числѣ войска запорожскаго изчисляются и гдѣ жить пожелали, а безъ таковыхъ билетовъ, а особливо изъ великороссійскихъ всякаго званія сумнительныхъ людей, въ зимовники и другія жилища не принимать и не держать, но гдѣ таковые люди явились, отсылать въ Глуховъ, и къ неотмѣнному по сему исполненію всѣхъ живущихъ особенными жилищами запорожскихъ козаковъ обязать подписками, подъ неотмѣннымъ наказаніемъ; а чтобъ подъ видомъ служащихъ бродящіе сумнительные люди скрываться не могли, для того запорожскими козаками, по числу имѣющихъ у нихъ служителей, на каждаго имя дать билеты, дабы они въ случаѣ посылки въ Сѣчь и въ другія мѣста внутрь запорожскихъ дачъ, за нуждами, оные для объявленія, гдѣ надлежитъ, давать могли и при обыскѣ гайдамакъ извѣстно быть могло, гдѣ, сколько, какихъ не подозрительныхъ людей.

3) Отправляющихся въ турецкую область за нуждами отпускать компаніями и подчинять изъ нихъ-же безсумнительнымъ людямъ въ смотрѣніе и приказывать, чтобъ въ чужихъ мѣстахъ въ рознь не разбивались и безъ вѣдома того старшины не отлучались и никакихъ обидъ, воровства и грабительства не причиняли, и другихъ отъ того отводили, и въ томъ обязывать подписками подъ наказаніемъ-же.

4) Всѣ имѣющіеся въ вольностяхъ запорожскихъ зимовники, пасѣки и другія запорожскія жилища чрезъ нарочныхъ описать, чіи они имянно, и по перепискѣ, смотря по способности разстоянія, раздѣля на нѣсколько частей, опредѣлять надъ ними особыхъ старшинъ съ пристойными командами, которые ежечасто тѣ запорожскіе жилища объѣздили-бъ для обыску воровъ, гайдамакъ и всякихъ шатающихъ сумнительныхъ людей и по сиску отсылали-бъ въ Сѣчь, и протчее, какъ въ томъ нашемъ ордерѣ пространно выражено.

Чтобъ-же таковъ распорядокъ въ войскѣ запорожскомъ конечно учиненъ былъ непродолжительно, а между тѣмъ для сиску похищенныхъ у татаръ лошадей и самихъ воровъ и ихъ сообщниковъ посланы

были нарочные команды, при самихъ атаманахъ, и все выраженное въономъ ордерѣ исполнено, безъ всякія отмѣны, въ томъ велѣно васъ понудить сотнику миргородскому Зарудному, обще съ маіоромъ Федцовымъ, о чемъ всемъ тогда-же и ея императорскаго величества въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію отъ насъ представлено; а сего декабря 1-го присланною къ намъ высочайшею ея императорскаго величества грамотою, оную учиненную нами, по силѣ грамоты ея императорскаго величества, объ искорененіи въ войскѣ запорожскомъ гайдамацкаго воровства и о прочемъ для воздержанія запорожскихъ козаковъ диспозицію апробовано и ожидается отъ насъ надлежащаго извѣстія, что по такому достаточному распоряженію отъ васъ, кошового и старшинъ, на первый случай учинено, слѣдовательно и потомъ какое исполненіе и во всемъ прилежаніе показано будетъ.

Да при той-же грамотѣ приложенъ экстрактъ изъ вѣдомостей, полученныхъ изъ Кіева отъ вице-губернатора тамошняго г. М. Костюрина, отъ 10 октября, о бытности вашей запорожскаго кошеваго атамана въ разъѣздѣ, для сиску и поимки гайдамакъ, изъ котораго нами усмотрѣно, да и въ оной присланной къ намъ грамотѣ объявлено, что мно̀гое число гайдамакъ, именно до 300, и въ нынѣшнемъ лѣтѣ около запорожскаго Гарду находилось, изъ которыхъ де-хотя только 2 человѣка, бывшіе изъ запорожскихъ козаковъ, пойманы, но и тѣ, не отсылая въ Глуховъ, таможъ въ Гарду по приказу вашему повѣшены, и тѣмъ-де объ укрывательствѣ изъ имѣющихся между запорожскими козаками гайдамаковъ, тѣхъ и другихъ артелей товарищей (какъ въ оной грамотѣ выражено), вновь явное подозрѣніе подано, а чтобъ впредь смертныхъ казней отнюдь чинено не было, о томъ оною высочайшею ея императорскаго величества грамотою велѣно намъ строгое запрещеніе учинить.

Да найдено-жъ въ запорожскихъ табунахъ лошадей татарскихъ до 700, изъ коихъ къ возвращенію на татарскую сторону отобрано 300, а достальные-де отданы тѣмъ козакамъ, у которыхъ найдены, и самими вами, кошевымъ атаманомъ, съ командою раздѣлены. Въ запорожскомъ-же табунѣ имѣется до 150 воловъ татарскихъ, еще-жъ въ самой Запорожской Сѣчи, каневскаго куреня атаманъ, чрезъ своего кухаря и козаковъ, убилъ шинкаря, послѣ котораго денегъ и по-

житковъ до 900 руб. съ вами кошевымъ атаманомъ раздѣлено и о томъ умолчано.

А яко сія вѣдомость получена опричь васъ, кошеваго атамана, и отправленнаго въ сѣчевой ретраншаментъ маіора Федцова, постороннѣ, отъ проѣжающихъ чрезъ запорожскія мѣста, для того оною ея императорскаго величества грамотою повелено намъ объ ономъ удостовѣриться, у кого надлежитъ, и взявъ у васъ, кошевого, и протчихъ, въ чемъ до кого по ономъ касается, отвѣты, накрѣпко приказать: лошадей и воловъ татарскихъ собрать всѣхъ и оныхъ къ возвращенію въ турецкую сторону имѣть въ готовности, а въ дѣйствительной отдачѣ поступить по ордеру вышеписанному г. М. Костюрина, которому, по посланному нынѣ къ нему указу, велѣно о томъ увѣдомить хана крымскаго и очаковскаго пашу и напротивъ того требовать отъ нихъ сиску и удовольствія по претензіямъ запорожскихъ козаковъ на татаръ, возвращеніемъ и платежемъ похищенныхъ татарами козацкаго скота и протчаго, чтобъ такимъ образомъ и обиженные изъ запорожскихъ козаковъ безъ награжденія не оставались. А что касается до смертнаго убійства въ Сѣчи шинкаря, то, по надлежащемъ объ ономъ изслѣдованіи, съ винными тому и въ сиску и возвращеніи, кому надлежитъ, оставшихся послѣ убитаго денегъ и пожитковъ, учинить по ея императорскому величеству о такихъ дѣлахъ указамъ.

А понеже намъ о всемъ выше выраженномъ произшествіи неизвѣстно, яко-же мы, какъ о бытности вашей, кошеваго атамана, въ разъѣздѣ, для сиску и посилки гайдамакъ и сколько ихъ гдѣ сискано и поймано, и какое при поиску надъ оными гайдамаками нашедшими произшествіе имѣлось, такъ и сколько гдѣ татарскихъ лошадей и воловъ отискано и гдѣ подѣты, ни отъ васъ, ни отъ находящагося въ Сѣчи Запорожской для разныхъ дѣлъ сотника Заруднаго, доселѣ никакого рапорта въ полученіи не имѣемъ, и ежели подлинно такъ есть, что при запорожскомъ Гарду столь многое число гайдамакъ имѣлось, но оные не переловлены, да и пойманы два, то и тѣ также въ Гарду повѣшены, а изъ 700 татарскихъ лошадей только 300 къ возвращенію отобрано, а прочіе тѣмъ-же козакамъ, у коихъ найдены, отданы или между васъ и старшинами раздѣлены, а воловъ татарскихъ до 150 и нынѣ въ табунѣ запорожскомъ и мѣютея, и сіе весьма предосуди-

тельно, ибо вамъ, кошевому атаману, чувствуя изъ прежнихъ нашихъ ордеровъ, сколь высокій ея императорскаго величества интересъ требуетъ того, чтобы гайдамацкія партіи, кои, по имѣющимся извѣстіямъ, изъ запорожскихъ козаковъ происходятъ, переловлены конечно и искоренены, и похищенное у татаръ и прочихъ турецкихъ подданныхъ все отыскано и на обидную сторону возвращено, а когда-бъ оныхъ гайдамакъ находящимся при васъ командамъ взять было невозможно, въ такомъ случаѣ слѣдовало требовать сикурсу отъ находящихся въ надлежащихъ мѣстахъ регулярныхъ и малороссійскихъ командъ, какъ о семъ въ прежнихъ нашихъ ордерахъ довольное наставленіе предписано, да и пойманныхъ воровъ гайдамакъ не только предавать смерти было не должно, но и не наказывая ихъ, надлежало отослать, въ силѣ прежнихъ нашихъ ордеровъ, въ Глуховъ, въ генеральную канцелярію: того ради, предлагаемъ вамъ, кошевому атаману, старшинѣ войсковой, атаманамъ куреннымъ, для чего о всемъ вышеписанномъ къ намъ ничего не рапортовано, прислать вѣрный отвѣтъ, а впредь, когда-бъ кто изъ гайдамакъ пойманы были, оныхъ не токмо смерти не предавать, дабы тѣмъ не подавать причины къ подозрѣнію на войско запорожское въ укрывательствѣ воровъ гайдамакъ, но и не наказывая отсылать въ Глуховъ за крѣпкимъ карауломъ, а между тѣмъ всѣхъ оныхъ отысканныхъ въ числѣ 700 татарскихъ лошадей, овецъ и воловъ, не принося никакой оговорки, собравъ всѣ, къ возвращенію въ турецкую сторону имѣть въ готовности и въ дѣйствительной отдачѣ поступить по ордеру кіевскаго вице-губернатора г. М. Костюрина, такожъ для сиску и посилки какъ тѣхъ воровскихъ партій гайдамацкихъ, надъ коими вами съ командой поискъ чиненъ, но оные ушли едни на островъ (Мигейскій), а другіе къ польской границѣ, такъ и тѣхъ, кои пошли въ Польщу и въ турецкую область, а оттуда еще не возвратились, но шатаются по берегу р. Буга, яко имъ въ наступившую зиму укрываться болѣе негдѣ, кромѣ запорожскихъ жилищъ, паки немедленно отправить нарочные команды, при самихъ старшинахъ войсковыхъ и куренныхъ атаманахъ, и имъ, такожъ и полковникамъ буго-гардовому и прочимъ всѣмъ накрѣпко притвердить, чтобы они всѣми мѣрами старались оные воровскіе гайдамацкіе партіи перехватывать, чтобъ онѣ уже нигдѣ укрыться не могли и ихъ спо-

собнѣе сискать было можно. Для того всѣмъ, живущимъ особенными жилищами, запорожскимъ козакамъ накрѣпко притвердить, дабы они, гдѣ-бы тѣ гайдамаки ни явились, по согласіи съ другими, въ сосѣдствѣ живущими запорожскими козаками, старались ихъ переловить, а буде сами они гайдамакъ переловить не могли, тогда давать знать вамъ, кошевому атаману, съ старшиною и командированнымъ для сиску оныхъ гайдамакъ командамъ, безъ и малѣйшаго замедленія, а вамъ тотъ часъ посылать сильныя, при надежныхъ старшинахъ и атаманахъ, команды и имъ притвердить, да и самимъ вамъ всемѣрно стараться, дабы конечно всѣ тѣ воры-гайдамаки пойманы и въ Глуховъ отосланы быть могли. А что касается до смертнаго убійства въ Сѣчи шинкаря Литвиненка и до раздѣлу между атаманомъ кошевымъ и атаманомъ каневскимъ оставшихся по тому шинкари денегъ и пожитковъ, то понеже о семъ, яко о кримѣнальномъ дѣлѣ, да и о роздѣленныхъ старшиною войсковою запорожскою съ козаками, подъ татарскими клеймами, лошадяхъ и скотѣ безъ изслѣдованія оставить не подлежитъ; для того предложено отъ насъ генеральной войсковой канцеляріи, чтобъ отъ той канцеляріи опредѣлено было нарочнаго старшину полковаго, и ему велѣно, обще съ сотникомъ Зарудымъ, по надлежащему, о всемъ изображенномъ въ экстрактѣ изъ вѣдомостей, изъ Запорожья полученныхъ, изслѣдовать, и кто въ томъ изобличится, тѣхъ для поступленія съ нимъ въ силѣ ея императорскаго величества указовъ и малороссійскихъ правъ, за крѣпкимъ карауломъ, отослать въ Глуховъ, въ генеральную войсковую канцелярію, а пожитки и деньги убитаго отыскавъ, отдать свойственникамъ, а буде оныхъ не явится, то до резолюціи нашей содержать въ цѣлости тамъ-же въ войскѣ запорожскомъ, подъ надсмотрѣніемъ того-жъ сотника Зарудаго, онымъ-же пожиткамъ учинить вѣрную опись и прислать къ намъ при рапортѣ немедленно. А вамъ, кошевому атаману съ старшиною и съ куренными атаманами, приказываемъ: когда оный нарочный въ Сѣчь Запорожскую прибудетъ, того, кого онъ къ тому слѣдствію потребныхъ требоватиметъ, оныхъ безъ всякихъ сопротивленій выдать, и ежели-бъ до самаго васъ, кошеваго атамана и старшинъ, отвѣту касаться могло, то въ учиненіи отвѣту письменнаго не ослушаться и въ произведеніи того слѣдствія не токмо никакого препятствія и помѣшательства не

чинить, но и всякое вспомоществованіе показывать и посланныя досель въ войско запорожское о искорененіи гайдамакъ и ихъ партій и въ недопусканія къ собиранію оныхъ гайдамацтвъ, такожъ въ сочиненіи именныхъ списковъ всего войска и служителей, тамо находящихся, а особливо зимовниковъ, хуторовъ и пасѣкъ, прежними нашими ордерами, а паче по посланному ноября 2 сего 1755 году, исполнять безъ всякаго объясненія непремѣнно. Чтобъ-же васъ, кошеваго атамана съ старшиною и куренными атаманами, сотникъ Зарудный, какъ въ присылки къ намъ порученнаго симъ ордеромъ отвѣта и въ отисканіи всѣхъ раздѣленныхъ между запорожскими козаками татарскихъ лошадей и воловъ, такъ и въ отправленіи, для сиску и посилки выше объявленныхъ воровскихъ партій, командъ, при надлежащихъ старшинахъ и куренныхъ атаманахъ, понуждалъ, и для чего онъ сотникъ Зарудный о томъ не рапортовалъ,—о томъ прислалъ-бы къ намъ вѣрный рапортъ, а впредь о всѣхъ въ войскѣ запорожскомъ произхожденіяхъ къ намъ репортовалъ-бы, безъ упущенія по чисту, о томъ и нынѣ отъ насъ оному сотнику миргородскому Зарудному ордеромъ на крѣпко предложено.

Гетманъ: *графъ К. Разумовскій.*

Декабря 5-го 1755 году,
С.-Петербурхъ.

Второй документъ касается наѣздовъ гайдамакъ на польскія области. Это также ордеръ гетмана Разумовскаго войску запорожскому, писанный спустя мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ предъидущаго, по почину пограничной коммисіи, учрежденной для разбора жалобъ и претензій польскихъ и русскихъ подданныхъ на польско-русскомъ рубежѣ. Онъ даетъ приблизительное понятіе о размѣрахъ грабежей, чинимыхъ даже мелкими партіями гайдамакъ. Сущность его въ приложенномъ къ нему экстрактѣ совершенныхъ гайдамаками разграбленій, сумма которыхъ въ незначительномъ районѣ и за короткій промежутокъ времени доходитъ почти до 300,000 польскихъ злотыхъ. Мы потому и приводимъ его не въ полномъ видѣ, но только въ слѣдующей существенной части.

«Въ бытность польскихъ комиссаровъ въ пограничной комиссіи, какъ письменно, такъ и словесно неоднократно представлено было, что

необузданность гайдамакъ, собираясь въ мигайскомъ островѣ [1]) въ 1757 г., въ многихъ польскихъ мѣстахъ разоренія, смертные убійства, отгонъ изъ подъ Умани польскихъ и татарскихъ 550 лошадей учинила. Въ тоже самое время, когда пограничная коммиссія была подъ польскимъ мѣстечкомъ Звенигородкою, деревню Стецкую, да въ ключѣ смилянскомъ, село Валяву ограбили [2]): волы, лошади и разные пожитки, забрали, да изъ подъ польскаго мѣстечка Немирова ночью нѣсколько сотъ лошадей отогнали. А на какую сумму отъ гайдамакъ польскихъ подданныхъ 1755 ноября съ 15 по 1757 годъ ноября-же 18 число, сверхъ прежнихъ, вновь приключено обидъ, о томъ экстрактъ при семъ включенъ».

Приводится затѣмъ слѣдующее исчисленіе всѣхъ причиненныхъ обидъ и разореній:

1) «Ясне-велможному воеводѣ и генералу земель кіевскихъ, Францишку Салезінему Потоцкому, ограбленіемъ мѣстечка Торговицы и деревень Гордашенки, Молодецкаго, Маньковки, Паланки, Нерубайки, Дмитрушекъ, Борщово-Петровки, Разсошокъ, Карачевецъ, Буковы, Каменки, Папужинецъ, Кіянки, Каменечого, Теплина, Тарнаджи, Ісаекъ, Грищановки, Мищурова, Глушки, Ташлика, Кривого, Березовой, Росоловецъ, Копіевки и протчихъ, такожъ отгономъ жолнерскихъ, козацкихъ подъ Уманю и Торговицею, на мающихся тамъ болотахъ и съ разнихъ мѣстъ лошадей, приключено убытка на . . . . 120,777 зл. 20 гр.

2) Ясне-велможному Станѣславу Потоцкому, воеводѣ познанскому, ограбленіемъ деревень Бубновки, Зерделевки, Соколовки, Броджа, Каташина,

---

[1]) С. *Мигая* с. и *мигайскій островъ* на р. Бугѣ въ ананьевскомъ уѣздѣ херсонской губерніи, близь бывшаго *Гарду* запорожскаго, принадлежатъ гг. Скаржинскимъ.

[2]) *Звенигородка*—теперь уѣздный городъ кіевской губерніи, *Стецка*, т. е. *Стецовка* село того-же уѣзда. *Ключами* назывались нѣсколько селъ одного владѣльца, или части большихъ имѣній съ особыми управителями.

Жолтоновки, Мариновки, Завадовки, Крушиновки и протчихъ, приключено убыткъ на	23,144 зл. —
3) Господину скарбнику добрянскому Гоголю, отъ ограбленія села Бабанки, приключено убытка на	8,312 зл. —
4) Господину Курдвановскому, бывшему въ Ягорлыкѣ на форпостѣ, забором лошадей, ружья и протчихъ пожитковъ приключено убытка на .	720 зл. —
5) Господину Зелезнѣцкому отъ ограбленія села Закриничча заборомъ лошадей, платья и разнихъ шляхетскихъ уборовъ учинено убытка на .	9,117 зл. —
6) Господину Стефану Дорожинскому отъ ограбленія-жъ села Полущъ заборомъ платья, лошадиннихъ уборовъ, седелъ и готовыхъ денегъ, приключено урону на	9,819 зл. 20 гр.
7) Господинъ Троцкевичъ, которой въ томъ же селѣ въ самое грабительство былъ, въ платьѣ, готовыхъ денгахъ и во всѣхъ пожиткахъ имѣетъ убытка на	1,088 зл. 15 гр.
8) Господинъ Рыбицкій въ ограбленіи слободы Веселаго Кута и въ заборѣ готовыхъ денегъ, платья и протчихъ движимостей имѣетъ убытка на .	10,557 зл 27 гр.
9) Войску коронному, партіи украинской, такожъ и разнымъ господамъ товарищамъ въ разнихъ мѣстахъ, отъ нападенія на зимніе квартеры въ Новоселицѣ бывшимъ, грабителства на доброволнихъ дорогахъ съ должности возвращающихся и забору лошадей, мундира, сѣделъ и готовихъ денегъ, всего на	58,596 зл. —
10) Господину Либишевскому отъ ограбленія села Лубовницы приключено убытка на . .	694 зл. —
11) Господину Букаемскому злодѣи заграничные расколники въ покражѣ двухъ котловъ приключили убытка на	200 зл. —
12) Подданному ясне-велможнаго Потоцкаго, кіевскаго воеводы, слободы Каменной-Криницы, къ	

уѣзду уманскому принадлежащей, жителю Костинѣ, россійскіе гайдамаки съ слободы Терновки (между которими и житель терновскій, Бѣлой, данной ему отъ сотника Юрія пашпортъ потерялъ), напали ночью и забрали разныхъ движимостей на . .	650 зл. —
13) Тѣ-же гайдамаки у Михаила Кривошейка и Федора близъ терновскаго млина взяли лошадей трое въ	130 зл. —
14) Господина чесника брапскаго Лупижскаго напали на квартеру въ местечкѣ Ладыжинѣ гайдамаки россійскіе, которые особливымъ реестромъ означены, взяли червонних 480 на . .	8,640 зл. —
15) У того-жъ господина Лупижскаго въ тоже время забрато мужеска и женска платья, шабель, лошадиних уборовъ, клейнотовъ и разныхъ пожитковъ на	6,000 зл. —
16) Господину Богуславскому долгу по векселямъ надлежитъ отъ россійскихъ людей . . .	1,396 зл. —
17) Господину скарбнику овруцкому Спендовскому, грабленіемъ местечка Райгорода и разореніемъ отъ ватажка Швыдкаго и другихъ заграничнихъ россійскихъ гайдамакъ, приключено убытка на	17,905 зл. —
18) Господину скарбнику новогородскому Антонію Хоецкому забором трехъ лошадей, подъ Немеровымъ, приключено урону заграничними россійскими гайдамаками на	900 зл. —
Всего на . .	269,143 зл. 86 гр.

Этотъ, какъ и предъидущій ордеръ гетмапа заканчивается предписаніемъ Кошу объ отысканіи виновныхъ и пограбленпаго имущества и удовлетвореніи обиженныхъ возвратомъ похищеннаго въ натурѣ, или-же деньгами.

Приведенное сейчасъ исчисленіе гайдамацкихъ грабежей—одно изъ тысячи подобныхъ; оно наглядно показываетъ, до чего упалъ въ

половинѣ прошлаго столѣтія государственный и общественный порядокъ въ б. Рѣчи Посполитой, какъ мало обезпечены были въ ней имущество и личность каждаго. Но еще съ большею силою это исчисленіе рисуетъ намъ гайдамакъ и ихъ положеніе въ краѣ. Нѣсколько десятковъ отчаянныхъ головорѣзовъ проходятъ отъ нижняго теченія Днѣпра до Умани и Немирова, разоряютъ подъ рядъ десятки селъ такихъ магнатовъ, какъ воеводы кіевскій и познанскій, имѣвшихъ тысячи хорошо вооруженныхъ козаковъ, забираютъ и угоняютъ огромныя партіи лошадей и скота на глазахъ вооруженной татарской и городовой стражи, нападаютъ на офицеровъ коронпаго, тутъ-же стоящаго войска и отнимаютъ у нихъ оружіе, лошадей, збрую и деньги, наносятъ пораженія партіямъ надворной милиціи, забираютъ въ панскихъ домахъ серебро, одежу мужскую и дамскую и съѣстные припасы, захватываютъ по пути все, что попадетъ подъ руку и успѣшно отбиваясь отъ вооруженной погони, скрываются со всѣмъ награбленнымъ въ днѣпровскихъ островахъ и запорожскихъ балкахъ. Приведенный экстрактъ представляетъ намъ только результатъ гайдамацкихъ наѣздовъ за короткое время и въ немногихъ пунктахъ воеводства брацлавскаго. Подробности этихъ наѣздовъ разсыпаны въ массѣ бумагъ и писемъ, которыми по каждой частной жалобѣ пересылались русскія и пограничныя власти между собою и съ Кошемъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, именно нѣкоего Юста, командовавшаго русскимъ отрядомъ на ново-сербской границѣ, къ запорожскому кошевому, со словъ польскаго комиссара Артынскаго, сообщается, что во время нападенія гайдамакъ на Умань въ іюлѣ 1757 г. захвачено ими съ пастьбы и на трактахъ лошадей: козачьихъ 135, драгунъ надворныхъ воеводы Потоцкаго 37, шляхтича Неоковскаго 26, Гоголя товарища хоругви коронпаго гетмана 9, Хмельницкаго шляхтича 4, комиссара Сутинскаго жеребцовъ 4, бывшихъ въ Умани татаръ 222, по деревнямъ и дорогамъ жидовскихъ 40, да людей при томъ поколото 40 человѣкъ, не считая всякаго награбленнаго имущества частныхъ лицъ. А между тѣмъ въ Умани была резиденція Потоцкаго и центръ его милиціи, состоявшей изъ козаковъ и драгунъ.

Въ непосредственной связи съ приведенными двумя гетманскими ордерами стоитъ рѣдкое по обстоятельности и полнотѣ показаніе одного изъ главнѣйшихъ участниковъ упоминаемаго въ ордерѣ отважнаго похода гайдамакъ подъ Умань и Немировъ. Это показаніе нѣ-

коего *Герасима Котляра*, снятое съ него въ канцеляріи новопоселеннаго за чертою Новой Сербіи, на границѣ Запорожья, слободскаго козачьего полка. Снимите съ него грубую канцелярскую окраску, возвратите ему подлинный языкъ разсказа и его самобытную форму, это была-бы настоящая хроника, или просто эпопея гайдамачества. Котляръ не записной запорожецъ и въ Запорожьѣ, кажется, совсѣмъ не живалъ. Офиціально онъ значится мѣщаниномъ пограничной съ Запорожьемъ крѣпости св. Елисаветы, нынѣшняго Елисаветграда, херсонской губерніи. По недавнему учрежденію самой крѣпости можно заключать, что по рожденію и прежней жизни онъ принадлежалъ другому мѣсту, а какому именно, неизвѣстно, какъ и все его прежнее *curriculum vitae*. Судя по дальнѣйшимъ его дѣйствіямъ, это былъ человѣкъ бывалый и, быть можетъ, не новичекъ даже въ дѣлахъ разбоя и грабежа, ибо не могъ-же онъ съ разу примкнуть къ шайкѣ гайдамакъ и пуститься на самое отчаянное предпріятіе, а въ одномъ случаѣ взять даже на себя роль предводителя. Подговорилъ Котляра къ поступленію въ шайку гайдамакъ сожитель его, также елисаветскій мѣщанинъ Безпоясный, а расположилъ къ тому долгъ въ сто рублей, котораго нечѣмъ было покрыть. Начавъ съ этого, Котляръ съ полною повидимому откровенностью разсказываетъ о своихъ и его товарищей похожденіяхъ, отъ выхода изъ Мигійскаго острова шайки, въ которую онъ вступилъ для поправленія своихъ денежныхъ обстоятельствъ, и до возвращенія его изъ похода въ крѣпость св. Елисаветы. Походъ былъ въ высшей степени удаченъ, Котляръ возвратился съ богатою добычею. Все, что могло изобличить его, онъ вымѣнялъ или продалъ, пріѣхалъ съ товаромъ и деньгами, мечталъ поправиться и зажить, но... утонулъ, такъ сказать, у самаго берега. Его арестовали на мѣстѣ, не смотря на предложенные имъ богатые подарки, которые, кажется и выдали его. Въ высшей степени интересенъ разсказъ Котляра о дѣлежѣ добычи и поднесеніи изъ нея приличной части сѣчевой администраціи, вообще-же онъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ непосредственномъ участіи запорожской братіи въ гайдамацкихъ наѣздахъ. Разсказъ обширный, однообразный, утомительный по убійственному канцелярскому языку и формѣ, и тѣмъ не менѣе мы приглашаемъ читателя прочесть его отъ начала до конца: подъ грубою формою въ немъ хранится богатое содержаніе. Вотъ его текстъ.

1757 года, сентября 1 дня, присланный при ордерѣ отъ его высокородія, г. бригадира, крѣпости св. Елисаветы коменданта, А. И. Глѣбова, колодникъ, крѣпости св. Елисаветы мѣщанинъ, Герасимъ *Котляръ* допрашиванъ и показалъ слѣдующее:

Сего году, о праздники Сошествія святаго Духа, живущій здеся, при крепости святыя Елисаветы, мѣщанинъ, прозваніемъ *Безпоясній*, пришедъ къ нему Котляру, между разговорами сказивалъ, что Сѣчи Запорожской въ Мигійскомъ островѣ какъ онъ былъ для ловлѣ рибы, то видѣлъ, что гайдамацкая партія знатно въ Польщу на грабительство въ немаломъ числѣ збирается. То онъ Котляръ, вздумавъ, что на немъ болѣе ста рублевъ долгу остается и онихъ заплатить нечемъ, спустя после праздника Сошествія святаго Духа четири дни, подъ видомъ якобы для отисканія на козаку войска запорожскаго, куреня сущевскаго, Івану Шульзѣ, долговыхъ денегъ, а умисленно для того единнаго воровства, взявъ въ здѣшняго крепости святія Елисавети магистрата пашпортъ, съ тѣмъ Безпояснимъ, на одной своей лошадѣ, запрягши въ телегу, въ тотъ Мигійскій островъ поехали. И не доезжая оного острова, въ стоящего на броду речки Синюхи въ карантинномъ домѣ прапорщика (а какъ зовутъ и прозываютъ, не знаетъ) явился и данній ему Котляру изъ магистрата пашпортъ объявилъ. И оной прапорщикъ тотъ пашпортъ прочтя, у себя оставилъ, а ихъ въ Мигійскій островъ пропустилъ.* Одъколя они поехали и прибывъ туда, оную воровскую гайдамацкую партію, въ шестидесяти пятихъ человѣкахъ, при ататанѣ войска запорожскаго куреня дядковскаго Яковѣ Солоне нашли, въ которую и онъ Котляръ присталъ и съ ними въ томъ островѣ болѣе неделѣ жилъ. И чрезъ ту его, Котляра, битность еще къ нимъ гайдамаки прибавилися, и какъ всѣхъ семьдесять пять человѣкъ ихъ собралось (изъ коихъ онъ Котляръ знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ, куреней: мышастовскаго Григорія Калиту, Бурила, а имя не знаетъ, корсунскаго Федора Волка и Сукора, а имя не знаетъ, криловскаго Івана Жаболду и малого Жаболденка, а имя не знаетъ, и Івана Малого, пашковскаго Андрѣя Караджу, роговскаго Ивана Бойка, поповичевскаго Федора Писменнаго, а другаго прозваніемъ Бороду, ивановскаго Григорія Писменнаго, батуринскаго прозваніемъ Малого, а имени не знаетъ, копеловскаго Сукура, бруховецкаго Савелія Кравця, калниболоцкаго Івана,

прозванія не знаетъ, васюринскаго, прозваніемъ Куземку, конеловскаго, прозваніемъ Павла, а протчихъ всѣхъ гайдамакъ, кромѣ вышеписанныхъ, какихъ оны куреней и какъ ихъ зовутъ и прозываютъ, не знаетъ), то всѣ, согласясь, въ Полщу, для разбитія состоящаго подъ полскимъ мѣстечкомъ Медвиномъ полского обозу, пеши пошли. И въ нути, близъ полского села Шестеринецъ, въ сумерки, какъ оны, гайдамаки, чрезъ плотину хотели переходить, то, знать по извѣстію, исъ того полского обозу до несколко человѣкъ поляковъ и ихъ козаковъ, не допуская чрезъ плотину переходить, толко что изъ ружей випалили, то прописаній выше сего гайдамацкій атаманъ Яковъ Солонь на гайдамакъ закричалъ, чтобъ уходили, одъколя тогда-жъ оный гайдамацкій атаманъ зъ двома человѣки (а какъ ихъ зовуть и прозиваютъ, не знаетъ) ушелъ, а съ нимъ Котляремъ осталось тамо семьдесятъ одинъ человѣкъ. И онъ Котляръ на тѣхъ своихъ товарищей закричалъ, дабы не уходили, а какъ остановилися и къ той полской партіи, закрича, вдругъ бросилися на списахъ, то оніе поляки и при нихъ козаки въ имѣющій тамо лугъ и въ болото съ лошадми вбѣжали, за коими оны гайдамаки ночью и не гнались, а толко около того лугу свой гайдамацкій караулъ, дабы ночью уйти не могли, поставили. А на утренній день, какъ стало видно, кого исъ техъ полскихъ хорунгъ [1]) и козаковъ въ томъ болотѣ нашли, то съ ихъ поляковъ плате и шабли поснимали и лошадей семъдесять зъ сѣдлами, да пистолетовъ тридцять пять паръ взяли. И при томъ, какъ стали тѣ хорунги и козаки отъ нихъ гайдамакъ бѣжать, тогда Сѣчи Запорожской, мышастовскаго куреня, Григорій Калита трехъ поляковъ закололь, а болѣе тамо какъ онъ Котляръ, такъ и протчіе гайдамаки никого до смерти не убили. И отътудова оны, гайдамаки, сѣвши на лошадѣ, а которымъ не достало лошадей, пѣшіе тѣмъ-же, куда и въ Полщу ишли, трактомъ въ показанной Сѣчи Запорожской въ Мигійскій островъ, где всѣ-жъ злодѣи гайдамаки собраніе имѣли, пошли. И не доходя онаго, перешедъ чрезъ границу подлѣ Новой Сербіи, олшанскаго шанца верстахъ въ четырехъ остановилися и теми пограбленными лошадми, пистолетами и шаблями и протчимъ розделилися. И ему, Котляру, изъ оныхъ досталось лошадь

[1]) Хорунгъ—хоругвей, т. е. отрядовъ, въ родѣ эскадроновъ.

гнѣдая зъ сѣдломъ, да пара пистолетъ, епанча бѣлаго простаго сукна, да шапка полская съ сѣрою опушкою, шабля зъ желѣзною оправкою, протчимъ-же гайдамакамъ кому что досталося, онъ не знаетъ, да еще изъ тѣхъ грабленныхъ вещей,—какъ то и всегда у гайдамакъ бываетъ, что, будучи въ гайдамачествѣ, по приходѣ Сѣчи Запорожской въ Гардъ, тамо полковника гардового и старшину, дабы имъ гайдамакамъ въ оному Гарду пянствувать не запрещали и ихъ не ловили, дарують для гостинця,—шаблю, да ладовницю оставили. И по раздѣлѣ того, съ той ихъ гайдамацкой партіи пять человѣкъ, куреня корсунскаго Іванъ Жаболда, Іванъ Бойко и Ѳедоръ Волкъ, а двохъ, какъ звать не знаетъ, поехали Новой Сербіи въ показанной ольшанской шанецъ, а онъ Котляръ зъ шестидесяти семи человѣками поехалъ въ означенній Мигійскій островъ. И какъ по тракту, здешняго новопоселяемаго слободского козацкого полку чрезъ слободу Красную ехали, то изъ оной ихъ гайдамацкой партіи осталось въ оной слободѣ для пянства и взятія харчей болѣе сорока человѣкъ, а онъ Котляръ зъ двадцатью гайдамаками (и съ коихъ онъ, Котляръ, помнитъ запорожскихъ козаковъ, куреня минастовскаго Грицка Калиту, Бурилу, а имя не знаетъ, васюринскаго Кузямку, Івановскаго Грицка Писменнаго, батуринскаго Остроуха, а имя не знаетъ, а другихъ, какихъ куреней и какъ имя и прозванія не знаетъ-же) поехали въ Мигійскій островъ и прибывъ туда, переночовали, а на другой день изъ вышеписанныхъ, зоставшихъ въ слободѣ Красной, гайдамакъ десять человѣкъ къ нимъ въ Мигійскій островъ прибыли (а протчіе гайдамаки, оставшіе въ показанной слободѣ, где дѣвалися, оніе прибившіе десять человѣкъ ему, Котляру, не обявляли) и переночовавъ въ ономъ, на другой день съ тридцяти человѣки, для отданія оставленнаго отъ подѣлу въ гостинецъ, въ Гардъ поехали. И прибывъ туда, гардовому полковнику, куреня брюховецкаго (а имя и прозванія не знаетъ), полскую шаблю зъ серебраною оправкою и ладунку, да есаулу гардовому, куренному величковскому Игнату Мандру шаблю зъ желѣзною оправкою, заведомо, что пограбленную ими въ Полщѣ, отдали. И тамо побывъ дни зъ два, поехали по прежнему въ тотъ Мигійскій островъ, где имъ вседа злодѣйское пристанище по укривательству состоитъ. Куда по прибытіи отъ находящихся въ ономъ островѣ гайдамакъ (а какъ ихъ зовутъ и

которыхъ куреней, онъ не знаетъ) услыша, что Сѣчи Запорожской ивановскаго куреня козакъ Іванъ Неежжалій, собравши болѣе восмидесяти человѣкъ гайдамакъ, подлѣ рѣчки Добрянки въ балки состоитъ и намѣренъ де итить въ Полщу на грабительство, то и онъ Котляръ, взявъ свою лошадь, къ той рѣчки поехалъ. И какъ прибылъ въ балку, то злодѣйскую партію съ восмидесяти семи человѣка, при атаманѣ показанномъ Неежжалимъ, наехалъ и во оную присталъ. Въ которой партіи гайдамаки были: за асаула куреня платнеревскаго Кузма Таранъ, крыловскаго Іванъ Жаболда, да Купчикъ, медведовскаго Каневецъ, копеловскаго Грива и Чернецкій, мышастовскаго Грицко Калита, поповичевскаго Федоръ Писменній, леушковскаго Алексѣй Ковбаса, кущевскаго Яцко Зубъ, калниболоцкаго Кузма Козолупъ, пашковскаго Боровій, величковскаго Шарій, а протчіихъ гайдамакъ, какихъ куреней и какъ зовутъ и прозваніемъ, не знаетъ. Между которыми будучи, слышалъ онъ, Котляръ, что въ Полщѣ, подъ мѣстечкомъ Уманю не малое число татаръ съ лошадми находится и что ко онимъ они намѣренни итить и имѣющихъ лошадей ограбить, а подлѣнно-ли тамо татаре въ Уманѣ находятся, для провѣдованія гайдамака, житель слободы Добрянки, Волошиненко посыланъ былъ. Которой чрезъ три дни по развѣдованіи, что подленно немалое число татаръ съ лошадми подъ ономъ Уманю стоятъ, какъ обявилъ, тогда они, гайдамаки, и показанной Волошиненко, согласившися и переехавъ выше новопоселяемаго слободского козацкого полку слободы Ново-Архангельской въ бродъ, верхами поехали и чрезъ двое сутокъ отъ оной Уманѣ какъ верстъ за три приехали, то изъ онихъ татаръ съ лошадинимъ табуномъ девятнадцать человѣкъ наехали, которіе, оставя тотъ свой лошадиной табунъ, въ городъ Умань ушли, а они гайдамаки тотъ ихъ татарской табунъ вьвесь (въ коемъ онихъ лошадей зъ стриженами было до четырехъ сотъ, а сколко доподлѣнно всѣхъ имѣлось, не знаетъ) пограбя, погнали. И по извѣстію одъ тѣхъ татаръ изъ оного мѣстечка Умани козаковъ человѣкъ до сорока или болѣе, какъ нагнавъ ихъ на степу, одъ мѣстечка Умани верстахъ въ двадцати, стали съ ружя ни нихъ палить и изъ гайдамакъ одного до смерти убили, а четырехъ поранили, тогда и они, гайдамаки, на нихъ выпаля изъ ружжя залпомъ и по своей злодѣйской ярости бросившись вдругъ всѣ

зъ списами, ихъ козаковъ кололи до смерти, и толко изъ нихъ ушло живыхъ пять человѣкъ, а сколко подлѣнно всѣхъ числомъ покололи, и изъ гайдамакъ хто сколко закололь, какъ они по своему злодѣйству всѣ кололи, не знаетъ, а только онъ Котляръ изъ оныхъ въ смерть одного козака закололь. И потомъ тотъ табунъ занявъ погнали и перегнавъ чрезъ реку Синюху, не доехавъ Сѣчи Запорожекой до Гарду верстъ за десятъ, оставя изъ тѣхъ Сѣчи Запорожекой гардовому полковнику зъ старшиною пару лошадей, протчихъ-же всѣхъ лошадей они, гайдамаки, на восѣмьдесятъ девять человѣкъ разделили по жеребьямъ, и съ которыхъ ему Котляру досталось два мерина, одинъ серой, а другій половой, да кобыла сиво-желѣзая зъ жеребенкомъ. И по роздѣлѣ они, гайдамаки, кто куда захотѣлъ, съ тѣми лошадми въ розпь разъихались, а атаманъ Неежжалій зъ гайдамаками Яковомъ Козолупомъ, Алексѣмъ Ковбасою, Кузмою Тараномъ въпродъ для отдачи гардовому полковнику бруховецкаго куреня, прозваніемъ Шевцу, асаулу величковекаго куреня Игнату Мандру вышеписанныхъ, оставленныхъ имъ, двухъ лошадей поехалъ, а онъ-же Котляръ съ протчими гайдамаками (а въ коликомъ числѣ и кто именемъ были, не знаетъ) для отдачи доставшихъ имъ по роздѣлѣ лошадей въ гардовій табунъ поехали. И прибывъ тамо гардовымъ стадникамъ отдали, съ обявленіемъ, что оніе у нихъ лошади пограбленни въ Полщи, въ уманской губерніи, и за то, чтобъ табунщики ихъ лошадей смотрѣли, дали двѣ кобили гнѣдіе. И по отдачѣ тѣхъ лошадей нѣкоторіе гайдамаки по запорожскимъ зимовникамъ разъехалися, а онъ Котляръ съ пятнадцатью человѣки (а какъ ихъ зовутъ, не знаетъ) въ Гардъ для пянства ездилъ и тамо съ оними гайдамаками у полковника всѣ явясь и о бытіяхъ на гайдамачествѣ въ Полщѣ обявясь, четыри дни, пянствуя, находилися. И отътоль онъ, Котляръ, поехалъ на бродъ реки Синюхи для взятія оставленнаго въ карантинномъ домѣ у стоящаго тамо афицера данного ему изъ магистрата пашпорта, съ намѣреніемъ, чтобъ, взявъ лошадей, коихъ ему изъ грабителнихъ достались, отвесть для продажи Новой Сербіи въ новомиргородской шанець, на бывшей тамо тогда ярманокъ. Однако, не доежжая онаго карантиннаго дому, встрѣтя его одинадцять человѣкъ гайдамакъ (а отколь они и какъ по имени и прозванію, не знаетъ) ему Котляру обявили, что вышедшій де изъ Полщи Федоръ

Швидкій Сѣчи Запорожской въ Мигійскомъ островѣ не малую гайдамацкую партію ити въ Полскую область, въ городъ Немеровъ, збираетъ съ намѣреніемъ на грабительство, что потому и онъ Котляръ въ тотъ островъ на другой день поехалъ и прибывъ туда, показанного Швидкого съ тою злодѣйскою гайдамацкою партіею въ шести-десять пяти человѣкахъ сыскалъ. И къ оной онъ Котляръ какъ присталъ, то жили въ томъ островѣ съ неделю, а атаманъ Швидкій отъ нихъ для покупки пороху и селитри въ полское мѣстечко Торговицю ходилъ и по возвращеніи своемъ одътоль еще съ собою сѣмнадцять человѣкъ гайдамакъ привелъ. И такъ уже ихъ собралось восѣмъдесятъ два человѣка, и съ которыхъ онъ, Котляръ, знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ, куреней: ивановскаго Павла Тарана, Грицка Письменнаго, переяславскаго прозваніемъ Полового, ирклѣевскаго Колянка, пашковскаго Андрѣя Гараджу, куреневскаго Мойсѣя Шевця, дву Ивановъ Бойковъ, незамаевскаго Карпа Кирпу, платнеревскаго Чабака, кислековскаго Григорія Злодѣя, батуринскаго малого Остроуха, поповичевскаго Безкровнаго, корсунскаго Бандурку, бруховецкаго Яцка Кравця, Савку Кравця, а протчихъ всѣхъ, какъ зовутъ и прозиваютъ и которыхъ куреней, не знаетъ. И тѣ всѣ, согласясь на то грабительство, въ показанной городъ Немеровъ пошли изъ Мигійскаго острова чрезъ рѣку Бугъ на бродъ и перешедъ ногайскій и полскій степы даже до лѣсу, состоящаго подъ полскимъ местечкомъ Хощеватымъ, ишли. И прибывъ въ тотъ лѣсъ, въ имеющой тамо посѣки чрезъ ввесь день находились. И услиша въ ономъ Хощеватомъ стрелбу и колоколную тревогу, оной гайдамацкой атаманъ Швидкій имъ обявилъ: «знать то де та тревога чинится къ собранію народа для поимки ихъ гайдамакъ». И какъ ночь пришла, то атаманъ со всѣми гайдамаками и онъ Котляръ исъ того леса почью пошелъ, и следуя въ купи, не въ далнемъ одъ того местечка Хощеватого разстоянія, въ селѣ Могилномъ три пари воловъ съ возами, да у жида кобилу съ возомъ пограбили и харчевій запасъ, муку, пшено и масло корове, и у коихъ гайдамакъ рубашекъ не было, съ обывателей снимали, да у жида-жъ шесть копѣекъ денегъ, да мыла менокъ взяли. И по грабительствѣ того, какъ изъ села съ версту отошли, то показанній атаманъ Швидкій, оставя при харчевихъ возахъ сорокъ человѣкъ (а кто именно, за почною порою знать не можетъ), самъ съ нимъ, Котляремъ, въ

сороку человѣкахъ гайдамаками (исъ коихъ онъ знаетъ Сѣчи Запорожской козаковъ бруховецкаго Савку Кравця, да Яцка Кравця-жъ, криловскаго Ивана Бойка, пашковскаго Андрѣя Гараджу, платнеревскаго прозваніемъ Чабака, незамаевскаго Карпа Кирпу, поповичевскаго Безкровнаго, переяславскаго Полового, а протчихъ гайдамакъ какъ ихъ по имени и прозванію, не знаетъ) для взятія въ состоящемъ вънереди хуторѣ воловъ на харчь пошелъ, и разделясь на двѣ партіи, по двадцяти человѣкъ, однимъ велелъ онъ атаманъ до броду рѣчки Синюхи следувать, а самъ съ нимъ Котляремъ въ девятнадцяти человѣкахъ гайдамакъ въ показанной хуторъ пошелъ. И толко что въ тотъ хуторъ передъ свѣтомъ пришли и четири воли да кобылу съ возомъ взяли, то услишили стрелбу, и онъ атаманъ съ одинадцятью человѣки гайдамаки къ той стрелбѣ побежалъ, а девять человѣкъ при харчевихъ возахъ оставилъ. И какъ толко изъ оной рѣчки Синюхи къ броду приближились, тогда усмотрели, что на ихъ товарищей гайдамакъ, посланнихъ къ речки Синюхѣ, стоящія на дороги купци палять; то и онъ атаманъ съ нимъ Котляремъ и одинадцятью человѣки гайдамаки, къ своимъ товарищамъ гайдамакамъ поспеша, совокупилися и обще на тѣхъ купцовъ съ ружей стали палить, напротивъ чего и оние купци на нихъ палили. И притомъ какъ изъ нихъ гайдамакъ тѣ купци Яцка, а прозваніемъ не знаетъ, поранили, тогда оні гайдамаки на нихъ залпомъ випалили и, разъярясь, всѣ вдругъ бросились на списахъ на нихъ и начали въ томъ обозе грековъ купцовъ и ихъ фурманциковъ немилостиво колоть, и съ коихъ и онъ Котляръ двухъ человѣкъ заколол, а протчіихъ, какъ онъ видѣлъ, кололи атаманъ Швидкій, гайдамаки: незамаевскаго куреня Карпо Кирпа, пашковскаго Андрѣй Гараджа, криловскаго Іванъ Бойко, бруховецкаго Яцко Кравець, Савка Кравець, да поповичевого прозваніемъ Безкровній, а имя не знаетъ, батуринского Остроухъ, платнеревского Чабанъ, а хто именно и сколко кто, тожъ и другіе, кромѣ вишпеписаннихъ, хто оnихъ купцовъ кололи, какъ-то оны, по своей злодѣйской злой ярости, всѣ кололи, не знаетъ. И какъ всѣхъ кололи, тогда тотъ часъ гайдамаки куреня брюховецкого Яцко Кравець, вскоча на бричку, а на возъ, на коемъ была будка, атаманъ гайдамацкій Швидкій, и розрѣзавъ онія,—одну бричку и возъ, товари и пожитки на землю бросали и

изъ будки-жъ всѣ товари и пожитки, а изъ одной брички меншую половину товаровъ толко что на землю вибросили, тогда и оставленніи ихъ товарищи гайдамаки, сорокъ человѣкъ, при харчевихъ возахъ и къ нимъ при самомъ светѣ приехали. И въ то время оніе товари и пожитки всѣ гайдамаки на оніе вози какъ стали класть, то онъ Котляръ видѣлъ, что были лисіи три меха, горностаевіе, тхоревіе, бѣліе и чорніе сѣбѣрковіе мехи-жъ, и лисѣи горла, а сколко чего, онъ за темъ, что одинъ передъ другимъ всякъ, хватая, бросали на вози, тожъ и денегъ, серебранной и золотой монети, сколко взято, не знаетъ. И при той поклажѣ товаровъ какъ увидѣли, что полскіе, уманскіе и савранскіе козаки за ними гайдамаками погоню чинять и къ нимъ приближаются, тогда они гайдамаки, спѣша, чтобъ одъ той погонѣ уйти, одъ техъ возовъ съ пограбленними десятми лошадми съ возами во уходъ пошли. И одъ техъ возовъ съ версту отошли, или нетъ, то какъ та козацкая погоня къ нимъ приближася, даже до состоящей за рекою Бугомъ Опiсковой Стейки, стреляя на нихъ, гналися, а они гайдамаки противу пустя вози свои впередъ, въ отпоръ палбу чинили, точію какъ изъ ихъ гайдамакъ, такъ и изъ уманскихъ козаковъ ни одного человѣка не убили и не поранили, а толко при той Описковой Стейки исъ пограбленнихъ ими гайдамаками десяти лошадей восѣмъ уманскіе и савранскіе козаки одъбили и одътоля съ оними возвратилися, а они гайдамаки пошли полскимъ савранскимъ трактомъ и пришедъ до вершини реки Кодими, тамо́ оные пограбленніе въ показаннихъ купцовъ товари избросали съ возовъ въ одно место, такожъ и денги атаманъ, червонцовъ до пяти, россійской рублевой турецкой и полской монетъ, на килимъ висыпалъ, а всего было по рощоту атаманскому сто рублевъ, да после того гайдамаки куреня крыловского Іванъ Бойко, незамаевского Карпо Кирпа две бумажки, какъ-бы червонци, принесли, то онъ атаманъ взялъ оніе и облвилъ якобы «личмани» [1]) и онихъ въ поделъ не представилъ, а протчіе всѣ вещи сто рублевъ денегъ роздѣлилъ онъ, атаманъ, всѣмъ. По которому роздѣлу досталося ему Котляру рубль и пять копѣекъ, и мѣхъ сѣбѣрковій единъ, тхоровій одинъ, горностаявого половина, котячій чорной одинъ, куница

[1]) Мѣдные для игры въ карты жетоны, или «личманцы».

виделанная одна, смушекъ болгарскій одинъ, лисѣхъ горлъ десять, бѣлокъ недѣланнихъ пять, горносталя одинъ, тхоровъ два, а кому съ товаровъ въ подѣлъ недостало, то вмѣсто того исъ пограбленного въ техъ купцовъ платья, тожъ три ружья, пару пистолетовъ и протчіе въ подѣлъ давали, а сколко кому чего досталось какихъ вещей, не знаетъ. А часи золотіе карманніе, лисѣй мѣхъ и саміе лутшіе и съ товаровъ вещи, и двѣ пари пистолетъ атаманъ Швидкій оставилъ безъ роздѣлу для подарунку обрѣтающемуся Сѣчи запорожской въ Гарду полковнику зъ старшиною, какъ-то у нихъ гайдамакъ всегда бываетъ, что по возвратѣ изъ грабителства оную гардовую старшину дарують, и для того въ Гардъ какъ зъ гайдамачества прійдутъ, то дають они гайдамаки исъ пограбленнихъ пожитковъ старшинѣ, и потому ихъ гайдамакъ какъ полковникъ, такъ и старшина, хотя они гайдамаки, приходя въ Гардъ, въ базаре пянствуютъ и харчь покупаютъ, подъ караулъ не берутъ, да еще естли когда изъ Сѣчи запорожской для поиску ихъ гайдамакъ обездка бываетъ, то ихъ старшина скриваетъ.

По роздѣлѣ-жъ онихъ пожитковъ они гайдамаки, переночовавъ, пошли въ Мигейскій островъ, где самое ихъ гайдамацкое укривателное мѣсто состоитъ. И по приходѣ въ оной островъ на другой день оной атаманъ изъ гайдамакъ двухъ человѣкъ, одного Карпа, а другого какъ звать и прозваніемъ, не знаетъ, послалъ въ Гардъ за полковникомъ и за асауломъ гардовими, съ обявленіемъ, что де они гайдамаки прибыли зъ гайдамачества съ пограбленными изъ Полщи вещми, и дабы для взяття оставленнихъ имъ подарковъ пріежжали къ нимъ, гайдамакамъ, въ оній островъ, а его Котляра оній-же гайдамацкій атаманъ для покупки и привозу имъ, гайдамакамъ, за шестьдесятъ копѣекъ хлѣбного вина, на бродъ рѣки Синюхи послалъ. И онъ Котляръ, выкопавъ въ томъ островѣ закопанніе имъ денги восѣмъ рублей, кои онъ, напередъ того продавъ двѣ лошадѣ, получилъ и взявъ въ томъ островѣ у рыбалокъ возъ, туда и поехалъ, а по пріездѣ въ карантинномъ домѣ, у маркитанта, а какъ зовуть, не знаетъ, оного вина за восемъ рублевъ и шестьдесятъ копѣекъ купя и тѣмъ гайдамакамъ чрезъ два дни въ оной островъ привезъ. И по приездѣ его Котляра въ оной островъ на другой день изъ Гарду асаулъ гардовій, куреня

величковскаго, Игнатъ Мандро, къ тѣмъ гайдамакамъ въ полдни приехалъ, гдѣ пероночевавъ они гайдамаки изъ оставленнихъ гайдамацкихъ вещей для подарку полковнику гардовому и оному асаулу зъ старшиною дали: часи золотіе карманніе, лисей мѣхъ, цепочку медную съ футляромъ, въ коемъ зеркало, табакирка и пороховая натруска, а еще что атаманъ гардовому асаулу давалъ, онъ не знаетъ, да гайдамаки каждій отъ себе ему-жъ асаулу давали смушки булгарскіе, куници и другіе вещи (а что именно кто давалъ, не знаетъ), а онъ Котляръ далъ ему асаулу смушекъ булгарскій. Какъ-же продалъ оной Котляръ тѣмъ гайдамакамъ купленное вино рублевъ за пятнадцять или болѣе (а подлѣнно за сколко, не знаетъ): ружье за чотири рубли, рогъ пороховой за восѣмъдесятъ копѣекъ, шапку за едного рубля, списъ за пятьдесятъ копѣекъ, шаравары за два рубли и сорокъ копѣекъ, то на тѣ всѣ денги у онихъ товарищей своихъ покупилъ мехи тхоровіе, сѣбѣрковіе, лисѣи горлы, горносталъ и тхори недѣланніе (а сколко чего и у кого именно купилъ, не знаетъ) да вѣвчуру [1]) волчую у запорожского козака, куреня переясловского, прозваніемъ Полового, за шесть рублевъ. Которое поклавъ въ боченокъ, у оного забивъ дна, а другія положивъ въ сакви волосеніе и одинъ мешокъ, и нанявъ будущого тамо для рибной ловлѣ рибалку (а отъкуда онъ тотъ рибалка, не знаетъ; заведомо, что онъ для одъвозу), до карантинного дому поехалъ. И прибывъ во оной, явился въ состоящего тамо у оберъ-афицера, у коего и данной ему, Котляру, изъ магистрата пашпортъ находился, и оному объявилъ, что уже онъ Котляръ съ рибной ловлѣ едетъ въ домъ свой, въ крѣпость святія Елисаветы. Тогда ему Котляру оной оберъ-афицеръ сказалъ, что однако де карантиннаго дому лекарь едетъ въ крепость-же святія Елисаветы, а съ нимъ козацкой порожной возъ будетъ, то де и его Котляра свезетъ, почему онъ тѣмъ козакамъ какъ боченокъ, такъ сакви и мешокъ съ тѣми вещми въ вечеру на возъ положилъ, которыхъ вещей какъ оберъ-афицеръ, такъ и нихто не видалъ, а козаки хотя съ нимъ Котляремъ на возъ тотъ боченокъ, сакви и мешокъ съ вещми и клали, но что въ онихъ есть, не спрашивали и онъ имъ не сказивалъ. Съ которымъ лекаромъ на томъ

[1]) Тулупъ, мѣхомъ вверхъ; вѣвчура волчая — шуба волчья.

козацкомъ возу онъ Котляръ даже до крепости святія Елисавети ехали, и какъ передъ заходомъ сонца къ крепости пріехали, то лекарь въ передѣ ихъ поехалъ на квартиру, а онъ Котляръ умишленно, чтобъ его нихто не видалъ и подъ караулъ не взялъ, а толко-бъ въ ночи сходя къ бургомистру Звенигородскому явиться, сказалъ тому козаку, чтобъ вдаль стать слободы и лошади попасть, гдѣ и пасли даже до ночи. А какъ смеркло, то они, запрягъ въ возъ лошади, поехали. И прибывъ въ домъ, боченокъ и сакви и мешокъ зложа, тому козаку за пять копѣекъ хлѣбного вина какъ далъ и оной выпилъ, тогда тотъ козакъ отъ него и поехалъ (а какъ его зовутъ и прозиваютъ и которого полку, не знаетъ), а онъ Котляръ, поужинавъ и выпивъ за пять-же копѣекъ вина, мало еще обождавъ, чтобъ позние было, вынявъ изъ саковъ исъ техъ гайдамацкихъ вещей сѣбѣрковій мѣхъ и куницу едну, къ магистратскому бургомистру Звенигородскому въ домъ его пойшолъ, и оное принесши, ему Звенигородскому въ руки отъдалъ. Которой бургомистръ его, где оное взялъ, спрашивалъ, и онъ ему бургомистру обявилъ, что де купилъ въ Мягейскомъ островѣ, почему оной бургомистръ, принявъ отъ него Котляра тѣ вещи и взявъ его, Котляра, и асаулця Якима Лозовенка съ собою, пошедъ въ домъ, и какъ толко съ нимъ онъ бургомистръ пришелъ въ домъ, то онъ Котляръ, какъ былъ пянъ, легъ въ сѣняхъ спать, а онъ бургомистръ зъ асаулцемъ пошолъ къ женѣ его Котляревой и тѣ въ боченкѣ и саквахъ всѣ вещи при женѣ его Котляра осмотря, взялъ вѣвчуру волчую (а еще что исъ товаровъ бралъ, не знаетъ), и оставля его Котляра въ домѣ исъ тѣми пожитками, пошелъ въ свой домъ, а поутру, еще до пробитія утренной зарѣ, онъ Котляръ, проспавшися, всталъ и пошелъ въ избу. Тогда жена его Котлярева сказала, что бургомистръ де Звенигородской приказалъ, когда онъ Котляръ проспится, тобъ де пришолъ къ нему Звенигородскому, почему онъ Котляръ тотъ часъ къ нему Звенигородскому въ домъ и пошелъ. И какъ толко въ избу вошелъ, то оной Звенигородской ему Котляру обявилъ, чтобъ ишелъ къ брегадирному канцеляристу Данилѣ Івановичу, и потому онъ Котляръ, пошедъ въ домъ и взявъ изъ тѣхъ гайдамацкихъ вещей сѣбѣрковой мѣхъ, чтобъ нихто не видалъ, подъ полу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ оному канцеляристу Иванову подарить,

пошелъ, и толко что въ дворъ оного канцеляриста вошелъ, какъ за нимъ и оной бургомистръ въ слѣдъ на дворъ вошедши, ему Котляру сказалъ, чтобъ онъ въ его канцеляриста Иванова людскую избу ишелъ, а онъ де бургомистръ объ немъ Котлярѣ обявитъ, и бывъ у оного, объ немъ Котлярѣ Звенигородскій что говорилъ-ли, не знаетъ. А какъ одъ него канцеляриста онъ бургомистръ вишедъ, то сказалъ ему Котляру, чтобъ ишелъ съ нимъ въ домъ, почему онъ съ нимъ бургомистромъ и со взятіемъ для подарунку оному канцеляристу сѣбѣрковымъ мѣхомъ пошли. И по приходѣ въ здешнюю слободу бургомистръ Звенигородскій въ свой, а онъ Котляръ въ свой-же дворъ пошелъ, и какъ толко въ избу онъ Котляръ войшелъ; то вслѣдъ за нимъ магистратской асаулецъ Лозовенко пришедъ, взялъ его Котляра безъ тѣхъ гайдамацкихъ вещей и привелъ къ крепости святія Елисавети въ магистратъ, гдѣ и одданъ подъ караулъ, а после того погодя мало и оніе гайдамацкіе вещи какъ принесенни, то его Котляра, забивъ въ колодки, исъ того магистрата въ канцелярію его високородія господина брегадира и крѣпости святія Елисавети коменданта, Алексѣя Ивановича Глебова отосланъ, а одътоль сюда присланъ. Кромѣ-же вишеписаннаго на воровствахъ и грабительствахъ не бивалъ, пожегъ и смертноубійства не чинилъ и о всемъ показалъ праведно, въ чемъ и подписуюся своеручно».

«Подлинній черный допросъ по листамъ скрѣпилъ и съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ заднепрского слободского новопоселяемого за чертою Новой Сербіи козачего полку

Полковій писарь *Василій Семеновъ*.

Прочитавъ этотъ безхитростный, чуждый всякаго хвастовства и прикрасъ, а потому несомнѣнно правдивый разсказъ одного изъ участниковъ гайдамацкаго наѣзда и сопоставивъ его съ экстрактомъ гайдамацкихъ грабежей, приведеннымъ выше, невольно спросишь: какимъ образомъ такіе выдающіеся магнаты, какъ оба графа Потоцкіе или князь Четвертинскій, имѣвшіе у себя, по тогдашнему обычаю, не только огромную дворню, но сотни стрѣльцовъ для охоты и цѣлыя хоругви козаковъ и драгунъ, а въ должности управляющихъ имѣніями, или губернаторовъ, большею частію «товарищей» народовой гвардіи польской, могли допустить, чтобы шайка гайда-

макъ въ 80, а иногда въ 40 и менѣе человѣкъ, выйдя изъ запорожскихъ степей и овраговъ, могла перебраться за границу, пройти ихъ имѣнія и отъ Кодыми и Синюхи верстъ за 200 проникнуть въ глубь Подоліи, й съ массою добычи и цѣлымъ табуномъ лошадей благополучно, въ полномъ почти составѣ, возвратиться въ тѣже степи? Многое можно было-бы сказать въ отвѣтъ на этотъ вопросъ; но мы, держась въ предѣлахъ сообщаемыхъ нами документовъ, ограничимся только указаніемъ на ту панику, какую производило всегда нечаянное нападеніе гайдамакъ, на ту силу, опытность и искусство, какія сообщало имъ участіе прославленныхъ «лыцарей»-запорожцевъ, на ту наконецъ «ярость злодѣйскую», съ которой гайдамаки нападали и отбивались и о которой не по приказу-же допрашивавшихъ не разъ упоминаетъ въ своемъ показаніи гайдамака Котляръ. Польскіе магнаты и паны, чувствовавшіе на себѣ всю тяжесть гайдамачества и трепетавшіе при одномъ имени гайдамакъ, отлично понимали, что вся сила гайдамачества въ Запорожьѣ и что имъ самимъ не справиться съ этимъ страшнымъ бичемъ, а потому они обращались съ жалобами къ русскимъ властямъ, не безъ основанія разсчитывая посредствомъ ихъ произвести давленіе на Кошъ, и вмѣстѣ униженно заискивали у кошеваго, вполнѣ увѣренные въ томъ, что, при благосклонности кошеваго, въ Запорожьѣ, а не гдѣ либо, можно найти и самихъ нападавшихъ гайдамакъ и пограбленное ими панское добро. Въ подтвержденіе сказаннаго мы приведемъ тѣ пять писемъ польскихъ пановъ къ кошевому атаману, о которыхъ упомянули выше,—три изъ нихъ въ современномъ переводѣ сѣчевой канцеляріи, а два въ переводѣ, сдѣланномъ нами съ польскихъ оригиналовъ, находящихся у насъ. Добавимъ къ нимъ еще отвѣтное письмо кіевскаго генералъ-губернатора, вызванное письмами польскихъ пановъ.

Первое изъ помѣщаемыхъ писемъ относится къ 1764 году, къ той порѣ, когда мѣрами, принятыми относительно запорожцевъ, набѣги гайдамакъ были нѣсколько ослаблены, хотя далеко не прекращены, и когда обиженные получили уже возможность искать себѣ удовлетворенія. Письмо это принадлежитъ командиру «лебединской Луки» [1]), т. е. отряда народовой гвардіи, Казиміру Добр-

---

[1]) *Лебединъ* — мѣстечко и монастырь въ кіевской губерніи.

жанскому и писано имъ къ кошевому атаману запорожской Сѣчи, Филиппу Федорову. Оно живо характеризуетъ писавшаго и тотъ страхъ, какой наводило появленіе хотя-бы одного или двухъ гайдамакъ. Добржанскій пишетъ, когда страхъ давно уже прошелъ, пишетъ смѣло, нѣсколько даже грозно, но это потому, что онъ получилъ точныя свѣдѣнія какъ о лицахъ, его ограбившихъ, такъ и о томъ, куда попали его деньги и вещи. Вотъ что онъ писалъ.

Ясне-Вельможный Добродію!

Наѣздомъ прежнихъ лѣтъ охотниковъ запорожскихъ въ нашихъ польскихъ границахъ, преимущественно въ смилянской вотчинѣ его свѣтлости князя Станислава Любомірскаго, подстолія коронного, я ниже писанный, съ роднымъ братомъ моимъ Іосифомъ Добржанскимъ, подъ с. Вязовцемъ въ руднѣ [1]), Черницей называемой, отъ Мануйла ватажка, изъ куреня джерелѣевскаго потерпѣлъ значительную обиду и потери. На этой руднѣ упомянутый Мануйло, съ своимъ товарищемъ, ждалъ насъ уже два дни и, бросившись на насъ, отнялъ: готовыхъ денегъ 4,000 злотыхъ польскихъ, 5 лошадей, богатыхъ поясовъ 4, стоющихъ 4 червонцевъ, богатыхъ платьевъ 4 пары и ручнаго оружія 8 штукъ. Все это съ дорожними пожитками всего стоитъ слишкомъ 5,000 злотыхъ.

Потери моей до сихъ поръ получить не могу, хотя достовѣрно знаю чрезъ другихъ козаковъ, что не изъ другого, а именно съ джерелеевскаго куреня былъ Мануйло ватажокъ и его сообщникъ, кои меня и брата ограбили, и что по случаю его смерти мое имущество съ его собственнымъ добромъ перешли въ тотъ-же курень, или-же въ вѣденіе высокаго кошеваго начальства. Хотя-же упомянутые однокуренные козаки увѣряютъ, что Мануилъ за свои преступленія въ Сѣчи повѣшенъ, но я убѣжденъ, что мое добро съ нимъ-же не повѣшано, а потому, помня это, я прошу полнаго мнѣ удовлетворенія.

Я находясь на посту у своей команды, на «Лукѣ» лебединской, далъ козакамъ 2 лошади изъ отнятыхъ у гайдамакъ, меня ограбившихъ, и паспортъ на свободное слѣдованіе къ в. в. Надѣюсь, что и

---

[1]) Вязовецъ или Вязавокъ село черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи. *Рудня*—мѣсто, гдѣ добываютъ желѣзную руду. *Ватажокъ*—атаманъ гайдамацкаго отряда.

вы не оставите моей просьбы безъ удовлетворенія, иначе я вынужденъ буду самъ другими средствами вознаградить себя.

Нынѣ остаюсь съ приличнымъ почтеніемъ ясне вельможнаго пана нижайшій слуга

Казиміръ Добрянскій.

Итакъ командиръ отряда «гвардіи народовой», вмѣстѣ съ братомъ и вѣроятно съ слугою или двумя,—ибо съ нимъ было 5 лошадей, притомъ вооруженный, далъ себя ограбить двумъ гайдамакамъ, даже до снятія съ него и бывшихъ съ нимъ одежды! Теперь онъ храбро требуетъ себѣ полнаго удовлетворенія, грозитъ даже изъ своей рудни кошевому. Любопытно было-бы знать, какими другими средствами онъ надѣялся удовлетворить себя и удовлетворилъ-ли вообще. Такихъ свѣдѣній въ нашихъ бумагахъ не нашлось, а между тѣмъ если кто, то запорожцы могли тогда говорить о себѣ, что съ нихъ взятки гладки.

Иначе заговорили и болѣе важные паны спустя 4 года, когда доведенный ими-же, въ союзѣ съ латино-уніатскимъ духовенствомъ, до отчаянія украинскій народъ поголовно почти ушелъ въ гайдамаччину и затопилъ кровью свою родную землю. Слѣдующее письмо относится именно къ началу возстанія 1768 г. и даетъ свѣдѣнія о первыхъ дѣйствіяхъ гайдамакъ и ихъ предводителя Максима Желѣзняка. Вотъ что объ этомъ писалъ губернаторъ черкасскій Александръ Почельскій отъ 17 іюня того года запорожскому кошевому П. И. Калнишевскому:

Ясневельможный господинъ кошевой, въ сосѣдствѣ вѣрный другъ и благодѣтель!

Хотя мое искреннее желаніе было услужить вашому высокоблагородію въ доставкѣ 10,000 дряницъ и строевыхъ плитокъ въ Старую Сѣчь, но уже или моимъ несчастіемъ, или-же настоящая печальная пора мнѣ это воспретила, ибо Максимъ Желѣзнякъ съ Медвѣдемъ Высокимъ, «съ кровавыми глазами», и 4 другихъ, которыхъ имена мнѣ неизвѣстны, распространили между людьми извѣстіе, будто они посланы нарочно изъ Коша, дабы всѣхъ поляковъ и жидовъ до единаго истребить, а имущества ихъ и доходы помѣщиковъ въ свою пользу забрать. Хлопство, шалостей и грабительства охочее, пристало и совокупилось съ этими

ватажками, въ числѣ болѣе 800 человѣкъ, которые уже болѣе 1,000 душъ убили, имущества и скотъ грабятъ, дома разоряютъ и уничтожаютъ. Меня тоже одно милосердіе Божіе защитило, что я съ женою, дѣтьми и нѣсколькими, въ командѣ моей находящимися поляками, сюда уже на русской сторонѣ спасся [1]); у меня, убогаго человѣка, грабители въ деньгахъ и пожиткахъ до 3,000 руб. ограбили. А съ имѣнія е. с. князя Сангушки захватили 148 воловъ, 50 отличныхъ коровъ и всякаго добра болѣе чѣмъ на 110,000 злотыхъ, кромѣ купеческихъ товаровъ, въ замкѣ черкаскомъ на складѣ находившихся. У поселянъ е. с. князя старосты черкасскаго на 40,000 разоренія учинено. Однимъ словомъ: страшно и подумать, какія насилія и грабительства дѣлаются, увѣряя всѣхъ, что они дѣйствуютъ по приказанію вашего высокоблагородія, нашего благодѣтеля! Но вскорѣ обманъ ихъ былъ обнаруженъ пришедшими сюда изъ Сѣчи козаками. Они показали, что это просто негодяи, а не высланные по вашему приказу люди, что вскорѣ еще болѣе обнаружилось, когда гайдамаки теперь грабятъ и зажиточныхъ хозяевъ, когда уже не стало панскихъ усадьбъ.

Вотъ почему я не могъ исполнить порученія в. в. на счетъ драницъ и дерева строеваго, которыя я уже и купилъ и моими деньгами заплатилъ, въ чемъ и сама громада черкасская засвидѣтельствуетъ. Но теперь, при нынѣшнихъ безпорядкахъ, ни лѣсу, ни денегъ отыскать не могу. Развѣ какъ самъ Господь Богъ успокоитъ нынѣшніе невзгоды и сохранитъ и мою жизнь, то не медля исполню ваши желанія, дабы доказать, что желаю сохранить сосѣдственную мою дружбу и снискать ваше расположеніе.

Двумя днями позже, именно 19 іюня 1768 г. о тѣхъ-же печальныхъ событіяхъ, т. е. общенародномъ возстаніи и его жестокихъ проявленіяхъ губернаторъ тарговицкій [2]) Яковъ Квяткевичъ, управлявшій одною изъ вотчинъ главнѣйшаго на Украйнѣ богача гр. Ф. С. Потоцкаго, писалъ слѣдующее тому-же кошевому, прося его помощи и защиты:

---

[1]) Письмо послано изъ Иркліева, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра.

[2]) Тарговица м. подольской губерніи, извѣстное по конфедераціи, рѣшавшей паденіе Польши.

Во время настоящаго безпокойства польской конфедераціи [1]) началась мятежъ между народомъ въ чигринской, смѣлянской и лисянской «губерніяхъ» (вотчинахъ) и такъ распространилась, что уже и до уманской «губерніи» приближается. Уже не мало дворянства, почтенныхъ поссесоровъ, имѣнія Потоцкаго арендующихъ, жестоко убиваютъ, грабятъ все имущество и скотъ, увѣряя, что «войско запорожское», нарочно для этой цѣли изъ Коша отправленое, имъ помогаетъ, и къ мятежу народъ насильно принуждаютъ. А потому я чрезъ посредство вашихъ депутатовъ, прибывшихъ въ Архангелогородъ [2]) на пограничную съ польскимъ брацлавскимъ воеводствомъ коммисію, убѣдительнѣйше *у ногъ вашихъ* прошу ваше высокоблагородіе, чтобы, изъ уваженія къ сосѣдственной дружбѣ вашей къ его сіятельству, кіевскому воеводѣ (гр. Потоцкому), предписать бугогардовой поланкѣ, объѣздами запорожскихъ козаковъ по польской границѣ, гайдамакъ прогонять и удерживать и о томъ меня письменно извѣстить. Объ этомъ и самъ его сіятельство воевода писать къ вашему высокоблагородію будетъ.

Что касается до меня лично, то, въ случаѣ крайней опасности, я-бы просилъ позволенія воламъ моимъ и лошадямъ на запорожскихъ степяхъ около Гарду укрыть до тѣхъ поръ, пока, при помощи Божіей, эти смятенія прекратятся, за что я по смерть благодаренъ вашему высокоблагородію буду.

Этотъ Квяткевичъ, одинъ изъ не многихъ уцѣлѣвшихъ въ то время польскихъ дворянъ, былъ послѣ уманскимъ «губернаторомъ» на мѣсто убитаго Рафаила Младоновича.

Извѣстно, что охватившія тогда всю Украйну «смятенія» (характерный терминъ, получившій въ ту пору едва-ли не всеобщее

---

[1]) Разумѣется конфедерація барская, т. е. вооруженное собраніе въ Барѣ всей недовольной королемъ и русскою политикою шляхты, мечтавшей поднять всю Польшу и Украйну противъ Россіи для сохраненія шляхетскихъ вольностей. Извѣстно ближайшее участіе въ ней самаго папы и польско-католическаго духовенства, поднимавшихъ шляхту противъ короля по поводу дарованныхъ, по настоянію Россіи, вѣроисповѣдныхъ льготъ православному населенію Украйны и Бѣлоруссіи, которое предъ тѣмъ поголовно приводимо было путемъ жесточайшихъ насилій въ унію.

[2]) Ново-Архангельскъ, городокъ херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, тогда пограничный шанецъ ново-сербскаго военнаго поселенія.

употребленіе), поднятыя во имя Россіи, прекращены силою русскаго-же оружія. Недостойнымъ обманомъ гайдамаки захвачены были въ расплохъ; начался разборъ и жесточайшая расправа: гайдамакъ изъ запорожцевъ, какъ русскихъ подданныхъ, судили въ Кіевѣ и Глуховѣ, били кнутомъ и ссылали въ Сибирь, остальныхъ изъ украинскихъ крестьянъ предавали въ руки поляковъ. Два почти года продолжалось выискиваніе всѣхъ, кто какое либо принималъ участіе въ возстаніи и вмѣсто нелегальнаго истребленія поляковъ и жидовъ шло легальное истребленіе возставшихъ украинцевъ. Въ это время только и слышно было, что о казняхъ гайдамакъ, а не объ ихъ уже набѣгахъ. Но устали руки палачей, наступило затишье и запорожцы снова подняли голову, а съ ними ожило и гайдамачество,—неизбѣжное послѣдствіе продолжавшагося въ Украйнѣ, Волыни и Подоліи соціально-религіознаго гнета. Къ этому времени относятся приводимыя ниже въ современномъ переводѣ льстивыя письма двухъ польскихъ вельможъ, писанныя ими къ злополучному кошевому, П. И. Калнишевскому, который чрезъ два года былъ сосланъ въ Соловки, гдѣ долго томился и умеръ въ заключеніи.

Пишетъ графъ Федоръ Потоцкій [1]), генералъ-командиръ всей польской артилеріи, убогому Калнишу въ такихъ выраженіяхъ.

Ясневельможный, милостивый благодѣтель!

Возвѣщенная во всеобщую извѣстность многоразличными способами, а особливо чрезъ опубликованную декларацію протекція ея царской милости, найяснѣйшей императрицы обезпечиваетъ всему народу польскому сохраненіе его въ совершенномъ спокойствіи. Въ этой увѣренности утверждаетъ всѣхъ насъ и циркуляръ его сіятельства, князя [2]).

Но вотъ теперь собственные мои подданные, жители мѣстечка Чурилова, безъ всякой вины, лишились всего своего имущества, разграбленнаго кошевыми козаками; потери ихъ простираются до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, какъ въ этомъ удостовѣряютъ разслѣдованія, произведенныя на мѣстѣ.

[1]) Если не ошибаемся, это былъ братъ знаменитаго археолога *Ивана* и *Северина*, перваго попечителя харьковскаго учебнаго округа. *Потоцкій* Северинъ основалъ м. *Севериновку* близъ Одессы.

[2]) Разумѣется русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Петръ Өедоровичъ Голицынъ.

Не можемъ поэтому не впасть въ тревогу, не можемъ не обратиться къ вамъ, ясневельможному пану благодѣтелю, представляющему собою найвысшую въ томъ пограничьѣ власть, съ нашею глубокою просьбою, дабы вы приказали какъ воздержать выходящихъ въ нашъ край, такъ и вознаградить столь тяжкую потерю моихъ подданныхъ возвратомъ имъ ихъ собственности.

Въ надеждѣ на это утверждаетъ насъ высоко цѣнимая нами сосѣдственная пріязнь ваша и то пріятнѣйшее расположеніе, ради котораго я готовъ навсегда быть, съ отличнымъ высокопочитаніемъ, вашимъ, ясневельможный панъ благодѣтель, сосѣдственно любящимъ пріятелемъ и нижайшимъ слугою

Өедоръ Потоцкій, староста смотрицкій,
корпуса коронной артиллеріи генералъ.

15 апр. 1773 г.
Городенька.

Другое письмо принадлежитъ князю Четвертинскому и написано въ тонѣ еще болѣе льстивомъ. Начнемъ съ адреса, который надписанъ въ слѣдующей формѣ:

Ясневельможному пану Калнишевскому, генералъ-лейтенанту, коменданту запорожскихъ войскъ, ясневельможному пану, любезнѣйшему сосѣду и благодѣтелю, въ арміи [1]).

Послѣ обычнаго обращенія, этотъ богачъ-магнатъ пишетъ Петру Калнишу слѣдующее:

Громкой молвой носится въ краѣ нашемъ ваша, ясневельможный панъ благодѣтель, справедливость, по поводу арестованія вами козаковъ, разорявшихъ въ прошломъ году наши дома и имѣнія.

Она будетъ тѣмъ славнѣе, если въ добавокъ къ этому, какъ уже вы и обѣщали, прикажете имъ-же удовлетворить потерпѣвшихъ, возвративъ заграбленное у нихъ.

А какъ и мое мѣстечко Марковка не избѣжало того-же несчастья, ибо и оно на другой день послѣ разоренія м. Джурина было также разграблено тѣми козаками, то довожу объ этомъ до вашего, ясне-

[1]) Кошевой съ отрядомъ запорожцевъ находился тогда, во время турецкой войны, въ русской арміи и стоялъ подъ Очаковымъ.

вельможный панъ благодѣтель, свѣдѣнія, дабы вы властію своею приказали и то мѣстечко мое Марковку вознаградить за причиненныя ему разоренія и потери по поданному тамошними мѣщанами, моими подданными, реестру.

Этимъ вы окажете истинную ко всѣмъ справедливость, которая служитъ украшеніемъ для самыхъ высокихъ должностей и которую я высоко цѣня въ вашей, ясневельможный панъ благодѣтель, особѣ, обязываюсь быть, съ глубокимъ уваженіемъ, вашимъ, ясневельможный панъ благодѣтель, нижайшимъ слугою.

Антоній Янъ-Непомукъ, князь Святополкъ-Четвертинскій, стольникъ брацлавскій, шамбелянъ его королевской милости [1]).

16 іюня 1773 г.
Изъ Марковки.

Два магната, такъ лебезившіе теперь предъ кошевымъ, раньше забѣгали съ жалобою и просьбою по тому-же дѣлу къ грозѣ гайдамакъ, казнившему ихъ тысячами послѣ уманской рѣзни, кіевскому генералъ-губернатору Федору Матвѣевичу Воейкову. Предъ нами письмо послѣдняго къ эконому одного изъ названныхъ магнатовъ, нѣкоему Радковскому, чрезъ котораго Воейковъ препровождалъ отвѣты графу Потоцкому и князю Четвертинскому. Письмо писано на польскомъ языкѣ, вполнѣ чисто и правильно. Безъ сомнѣнія на томъ-же языкѣ написаны были отвѣты и самимъ магнатамъ. Не можемъ не отмѣтить этого обстоятельства для характеристики русско-польскихъ отношеній того времени. Въ періодъ украинскаго возстанія 1768 г., когда польскимъ панамъ грозило поголовное избіеніе отъ разъяренныхъ крестьянъ, добивавшихся не чего либо другаго, а освобожденія отъ польскаго ига и подданства русской царицѣ, русскіе сановники обнаружили крайнюю заботливость о судьбѣ пановъ: Румянцевъ нѣжно оберегалъ и продовольствовалъ ихъ на лѣвобережьѣ, князь Прозоровскій въ предѣлахъ Ново-Сербіи, Кречетниковъ на границѣ Украйны и Волыни; русскія войска наводнили Украйну, задавили гайдамакъ и привели народъ въ покор-

[1]) Князь Антонъ Четвертинскій перешелъ на службу ко двору императрицы, выдалъ свою дочь Марію, извѣстную красавицу, за одного изъ русскихъ вельможъ и выстроилъ въ Одессѣ домъ на бульварѣ, въ которомъ теперь живутъ генералъ-губернаторы.

ность панамъ. Тѣхъ и другихъ, помимо требованій непонятной политики, связывали узы крѣпостничества и взглядъ на народъ, который для однихъ былъ «быдломъ», для другихъ «скотомъ». Но оберегаемые и спасаемые русскимъ оружіемъ польскіе паны, даже простые шляхтичи писали русскимъ сановникамъ не иначе, какъ на польскомъ языкѣ, а русскіе сановники отвѣчали имъ, какъ и въ данномъ случаѣ, на ихъ-же языкѣ. Приводимъ упомянутое письмо Воейкова въ переводѣ съ польскаго оригинала; оно имѣетъ ближайшее отношеніе къ дѣлу гайдамакъ.

Вельможный, милостивый панъ экономъ
Янушградскій!

Изъ вашего, вельможный панъ, письма, присланнаго изъ Мытницы и приложенныхъ къ нему писемъ ясне-освѣцоного князя Четвертинскаго и ясневельможнаго Потоцкаго освѣдомился я о жалобѣ вашей на грабежи, причиненные шайкою запорожскихъ козаковъ.

Изъ этой-то шайки пойманъ и доставленъ сюда одинъ, называющійся Иванъ Трещотка.

Но какъ онъ на допросѣ здѣсь зачинщикомъ и предводителемъ во всѣхъ тѣхъ злодѣяніяхъ называетъ нѣкоего волошина Григорача, проживающаго въ новороссійской губерніи въ м. Орликѣ [1]), то, для вѣрнѣйшаго разслѣдованія и розыска другихъ виновныхъ, онъ тотчасъ по доставкѣ его сюда отосланъ въ новороссійскую губернскую канцелярію. Въ этомъ смыслѣ отвѣты мои я. о. князю Четвертинскому и я. в. Потоцкому посылаю на ваши, вельможный панъ, руки, а что по этому дѣлу послѣдуетъ, о томъ, по полученіи донесенія изъ новороссійской губернской канцеляріи, не премину увѣдомить васъ, оставась притомъ вашимъ, вельможный панъ, покорнымъ слугою

Ѳ. де-Воейковъ.

7-го марта 1773 г. Кіевъ.

Какъ ни предупредителенъ былъ относительно князя Четвертинскаго и графа Потоцкаго грозный для гайдамакъ Воейковъ; но, видно, путь чрезъ него и новороссійскую канцелярію показался имъ кружнымъ, или вовсе не привелъ къ желаемой цѣли, и они, какъ

[1]) Нынѣ Ольвіополь, херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда.

мы уже видѣли, предпочли обратиться къ непосредственному начальнику запорожцевъ, кошевому атаману П. И. Кальнишевскому. Дѣло ихъ облегчилось еще тѣмъ, что какой-то жидъ корчмарь, чрезъ своего знакомаго въ кошѣ, провѣдалъ и извѣстилъ, что много награбленныхъ вещей отыскано у арестованныхъ козаковъ и ихъ пріятелей въ Орликѣ. Прибывшіе съ дозволенія кошеваго, находившагося тогда въ походѣ близъ Очакова, обиженные евреи и шляхтичи, согласились окончить миромъ столь пагубное для чести войска дѣло, и получить, вмѣсто потерянныхъ вещей въ натурѣ, денежное вознагражденіе, опредѣленное на сходкѣ куренныхъ атамановъ въ суммѣ 7,559 руб. 60 коп. 7-го іюля 1773 г. потерпѣвшіе, по собственному ихъ согласію, получили круглымъ счетомъ, серебренною монетою, 6,000 руб. и въ томъ выдали подъ присягою формальную квитанцію.

Такъ откупалась отъ польскихъ, жидовскихъ и другихъ претензій запорожская старшина, оберегая честь «славнаго низоваго товариства» и спасая самое его существованіе, на которое занесенъ уже былъ грозный мечъ. Она примѣчала собиравшуюся надъ сѣчевымъ братствомъ грозу и хотѣла предотвратить ее; но не въ силахъ ея было ни сдержать «сиромашную голоту», которая не знала ничего, кромѣ борьбы съ своими традиціонными врагами, ни остановить разношерстной голытьбы, наплывавшей въ Сѣчь изъ обѣихъ Украйнъ, Волыни, Подолья, Полѣсья, Бѣлоруссіи и даже съ береговъ Дуная отъ волоховъ, сербовъ, арнаутовъ и другихъ.

Бдительности сѣчевой администраціи относительно гайдамакъ или выходившихъ изъ Сѣчи, или скрывавшихся на ея территоріи неодолимую преграду поставляли безмѣрныя степныя пространства, непроходимыя плавни и камыши, масса гранитныхъ островковъ, пороговъ на Днѣпрѣ и Бугѣ и сотни балокъ и пещеръ, служившихъ надежнымъ пріютомъ какъ для самихъ гайдамакъ, такъ и для свозимой ими добычи. Что могли значить при этомъ требуемый свыше контроль благонамѣренной старшины, разъѣзды и объѣзды надежнаго «товариства» въ такихъ дебряхъ и пустыняхъ? Надо было пройти многія сотни верстъ прежде, чѣмъ отыскать какіе либо слѣды гайдамацкой шайки или случайно встрѣтить ватагу на пути. Но, при первомъ появленіи разъѣздовъ въ «вольностяхъ» запорожскихъ, опытные гайдамаки въ мигъ превращались въ рыболововъ,

охотниковъ на звѣря и куропатниковъ, сторожей и рабочихъ въ зимовникахъ, или даже самыхъ хозяевъ зимовниковъ и пасѣкъ. Отъ Сѣчи требовали невозможнаго. Гайдамачество видѣли только въ ней, а центръ его лежалъ далеко внѣ Сѣчи—въ политическомъ и соціальномъ положеніи русскихъ областей, входившихъ въ составъ Польши. Надо было измѣнить это положеніе сообразно обозначившимся съ ясностію народнымъ стремленіямъ, и гайдамаки исчезли-бы сами собою; но это было выше пониманія людей того времени, знавшихъ только интересы шляхты или дворянства и не доросшихъ до понятія объ интересахъ народныхъ. Зло однако было слишкомъ очевидно и разрослось слишкомъ широко, чтобы не принять относительно его мѣръ рѣшительныхъ. Рѣшили уничтожить то, въ чемъ видѣли корень зла, т. е. сѣчевое братство, или гидру своеволія и разбоевъ, какъ тогда выражались. Уничтожили и разорили Сѣчь; гайдамачество ослабѣло, но не уничтожилось, пережило самую Сѣчь и жило еще долгіе годы, пока не ослабѣли, хотя отчасти, причины его вызвавшія и ему благопріятствовавшія, пока не заселились новыми поселенниками «вольности» запорожскія, пока не разбрелось и не вымерло все, что, не смотря на свою простоту, имѣло высшія представленія о свободѣ и личности человѣка, нежели заправители внѣшней и внутренней политики, пока наконецъ не выросли новыя поколѣнія, которыя воспитались въ понятіяхъ рабства и которымъ пришлось жить подъ новымъ, болѣе крѣпкимъ режимомъ.

Послѣ того, что сказано нами о широкихъ размѣрахъ и силѣ гайдамачества, о тѣхъ глубокихъ корняхъ, какіе оно пустило на Запорожьѣ и Украйнѣ, и безуспѣшности принимавшихся противъ него правительствомъ и сѣчевою администраціею мѣръ, жалкими покажутся тѣ слабыя попытки, какія дѣлало для обузданія его польское шляхетство, наиболѣе отъ гайдамакъ терпѣвшее. Нетрудная въ сущности борьба съ этими попытками составляетъ любопытный оттѣнокъ гайдамацкихъ подвиговъ. Два-три слова объ немъ и тѣмъ закончимъ наши случайныя, болѣе надлежащаго, можетъ быть, расширенныя замѣтки о гайдамакахъ, по поводу представленныхъ объ нихъ нѣсколькихъ документовъ. Польская молодежь, преимущественно полувоенная, такъ называвшiеся товарищи «гвардіи народовой», сыновья богатыхъ помѣщиковъ, конно съ копьями и саб-

лями дѣлали нерѣдко «подъѣзды» на Запорожье. Гайдамаки любили охотиться на нихъ и поджидали ихъ, какъ желанныхъ гостей: засѣвъ гдѣ нибудь въ балкѣ или въ лѣсу, они бросались на нихъ съ отвагой и увѣренностью, брали часто въ плѣнъ и выпускали на свободу за богатый выкупъ. Объ одномъ такомъ плѣнникѣ гайдамаки, по обычаю, сложили и пѣсеньку:

Панъ старосцицъ Козерадзкій [1]),
Винъ ȋвъ хлибъ нашъ гайдамацькій.
Якъ пустили панича,
Безъ окупу и могорича,
То до дому такъ погнавъ,
Що й спасыби не сказавъ.

А. Скальковскій.



[1]) *Старосцицъ*, сынъ старосты; *Kozie-Rady*, помѣстье въ Велико-Польшѣ. Извѣстно, что старостами, т. е. владѣльцами коронныхъ имѣній бывали только магнаты и главные земскіе чины.

Библіографія.

Александръ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—1884 г.

Читатели наши не разъ, вѣроятно, уже встрѣчались съ названіемъ этого изданія въ газетныхъ объявленіяхъ и ссылкахъ въ другихъ работахъ. Оно громадно по объему, дорого по цѣнѣ, спеціально по назначенію и по всему этому мало кому доступно. Мы не имѣли досел̂ѣ случая поговорить о немъ, а теперь приступаемъ къ нему тѣмъ охотнѣе, что въ вышедшемъ въ концѣ прошлаго года IV томѣ его помѣщено много матеріаловъ, касающихся исторіи южной Руси.

Настоящій представитель древняго рода бояръ Шереметевыхъ, просвѣщенный графъ С. Д. Шереметевъ, полковникъ и флигель-адъютантъ, задумалъ лѣтъ пять назадъ доброе и, къ сожалѣнію, очень рѣдкое у насъ дѣло—почтить свой славный родъ воспроизведеніемъ его жизни и дѣяній и тѣмъ послужить общему дѣлу разработки нашей исторической науки. Матеріала для этого въ его фамильномъ архивѣ, какъ показываетъ самое изданіе, находилось много, въ средствахъ для изданія онъ не поскупился, а для научной работы нашелся у него достойный дѣятель А. П. Барсуковъ, извѣстный, какъ и братъ его Н. П., многими цѣнными своими изслѣдованіями по русской исторіи. Плодомъ щедрости просвѣщеннаго графа и кропотливой, умѣлой работы г. А. Барсукова и является названное капитальное изданіе, доведенное впрочемъ едва-ли и до половины.

Прежде всего оно бросается въ глаза своей внѣшней роскошью: напечатано на прекрасной бѣлой плотной бумагѣ in quarto, крупнымъ и красивымъ шрифтомъ, снабжено отчетливыми и точными снимками съ картинъ и рукописей XVI и XVII вѣка во всю ихъ естественную

величину и закончено довольно обстоятельными, личнымъ, географическимъ и предметнымъ, указателями, которые, къ сожалѣнію, не принято у насъ прилагать къ такимъ изслѣдованіямъ и которые не всегда можно встрѣтить даже и въ изданіяхъ съ сырымъ матеріаломъ.

Внѣшности книгъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ содержаніе; это—исторія богатаго и знатнаго боярскаго рода, близкаго ко двору великихъ князей и государей, стоявшаго у кормила правленія и исполнявшаго всегда важныя государственныя обязанности. Исторія рода Шереметевыхъ есть нѣкоторымъ образомъ и исторія русскаго государства; съ этой точки зрѣнія смотритъ на свою задачу и г. Барсуковъ и, руководясь ею, излагаетъ съ большими или меньшими подробностями всѣ политическія событія въ тогдашней жизни Россіи, въ которыхъ принималъ участіе тотъ или другой членъ этого рода. Авторъ выпустилъ уже въ свѣтъ четыре объемистыя книги (около 450 страницъ каждая) своей исторіи, но довелъ ее лишь до первой половины царствованія Алексѣя Михайловича.

Первый томъ, вышедшій въ 1881 году, содержитъ въ себѣ разсказъ о службѣ Шереметевыхъ съ конца XIII вѣка при князѣ Даніилѣ Александровичѣ и до смерти Іоанна Грознаго, отъ гнѣва котораго нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось претерпѣть. Съ перваго появленія своего въ Россіи, Шереметевы то начальствуютъ надъ ратными людьми, то принимаютъ иноземныхъ пословъ, то сами отправляются къ сосѣднимъ государямъ въ качествѣ пословъ для заключенія мирныхъ договоровъ. Нѣкоторые изъ нихъ участвуютъ въ войнахъ съ Польшей и Литвой и потому имена ихъ очень часто встрѣчаются въ западно-русскихъ и польскихъ памятникахъ; они играютъ нерѣдко роль и въ судьбахъ южной Руси, и съ этой стороны сочиненіе г. Барсукова пріобрѣтаетъ значеніе и интересъ для мѣстнаго историка. Въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе важенъ второй томъ, обнимающій время отъ смерти Грознаго и до 1662 года; такъ, въ немъ разсказывается между прочимъ, объ управленіи Федора Ивановича Шереметева черниговскимъ воеводствомъ, куда онъ былъ назначенъ Годуновымъ, хотя скоро лишился довѣрія у подозрительнаго царя Бориса и былъ имъ сосланъ въ Сибирь. Другой изъ Шереметевыхъ, Петръ Никитичъ, отправленъ былъ, передъ приходомъ Лже-Димитрія I, противъ крымскихъ татаръ въ сѣверскую землю; онъ держался стороны Годунова до самой смерти послѣдняго и только въ Тулѣ призналъ самозванца царемъ. Въ третьемъ томѣ сообщаются подробности о службѣ Шереметевыхъ до 1650 года. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ изъ ихъ рода, именно Василіемъ Борисовичемъ, который, послѣ своего воеводства въ Сибири, былъ назначенъ царемъ въ

главные воеводы надъ отрядами, расположенными въ нынѣшней курской губерніи для защиты русской южной окраины отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Назначеніе это совпало съ тѣмъ временемъ, когда начались переговоры Хмельницкаго съ царемъ о присоединеніи Малороссіи. Дѣятельность Шереметевыхъ въ этихъ обстоятельствахъ составляетъ содержаніе четвертаго тома. Приступая къ изображенію оной, г. Барсуковъ останавливается на двухъ важнѣйшихъ фактахъ того времени: смерти Хмельницкаго и разрывѣ между патріархомъ Никономъ и Алексѣемъ Михайловичемъ; на послѣднемъ фактѣ потому, что патріарху Никону въ дѣлѣ возсоединенія Малороссіи принадлежитъ немаловажное значеніе, ибо только подъ вліяніемъ его царь Алексѣй Михайловичъ окончательно рѣшился принять Хмельницкаго подъ свою высокую руку и вести войну съ Польшей и крымскимъ ханомъ, только послѣ долгаго совѣщанія царя съ патріархомъ отправлены были, наконецъ, въ 1653 году царская и патріаршая грамоты къ Хмельницкому о принятіи его въ подданство. Совѣты русскаго посла въ Варшавѣ, князя Бориса Репнина, сдѣлать уступки требованіямъ запорожцевъ не имѣли успѣха; между тѣмъ поляки вошли въ соглашеніе съ крымскимъ ханомъ и тотъ далъ имъ слово или въ конецъ разорить Украйну, или подчинить ее Польшѣ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что паны помогутъ ему завоевать Астрахань. Нужно было охранять южную границу, и это важное дѣло было поручено Василію Борисовичу Шереметеву, съ подчиненіемъ ему воеводъ другихъ окраинныхъ городовъ, а также «черкасъ», т. е. козаковъ. Назначалось приведеніе присоединяющихся къ присягѣ, а между тѣмъ на другихъ пунктахъ Украйны открывалась война. Для защиты Кіева отъ Польши посланы были Куракинъ и Волконскій; но когда наступила война, когда польскія войска облегли многіе южно-русскіе города, когда Умани, защищаемой полковникомъ Богуномъ, грозила опасность со стороны гетмана Чарнецкаго, а въ г. Константиновѣ, на Волыни, стоялъ другой гетманъ на готовѣ, государь направилъ въ Кіевъ В. Б. Шереметева въ помощь Богдану Хмельницкому. Но прежде, чѣмъ онъ достигъ Кіева, по измѣнившимся обстоятельствамъ войны, ему указано было отъ царя двинуться въ Бѣлую-Церковь, а оттуда въ Чигиринъ на соединеніе съ Хмельницкимъ. Въ это время коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, обходя Богуна, направился чрезъ Брацлавъ къ Кальнику и осадилъ Умань, гдѣ сидѣлъ тогда Томиленко. Шереметевъ и Хмельницкій должны были идти къ нему на выручку; но у Охматова ихъ окружили со всѣхъ сторонъ поляки и они съ трудомъ, при подоспѣвшей помощи Богуна, могли пробиться обратно къ Бѣлой-Церкви. Недовольный исходомъ столкновенія, царь отозвалъ Шереметева изъ Украйны въ 1655 году

но долговременное пребываніе этого умнаго воеводы въ Украйнѣ дало ему возможность понять особенность положенія въ то время Малороссіи и личный характеръ и стремленія народнаго вождя, желавшаго знать одного царя и одну его волю; сдерживая въ себѣ деспотизмъ, которому давали большую свободу его предшественники, онъ снискалъ себѣ любовь въ средѣ народа и у Хмельницкаго. Въ доказательство этого г. Барсуковъ приводитъ неизданное до сихъ поръ письмо гетмана къ воеводѣ, дышащее теплымъ чувствомъ, какое связывало этихъ двухъ выдающихся людей своего времени. Содержаніе писма важно также и потому, что въ немъ сообщаются политическія извѣстія: о неудавшемся нападеніи поляковъ на Кіевъ, о грабежахъ татаръ въ Брацлавщинѣ и о необходимости послать на Крымъ донскихъ козаковъ и калмыковъ, чтобы предупредить соединеніе хана съ поляками (стр. 157—159). Добрая память о Шереметевѣ въ Украйнѣ выразилась по смерти Хмельницкаго; украинцы просили царя прислать Василія Борисовича для успокоенія смутъ въ Малороссіи.

Кромѣ указанныхъ свѣдѣній въ трудѣ г. Барсукова есть не мало цѣнныхъ данныхъ и для исторіи сѣверо-западной Руси; тутъ сообщаются подробности о завоеваніи русскими Смоленска, Витебска, Минска, Вильны, Полоцка, Динабурга, Дерпта и Копенгаузена, говорится о намѣреніи даже царя идти подъ Варшаву; въ завоеваніи вышеозначенныхъ городовъ принимаютъ участіе и малороссійское козачество подъ начальствомъ нѣжинскаго наказнаго полковника Василія Золотаренка, брата наказнаго гетмана Ивана Золотаренка. Но именно въ эту пору и здѣсь между ратными людьми и козаками обнаружились столкновенія и споры; русскіе воеводы обвиняли козаковъ въ грабежахъ мирнаго населенія; козацкіе старшины постоянно жаловались на насилія русскихъ начальниковъ, позволявшихъ себѣ гнать ихъ изъ домовъ, грабить имущество, «рѣзать хохлы и бить кнутами». Починъ всѣхъ споровъ авторъ приписываетъ козакамъ, размѣщеніе которыхъ по квартирамъ царь велѣлъ вслѣдствіе этого дѣлать на далекомъ разстояніи отъ мѣста расположенія московскаго войска. Любопытныя данныя сообщаетъ авторъ о состояніи православія въ Витебскѣ и даетъ при этомъ списокъ всѣхъ церквей, которыя «учинены уніями», или прямо обращены въ костелы. Всѣ эти факты авторъ передаетъ потому только, что въ нихъ дѣйствующими лицами были то тотъ, то другой представитель рода Шереметевыхъ; чаще-же всего встрѣчается излюбленный малороссами Василій Борисовичъ Шереметевъ, то какъ полководецъ, то какъ дипломатъ.

Вообще содержаніе книги г. Барсукова очень богато данными для исторіи южной Россіи. Живой разсказъ автора, пересыпанный лѣто-

письмыми и актовыми меткими словами и выраженіями, читается легко и съ удовольствіемъ; но особенно книга цѣнна тѣмъ, что изобилуетъ цитатами изъ неизданныхъ досėлѣ памятниковъ, представляющихъ высочайшій интересъ: изъ рукописей Московскаго главнаго архива министерства юстиціи, изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ ненапечатанныхъ хроникъ XVII вѣка, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ и проч. Многія подробности, такимъ образомъ, становятся извѣстными лишь съ выходомъ въ свѣтъ настоящей книги.

Если затѣмъ, при всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствахъ, почтенный трудъ г. Барсукова имѣетъ свою слабую сторону, то это развѣ то, что въ немъ домашней жизни рода Шереметевыхъ удѣлено весьма мало мѣста; она совершенно ускользаетъ изъ глазъ читателя въ изображеніи служебной дѣятельности представителей этого рода. Упоминаются, правда, такіе частные факты, какъ рожденіе, женитьба или смерь того или иного члена этой семьи; но не собрано тѣхъ мелкихъ данныхъ, изъ которыхъ слагается, такъ сказать, будничная жизнь человѣка и изъ которыхъ чертилъ свои богатыя картины домашняго быта такой изслѣдователь, какимъ явился у насъ впервые И. Е. Забѣлинъ. Въ книгѣ г. Барсукова мы не видимъ ничего, что свидѣтельствовало-бы о духовныхъ интересахъ и нуждахъ этихъ знатныхъ бояръ, не имѣемъ свѣдѣній объ ихъ воспитаніи, хозяйствѣ, будничной жизни, обстановкѣ дома, удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, не знаемъ, какъ распоряжались они въ своихъ имѣніяхъ, какъ относились къ своимъ крестьянамъ и сосѣдямъ по имѣнію и проч. Много этого рода данныхъ разбросано то тамъ, то сямъ въ сочиненіи; но будь они собраны вмѣстѣ, получилась-бы обстоятельная и яркая картина той именно жизни, которая вырабатываетъ характеры и привычки, которыя переносятся потомъ въ общественную среду и вліяютъ на складъ ея, испытывая, въ свою очередь, взаимодѣйствіе среды на себѣ. Однимъ словомъ, если служебная исторія рода Шереметевыхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы сказали, и исторія русскаго государства, то исторія домашняго быта была-бы вмѣстѣ и бытовой исторіей боярскаго сословія. У насъ до сихъ поръ никакъ не могутъ уловить и опредѣлить точно сословный или народный характеръ,—и неудивительно, мало занимаются бытовой исторіей. Впрочемъ высказанное нами замѣчаніе окажется, быть можетъ, преждевременнымъ, такъ какъ работа далеко еще не окончена и указанный пробѣлъ можетъ восполниться въ слѣдующихъ томахъ.

И. Каманинъ.

А. А. Матвѣевъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. Одесса 1884 года.

Это изданіе распорядительнаго комитета VI археологическаго съѣзда, бывшаго въ Одессѣ въ минувшемъ году. Мы не говорили о немъ въ свое время, ожидая общаго изслѣдованія того-же автора по вопросу объ антропологическихъ изысканіяхъ въ новороссійскомъ краѣ, которое имъ обѣщано, но не явилось доселѣ. Скажемъ нѣсколько словъ теперь, чтобы въ ожиданіи большаго не оставить безъ вниманія меньшаго.

Руководствъ по археологіи вообще и по кургановѣдѣнію въ частности у насъ нѣтъ почти вовсе, а вниманіе къ археологическимъ изслѣдованіямъ, интересъ къ раскопкамъ, съ каждымъ годомъ растетъ и поддерживается въ значительной степени періодически повторяющимися археологическими съѣздами. Чтобы помочь людямъ, посвящающимъ свой досугъ и средства археологическимъ изысканіямъ, особливо новичкамъ и начинающимъ въ этомъ дѣлѣ, авторъ и предпринялъ настоящій небольшой свой трудъ, составляющій лишь незначительную часть приготовляемой, какъ мы сказали, къ печати общей работы.

Прежде всего это не самостоятельный трудъ спеціалиста, но сводъ и переработка данныхъ, добытыхъ другими археологами, составленные съ практическою цѣлью дать пригодное руководство желающимъ заняться производствомъ раскопокъ съ научною цѣлью. Сообразно этому, сводъ начинается указаніемъ на два типа земляныхъ насыпей, подвергающихся раскопкамъ: на могилы-курганы и городища

Первый типъ авторъ разсматриваетъ по вѣкамъ: каменному, бронзовому и желѣзному, опредѣляетъ територію вида или рода могилъ, причемъ описываетъ внѣшній видъ ихъ, окружающую мѣстность, внутреннюю обстановку и содержаніе и наконецъ пріурочиваетъ могилы къ извѣстному времени и племени. Авторъ сообщаетъ при этомъ общую инструкцію для курганной экскурсіи, составленную имъ самимъ, и спеціальную инструкцію для изслѣдованія кургановъ, составленную коммисіей, назначенной 3-мъ археологическимъ съѣздомъ и разработанную позже профессоромъ Самоквасовымъ, затѣмъ антропологическую инструкцію профессора А. Н. Богданова и наконецъ инструкцію для излѣдованія каменныхъ гробовъ и древнихъ кладбищъ съ обособленными урнами.

Въ связи съ вопросомъ о курганахъ южной Россіи авторъ ставитъ вопросъ о тѣхъ «безсмѣнныхъ стражахъ степныхъ могилъ», каменныхъ бабахъ, о которыхъ до сихъ поръ мы не знаемъ ничего опредѣленнаго, были-ли они «надгробными изображеніями покойниковъ, сокрытыхъ въ тѣхъ-же курганахъ, или изображеніями божества незнаемаго пантеона

невѣдомыхъ кочевниковъ древности». Говоря о каменныхъ бабахъ, авторъ знакомитъ съ наружнымъ видомъ извѣстныхъ до сихъ поръ экземпляровъ и сообщаетъ данныя объ ихъ территоріальномъ распространеніи; здѣсь онъ также даетъ программу для собиранія свѣдѣній о каменныхъ бабахъ, изданную графомъ А. С. Уваровымъ ради потребностей императорскаго московскаго археологическаго общества.

Второй типъ земляныхъ насыпей—городища, подраздѣляющіяся на собственно-городища, городки, сторожевыя городища и валы, разсматривается также подробно, какъ и предъидущіе археологическіе памятники, по родамъ и видамъ, и для изслѣдованія этого типа въ свою очередь предлагается авторомъ инструкція, выработанная упомянутой уже коммисіей на третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ.

Касаясь того или другаго типа насыпей, авторъ приводитъ въ выноскахъ всѣ болѣе или менѣе важныя, напечатанныя о нихъ, статьи и отдѣльныя сочиненія и заключаетъ это въ приложеніяхъ краткимъ спискомъ кургановъ въ Новороссіи и по Дону, давая такимъ образомъ матеріалъ для археологической карты южной Россіи, а также спискомъ вопросовъ по русской курганографіи, поставленныхъ въ программахъ на шести русскихъ археологическихъ съѣздахъ.

Изъ изложеннаго видно, что брошюра г. Матвѣева, представляя собою полный сводъ всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ при производствѣ раскопокъ, можетъ быть настольной книгой для людей знакомыхъ уже съ этимъ дѣломъ и тѣмъ болѣе руководствомъ для начинающихъ заниматься археологіей. Для этихъ двухъ цѣлей можемъ смѣло рекомендовать умѣло и добросовѣстно составленный г. Матвѣевымъ обзоръ. Намъ остается за симъ пожелать, чтобы и все его сочиненіе отличалось тѣми-же качествами ясности и систематизаціи и было-бы столь-же богато свѣдѣніями по части нашей юной археологіи, столь необходимыми у насъ, при отсутствіи въ нашихъ университетахъ каѳедръ по этой наукѣ, и чтобы свѣдѣнія этого рода обнимали не одну Новороссію, но касались-бы и другихъ частей нашего отечества, особенно-же Малороссіи, столь богатой курганами и могилами, важными для историко-археологическихъ изслѣдованій.

И. Каманинъ.

Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. А. Барсукова. Спб. 1885 г.

Тотъ-же г. Александръ Барсуковъ, который ведетъ многотомное, богатое научными достоинствами и роскошное по внѣшности изданіе «Родъ Шереметевыхъ», выступаетъ съ интересною книгою «Разсказовъ изъ русской исторіи». Всѣхъ разсказовъ въ книгѣ шесть: пять въ обыкновенной повѣствовательной формѣ, одинъ въ формѣ письма къ издателю «Русскаго Архива». Четыре изъ нихъ имѣютъ эпизодическій характеръ и сюжеты ихъ заимствованы изъ слѣдственныхъ дѣлъ, производившихся въ Тайной Экспедиціи о разныхъ лицахъ, обвинявшихся по разнымъ поводамъ въ государственныхъ преступленіяхъ; таковы разсказы: «Іоасафъ Батуринъ», «Узникъ Спасо-Евфиміева монастыря», «Батюшковъ и Опочининъ» и «Шкловскіе авантюристы». Разсказъ «Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ» въ сущности есть самостоятельный біографическій очеркъ этого могущественнаго въ свое время временщика; къ нему присоединенъ коротенькій разсказъ: «Гатчинскія преданія объ Орловѣ», записанный со словъ стараго гатчинскаго солдата.

Всѣ вообще разсказы написаны живо и умно, читаются легко и съ большимъ интересомъ; въ особенности завлекаетъ мастерской очеркъ личности кн. Гр. Гр. Орлова, обнаруживающій въ авторѣ большое знаніе той эпохи, обширную начитанность, знакомство съ рѣдкими источниками, русскими и иностранными, печатными и рукописными.

Описываемыя въ разсказахъ происшествія и лица относятся къ царствованіямъ императрицъ Елисаветы и Екатерины II, а главнѣйшій ихъ интересъ, которымъ они и подкупаютъ читателя, въ политическомъ ихъ оттѣнкѣ, въ рѣзкомъ переломѣ въ судьбѣ людей, по своему счастливыхъ и обезпеченныхъ, но заканчивающихъ жизнь въ печальномъ заключеніи и даже помѣшательствѣ. Есть-ли въ этомъ строго-историческій интересъ,—другой вопросъ; но разсказы о такихъ лицахъ и происшествіяхъ всегда будутъ привлекать къ себѣ предпочтительнѣе предъ скромными, скучными подъ часъ сюжетами изъ внутренней нашей исторіи, изъ жизни самаго народа. Въ этомъ, помимо болѣе или менѣе заманчивой формы, помимо искуснаго и дѣльнаго изложенія, заключается секретъ успѣха, какой имѣютъ этого рода разсказы и какой несомнѣнно должны имѣть появившіеся теперь разсказы г. Барсукова.

Тяжелое однако чувство остается въ душѣ по прочтеніи этихъ разсказовъ. Вотъ лица, выведенныя г. Барсуковымъ, ихъ проступки и судьба.

Подпоручикъ ширванскаго пѣхотнаго полка Іоасафъ Батуринъ въ 1749 г., во время пребыванія двора въ Москвѣ, обнаруживаетъ неясный

замыслъ на совершеніе государственнаго переворота низверженіемъ съ престола императрицы Елисаветы и возведеніемъ на престолъ великаго князя Петра Ѳедоровича и за это послѣ 4-хъ лѣтъ ареста попадаетъ въ Шлиссельбургъ, оттуда, послѣ 16-лѣтняго безвѣстнаго заключенія, за полуумныя письма на имя Екатерины и давно умершаго Петра III, врученныя караульнымъ для доставки по адресу, ссылается вѣчно въ Большерѣцкій острогъ, тамъ принимаетъ участіе въ бунтѣ Беніовскаго и погибаетъ въ стычкѣ съ китайцами.

Отставной бригадиръ баронъ Ашъ въ октябрѣ 1777 г. представляетъ состоявшему уже не у дѣлъ временщику царствованія Елисаветы И. И. Шувалову письмо умершаго отца своего, бывшаго петербургскаго почтъ-директора, въ которомъ этотъ послѣдній увѣряетъ Шувалова, что онъ есть сынъ императрицы Анны Іоанновны отъ Бирона, а слѣд. законный наслѣдникъ русскаго престола, и предлагаетъ къ его услугамъ для возведенія его на престолъ сына своего, подателя письма. Письмо это, суть котораго бригадиръ Ашъ отстаиваетъ горячо на допросахъ, приводитъ его къ заключенію въ Дюнамюндскую крѣпость, а новые допросы по его содержанію при имп. Павлѣ І-мъ къ «неисходному содержанію» въ суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и умеръ 80-лѣтнимъ старцемъ, въ началѣ слѣдующаго царствованія, на порукахъ бывшаго тогда владимірскимъ губернаторомъ, извѣстнаго писателя, князя И. М. Долгорукова.

Отставной гвардіи корнетъ Илья Батюшковъ 25 ти лѣтъ, страдавшій помѣшательствомъ, и малосмысленный подпоручикъ Александръ Опочининъ 17-ти лѣтъ, по частному доносу, обвиняются въ томъ, что говорили между собою и съ другими всякій вздоръ, начиная съ того, что Опочининъ есть сынъ англійскаго короля и имп. Елисаветы Петровны, и кончая тѣмъ, что Гр. Гр. Орловъ хочетъ обвѣнчаться съ имп. Екатериною II и стать императоромъ, но что они, корнетъ и подпоручикъ, могли-бы его убить, императрицу низвергнуть и вмѣсто нея возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича. Послѣ тщательнаго *съ пристрастіемъ* допроса оба они ссылаются въ Сибирь — первый на казенныя работы, а второй на службу въ гарнизонѣ на иртышской линіи.

Не правда ли, удобные и благодарные для разсказа сюжеты? Прибавьте къ нимъ подробности тогдашняго ареста, заключенія и суда, распросныя и перекрестныя рѣчи, неизбѣжныя пытки, крайнюю подозрительность слѣдователей и судей, «продерзостныя и непристойныя слова» противъ высокихъ и высочайшихъ особъ, противорѣчіе и сумбуръ въ показаніяхъ, вырванныхъ изъ-подъ пытки, и затѣмъ лишеніе всего, ссылку въ Нерчинскъ или Мангазею, тяжкія оковы, вѣчныя работы,

или «неисходное содержаніе» въ Шлиссельбургѣ, Гогервикѣ и т. под. Во всемъ этомъ такъ много соли, остроты, тутъ каждый эпизодъ—цѣлая драма, высоко подпимающая нервы. Вспоминаются невольно пережитое къ счастію время грознаго «слова и дѣла», дворцовыхъ переворотовъ, неустановившагося государственнаго порядка, сильныхъ временщиковъ, безумной роскоши и веселія однихъ, страданій и голоданія другихъ. И ото всего этого, говоримъ мы, тяжелое чувство гнететъ душу. Достойно примѣчанія, что въ каждомъ изъ трехъ названныхъ разсказовъ исходнымъ пунктомъ и крайнею цѣлью «злодѣйственныхъ рѣчей» служатъ временщики: Разумовскій, Шуваловъ, Орловъ и что въ говорящихъ эти рѣчи усматривается тогда-же или впослѣдствіи «умовредительство». Такихъ «поврежденныхъ въ умѣ» людей много разсылалось тогда и въ наши южные монастыри на «неисходное содержаніе подъ крѣпкимъ карауломъ».

Въ числѣ разсказовъ, предложенныхъ г. Барсуковымъ, есть одинъ, который входитъ въ сферу нашихъ изслѣдованій и ради котораго мы заговорили о вышедшей книгѣ. Онъ озаглавленъ: «Шкловскіе авантюристы» и выдвигаетъ одного изъ сербскихъ авантюристовъ, невольно напоминающаго тѣхъ его соотчичей, которые призваны были колонизовать наши дикія мѣста, привить намъ высшую культуру и отъ которыхъ остались одни громкіе титулы, да щедро розданныя имъ земли. Главнымъ героемъ этого разсказа является темная личность генералъ-адъютанта Семена Гавриловича Зорича, а мѣстомъ дѣйствія мѣстечко Шкловъ, нынѣ могилевской губерніи. Читатель припомнитъ при этомъ ту вѣковую борьбу, которая происходила въ этихъ мѣстахъ на почвѣ вѣроисповѣдной и племенной между кореннымъ бѣлорусскимъ и преобладающимъ польскимъ населеніемъ и мелкіе случаи которой именно въ Шкловѣ и сосѣднихъ Оршѣ, Могилевѣ и Лоевѣ рѣзкими чертами отмѣтилъ въ своей безхитростной автобіографіи о. Илія Турчиновскій[1]). Въ то время, къ которому относится разсказъ о «Шкловскихъ авантюристахъ», Бѣлоруссія только была присоединена къ Россіи, по первому раздѣлу Польши, и православно-русское населеніе оной чаяло легче вздохнуть подъ русскимъ скипетромъ отъ тяжкихъ притѣсненій польскихъ пановъ и римскаго духовенства. Можно было ждать особыхъ для этого мѣръ со стороны новаго правительства, особыхъ владѣтелей и правителей, которыхъ дѣятельность была-бы посвящена облегченію участи забитаго и загнаннаго народа. Между тѣмъ вотъ что даетъ намъ указанный разсказъ о судьбѣ одного изъ названныхъ уголковъ

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1885 г., февральск. кн., стр. 318—333.

Бѣлоруссіи. Владѣльцемъ Шклова становится сербскій авантюристъ Зоричъ, 11 мѣсяцевъ бывшій въ «случаѣ» при Екатеринѣ, одаренный чинами и орденами, деньгами и землями и затѣмъ удаленный отъ двора. Сама императрица покупаетъ для него у князя Адама Чарторижскаго Шкловъ за 450 т. р., а онъ превращаетъ этотъ изстрадавшійся уголокъ въ мѣсто безумнаго разгула, пьянственныхъ оргій и наконецъ притонъ для выдѣлки и сбыта на громадныя суммы фальшивыхъ ассигнацій, въ чемъ и самъ, по собственнымъ словамъ благодѣтельствовавшей ему императрицы, оказался виновникомъ и участникомъ. Главные орудователи въ этомъ дѣлѣ, которыхъ пріютилъ у себя Зоричъ, италіанскіе выходцы, братья Аннибалъ и Маркъ графы Зановичи, были высланы за-границу, дѣло Зорича замято; тѣмъ все и кончилось. Зоричъ завелъ въ Шкловѣ училище, нѣчто въ родѣ кадетскаго корпуса для дѣтей польской шляхты, но директоръ этого училища, французъ Салморанъ «представлялъ ему комедіи и оперы и самъ сочинялъ тѣ комедіи», а жена его, бывшая актриса, также пѣла, играла на клавикордахъ, представляла комедіи для гостей и за все это поискивала въ концѣ концевъ съ Зорича 10 т. р. Училище имѣло 10 учителей и 60 кадетъ, а какова была въ немъ нужда, видно изъ того, что, по разсказу самаго директора, экономъ однажды, «отнявъ у женщины, среди улицы, корову, привелъ ее на кухню, велѣлъ убить и сдѣлать для кадетъ обѣдъ и ужинъ». Въ разсказъ введена масса лицъ, связанныхъ съ судьбою Зорича: русскихъ, поляковъ, жидовъ, французовъ, и это даетъ ему большое разнообразіе, живость и пикантность. Какъ характеристику этихъ авантюристовъ и самаго мѣста, авторъ приводитъ, въ видѣ эпиграфа, слова изъ «Путешествія въ Кіевъ» московскаго митрополита Платона, которыми и мы закончимъ обзоръ весьма интересной книги г. Барсукова. «Проѣхали мы, пишетъ митрополитъ, славное мѣстечко Шкловъ, но онаго осмотрѣть не могли, а только слышали, что зрѣніемъ таковыхъ жителей оскорбились-бы и взоръ, и духъ нашъ». **Н. Цыбульскій.**

Александръ Андріевскій. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 9-й. Кіевъ. 1885 г.

Содержаніе настоящаго выпуска «Историческихъ Матеріаловъ» столь-же разнообразно, какъ и всѣхъ предъидущихъ выпусковъ. Почтенный издатель, какъ было уже не разъ замѣчено, не держится въ подборѣ печатаемыхъ документовъ предметнаго или иного порядка, а помѣщаетъ все, что сколько нибудь цѣннаго и въ цѣльномъ видѣ находитъ въ раз-

розненныхъ и неполныхъ архивныхъ дѣлахъ, сортируя уже извлеченное по роду дѣлъ и по годамъ.

Цѣлая треть настоящаго выпуска отведена дѣламъ, касающимся кіево-межигорскаго монастыря, подъ общей рубрикой «Межигорская Старина». Дѣла эти печатались въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», были и отдѣльные съ нихъ оттиски и объ нихъ было сказано въ одной изъ предшествовавшихъ книгъ нашего журнала. За ними слѣдуетъ дѣло «о воровствахъ въ кіево-фроловскомъ женскомъ монастырѣ», потомъ извлеченія изъ дѣлъ о гайдамакахъ, нѣсколько дѣлъ о приписке кіевскихъ мѣщанъ въ козаки, два дѣла изъ разряда пограничныхъ, переписка о казенномъ виноградномъ садѣ, два дѣла о чародѣйствахъ и наконецъ такъ названная издателемъ «Архивная смѣсь», т. е. отдѣльныя архивныя бумаги, какъ напр. циркуляръ графа Румянцева, 1785 года, о встрѣчѣ графа Воронцова и Нарышкина, назначенныхъ ревизорами въ кіевское, черниговское и новгородъ-сѣверское намѣстничества, запись о расходѣ по дому главнаго народнаго училища въ Кіевѣ, публикаціи о розыскѣ бѣглыхъ монаховъ и проч.

Мы не будемъ передавать содержанія всѣхъ исчисленныхъ дѣлъ, изъ которыхъ большинство имѣютъ слишкомъ частное и условное значеніе для занимающихся мѣстною исторіею, а иныя, какъ напр. дѣло о воровствѣ въ флоровскомъ монастырѣ, помѣщены лишь потому, что подвернулись подъ руку издателя. Остановимъ вниманіе читателей на томъ, что въ настоящемъ выпускѣ имѣетъ несомнѣнный и болѣе общій историческій интересъ, а такой представляютъ собою извлеченія изъ дѣлъ о гайдамакахъ. Правда, это не цѣльныя дѣла о набѣгахъ гайдамакъ, или судѣ надъ ними, но лишь нѣсколько отрывочныхъ показаній, снятыхъ съ нѣкоторыхъ изъ гайдамакъ, разновременно пойманныхъ послѣ усмиренія возстанія 1768 г. и подвергавшихся допросу въ кіево-губернской канцеляріи; тѣмъ не менѣе мы находимъ въ нихъ любопытныя свѣдѣнія какъ объ извѣстныхъ уже предводителяхъ гайдамацкихъ отрядовъ этого времени, воспѣтыхъ въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ: Максимѣ Желѣзнякѣ, Швачкѣ и Журбѣ, такъ и о неизвѣстныхъ доселѣ Саввѣ Сачкѣ, Саввѣ Цыганѣ и вообще о дѣйствіяхъ гайдамакъ, сновавшихъ подъ Кіевомъ и въ самомъ даже Кіевѣ. Есть показаніе самаго Журбы: онъ сынъ «подданнаго» кіево-михайловскаго монастыря, семь лѣтъ жилъ въ Запорожьѣ, потомъ былъ послушникомъ кіево-софійскаго каѳедральнаго монастыря и отсюда непосредственно попалъ въ гайдамаки и сталъ атаманомъ. По поводу именно этихъ любопытныхъ извлеченій мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Г. Андріевскій, помѣщая названныя показанія, замѣчаетъ, что онъ выбралъ ихъ изъ числа попадавшихся ему бумагъ о гайдамакахъ и даетъ имъ мѣсто потому, что они по его мнѣнію, представляютъ «нѣкоторый интересъ». Позволимъ себѣ сказать, что это слишкомъ неопредѣленно, если несовершенно произвольно. Въ научномъ подборѣ матеріала такія общія, ничего не говорящія фразы не должны-бы имѣть мѣста; тутъ надо установить общую точку зрѣнія и по ней производить подборъ матеріала. Мы знаемъ, что выбралъ г. Андріевскій, но не знаемъ того, что онъ опустилъ и почему опустилъ. Между тѣмъ въ вопросѣ о гайдамачествѣ можетъ быть важно не только качество, но и количество дѣлъ. Если въ гайдамакахъ видѣть только разбойниковъ, грабителей, то появленіе ихъ должно быть послѣдствіемъ низкой степени благосостоянія массы народной въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, а въ такомъ случаѣ количество и сила гайдамацкихъ набѣговъ должны быть обратно пропорціональны степени народнаго благосостоянія. Если напротивъ въ набѣгахъ гайдамакъ видѣть народное движеніе по мотивамъ религіозно-политическимъ, то возрастаніе и усиленіе набѣговъ должно свидѣтельствовать о степени религіозно-политическаго гнета, которому подвергался народъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Въ томъ и другомъ отношеніи, на нашъ взглядъ, каждый листокъ бумаги, въ которомъ рѣчь идетъ о гайдамакахъ, всѣ эти доношенія, рапорты, промеморіи и проч. разныхъ лицъ и учрежденій о появленіи въ томъ или другомъ мѣстѣ большихъ или малыхъ гайдамацкихъ партій, имѣютъ важное значеніе для исторіи и должны быть сохранены и подвергнуты изслѣдованію. Только имѣя возможно большее число фактическихъ, точно обслѣдованныхъ данныхъ о гайдамачествѣ за все время его существованія, можно было-бы установить безошибочный взглядъ на него и устранить ту двойственность въ немъ и рѣзкое отличіе, какое находимъ у нашихъ и польскихъ историковъ. Сопоставляя количество, силу, время и мѣсто гайдамацкихъ набѣговъ съ исторіей экономическаго положенія крестьянъ, разселеніемъ въ краѣ евреевъ, усиленіемъ уніи и религіознаго гнета, можно было-бы основательно разрѣшить вопросъ о томъ, были-ли гайдамацкіе набѣги протестомъ противъ религіозно-экономическаго гнета, противъ насилій католическаго и уніатскаго духовенства, противъ своеволія и обдирательства со стороны шляхты и евреевъ, или-же на гайдамакъ надо смотрѣть какъ на простыхъ разбойниковъ, стремившихся къ удовлетворенію личнаго произвола и корысти.

Основаніе къ разрѣшенію этого вопроса положилъ уже профессоръ В. Б. Антоновичъ, пришедшій въ своемъ изслѣдованіи о гайдамачествѣ,

на основаніи добытыхъ имъ изъ кіевскаго центральнаго архива актовъ, къ тому выводу, что «въ гайдамачествѣ видны постоянно въ различныхъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, доляхъ, двѣ разнородныя стороны, сплотившіяся въ одно явленіе: народный протестъ противъ польско-шляхетскаго порядка и стремленіе къ удовлетворенію личнаго произвола или корысти». Но онъ-же, въ томъ-же своемъ изслѣдованіи, представилъ замѣчательную программу для подбора свѣдѣнія о гайдамакахъ, и намъ кажется, что г. Андріевскому, печатая однородные акты и именно съ того времени, на которомъ остановился г. Антоновичъ, слѣдовало-бы поруководиться его программою, а не выбирать акты потому лишь, что они, по его мнѣнію, представляютъ «нѣкоторый интересъ». Тогда быть можетъ и то, что имъ отброшено, какъ негодное, нашло-бы мѣсто въ его всячески почтенномъ трудѣ. **К. Л.**



Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ АРХИВА ПОЛТАВСКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ.

Въ 1878 году архивъ полтавской казенной палаты пострадалъ отъ пожара, при чемъ погибло весьма значительное количество дѣлъ, важныхъ для исторіи лѣвобережной Украйны XVIII ст. Вопросъ о томъ, что уцѣлѣло изъ прежняго архивнаго богатства названной палаты, не можетъ не представлять интереса для изслѣдователей мѣстной исторіи. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ и предлагается помѣщаемый ниже перечень уцѣлѣвшихъ отъ пожара историческихъ матеріаловъ. Перечень обнимаетъ матеріалы не избранные только, но всѣ относящіеся къ прошлому столѣтію, не исключая и такихъ, которыя заключаютъ въ себѣ лишь частныя данныя относительно минувшаго быта нашего края.

Всѣ историческіе матеріалы, находящіеся въ названномъ архивѣ, можно подраздѣлить на слѣдующія 6-ть группъ: I) двѣ связки румянцевской описи; II) 20 книгъ ревизіи 1763—64 гг., произведенной по универсалу гетмана Разумовскаго, по полкамъ; III) дѣла полковой гадячской канцеляріи; IV) дѣла прилукской счетной коммисіи; V) дѣла о завладѣніи и разныя другія и VI) ревизскія сказки 1782 г., первой ревизіи, произведенной по уѣздамъ.

I. Связки *румянцевской описи* заключаютъ въ себѣ вѣдомости:

1) *По сотенному мѣстечку Куренькѣ лубенскаго полка*: а) «о владѣніяхъ, съ показаніемъ, кто именно въ томъ мѣстечку владѣльцы

и какіе ихъ тамо дворы, жиліе или пріѣзжіе; также какое ихъ владѣніе, подданные вѣчные ли, или ранговые, або подсусѣдки»; б) о состоящихъ въ мѣстечку козакахъ, ихъ состояніи и всемъ ихъ имуществѣ; в) «о изшедшихъ, удалившихся службы козачей или согнанныхъ зъ грунтовъ, или приверненныхъ во владѣнія партикулярныя», съ указаніемъ, «гдѣ оніе находятся, такожъ въ чіемъ владѣніи ихъ грунта, поля и лѣса состоятъ»; г) вѣдомости отъ сотенныхъ старшинъ «о состоящихъ въ ихъ владѣніи жилыхъ дворахъ и къ онымъ дворамъ приналежитостяхъ и о подсусѣдкахъ и о протчемъ»; д) «вѣдомости о владѣніяхъ разныхъ чиновниковъ, которія оніе имеють по разнымъ крѣпостямъ».

2) *По сотенному мѣстечку Пирятину и первопирятинской сотнѣ лубенскаго полка:* а) «вѣдомости» о владѣніяхъ различныхъ частныхъ владѣльцевъ, большею частію составленныя по такой фомѣ: «вѣдомость (отъ такого-то) о жиломъ дворѣ или хуторѣ (если хуторѣ, то обозначено разстояніе между нимъ и полковымъ городомъ, также сотеннымъ мѣстечкомъ) и подсусѣдческихъ дворахъ, такожъ о жіючихъ въ техъ дворахъ подсусѣдкахъ и наемныхъ служителяхъ и о всѣхъ ко оному двору приналежитостяхъ и о подсусѣдскихъ имуществахъ». Въ числѣ владѣльцевъ встрѣчаются козацкіе старшины, значные козаки, чины духовные и военные (преимущественно грузинскіе князья); «вѣдомость о изшедшихъ и удалившихся службы козачей» и проч...

3) *По сотенному мѣстечку Устивицѣ миргородскаго полка:* а) вѣдомость о владѣніяхъ въ м. Устивицѣ по такой-же формѣ, какъ вѣдомость по м. Куренькѣ подъ литерою а; б) «сказки старожиловъ, м. Устивицы козаковъ, о томъ, кто именно изъ значащихся по ревизіи 1736 г. козаковъ умеръ, либо куда сойшолъ, и где оставшіеся по техъ грунта девалися»; в) вѣдомость о владѣніяхъ въ *с. Матяшахъ полка миргородскаго;* г) вѣдомость отъ войскового товарища Іосифа Заруднаго о маетности его въ *с. Злодіевкѣ, полка миргородскаго.*

4) *По второй полковой гадячской сотнѣ полка гадячскаго:* а) «о козакахъ и о ихъ состояніи и имуществѣ *с. Подставокъ* при р. Груни»; б) «о владѣльческихъ посполитыхъ и подсусѣдкахъ разночиническихъ» того-же села; в) о состоящихъ по компуту 1736 г. козакахъ (того-же села) и о ихъ грунтахъ и имуществѣ, куда оніе

козаки и какими случаями убыли, а грунта ихніе въ чіемъ владѣніи состоятъ»; г) «о козакахъ и ихъ состояніи *с. Подолокъ* сотни второй гадячской» и д) вѣдомости отъ 15 владѣльцевъ о своихъ владѣніяхъ по сотнѣ второй гадячской. Къ большинству «вѣдомостей» румянцевской описи (къ черновымъ) приложены копіи съ крѣпостныхъ актовъ на владѣнія. Въ обѣихъ связкахъ румянцевской описи заключается около 3 тысячъ листовъ.

II. *Книги ревизіи 1763—64 г.г. по полкамъ.* Всѣхъ такихъ книгъ въ архивѣ 20, относятся онѣ къ полкамъ гадячскому, лубенскому, миргородскому, переяславскому и прилукскому; книги громадныя, каждая въ себѣ заключаетъ около 1,000 листовъ. Записи ревизіонныя идутъ въ книгахъ по сотнямъ и обыкновенно въ такомъ порядкѣ: 1) «Ревизія сотни такой-то, коликое *число* имѣется въ оной сотнѣ *дворовъ* и въ тѣхъ дворахъ хатъ, особожъ бездворныхъ хатъ и въ нихъ мужска полу людей—*козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ*, полковыхъ, канцелярскихъ и сотенныхъ служителей, сверхъ генеральнаго опредѣленія состоящихъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ»; 2) «Ревизія сотни такой-то, коликое *число* имѣется въ оной сотнѣ разнаго духовнаго и воинскаго чина, такожъ и козачихъ *подсусѣдковъ и служителей* зъ ихъ дѣтьми и свойственниками, въ жилихъ дворахъ жіючихъ, особливо-же, сколко въ оной сотнѣ пріезжихъ разнихъ владѣльцовъ дворовъ и въ нихъ подсусѣдковъ, слугъ и работниковъ и ихъ дѣтей и свойственниковъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ». Эти два отдѣла записей (о козакахъ съ подпомощниками и подсусѣдкахъ съ слугами и работниками) заканчиваются обыкновенно «*табелью спеpечневою*», т. е. статистическою таблицею, въ которой сведены всѣ цифровыя данныя по предыдущимъ рубрикамъ. Затѣмъ идутъ *записи* 3) такъ называемыхъ *вольныхъ дворовъ*, т. е. дворовъ свободныхъ отъ общенародныхъ повинностей. Записи этихъ дворовъ произведены по такой формѣ: «коликое число имѣется въ сотнѣ (такой-то) жилихъ дворовъ малороссійскихъ старшинъ владѣльческихъ, офицерскихъ, значковыхъ товарищей, старшинъ сотенныхъ, полковыхъ и сотенныхъ канцелярскихъ служителей и уволенныхъ отъ общенародныхъ повинностей; такожъ (дворовъ) разнаго духовнаго чина, т. е. поповскихъ и дьяконскихъ и другого разного-жъ войскового званія чиновъ, а особливо церковнихъ причетниковъ, дьячковъ и пономарей, при церквахъ оставленнихъ и

жіючихъ въ шпиталяхъ, искалѣченныхъ и другихъ всѣхъ, кои только для единого извѣстія написаны». Отдѣлъ «вольныхъ дворовъ» также заканчивается общей статистической таблицей. Дальше въ книгахъ ревизіи 1763—64 г.г. слѣдуютъ записи *о посполитыхъ.* Записи эти обнимаютъ слѣдующія три экономическія группы посполъства: а) число въ каждой сотнѣ «дворовъ и бездворныхъ хатъ и въ нихъ мужеска полу людей *посполитыхъ владѣльческихъ,* такожъ тѣхъ посполитыхъ, не имѣющихъ мужеска полу дѣтей, вдовъ, съ означеніемъ тѣмъ всѣмъ мужеска полу людямъ лѣтъ»; б) число въ каждой сотнѣ «*посполитскихъ,* т. е. владѣльческихъ *подсусѣдковъ, однодворныхъ и ихъ служителей и работниковъ,* не имѣющихъ нигдѣ никакихъ и малѣйшой части грунтовъ, съ означеніемъ каждому лѣтъ»; наконецъ в) число *посполитыхъ, состоящихъ въ безповоротныхъ отлучкахъ.* Въ концѣ ревизіонныхъ записей почти каждой полковой сотни есть «вѣдомость, сколько зъ сотни посполитихъ въ отлучкахъ, яко-то въ Сѣчи и другихъ мѣстахъ, и безвѣстно зашедшихъ людей является, и повороту ихъ отлучкамъ не надежно, и съ какого году кто съ нихъ отлучился».

III. *Дѣла полковой гадячской канцеляріи* представляютъ собою вѣдомости о сборѣ денегъ по полковымъ сотнямъ съ козаковъ и посполитымъ на содержаніе полковой и сотенной старшины, войсковыхъ канцеляристовъ и на канцелярскіе расходы. Сохранились такія вѣдомости, начиная съ 1732 года и по 1749 годъ, но съ нѣкоторыми перерывами и далеко не по всѣмъ сотнямъ гадячскаго полка. Есть нѣсколько такихъ вѣдомостей, которыя не могутъ опредѣленно быть отнесены къ какому нибудь году, такъ какъ заглавныя надписи на нихъ совершенно истлѣли. За 1732 годъ сохранилось только «росписаніе, въ канцеляріи полковой гадячской учиненное», по которому предположено было взимать съ можнихъ по 20 коп., зъ суреднихъ по 11 коп., зъ убогихъ по 5 коп., съ крайне убогихъ по 3 и съ подсусѣдковъ по 2 коп.». За 1735 годъ уцѣлѣли вѣдомости о сборѣ денегъ по 8 сотнямъ гадячскаго полка, второй гадячской, лютенской, куземинской, ковалевской, комишанской, второй зеньковской, грунской и веприцкой. Эти вѣдомости составлялись уже въ сотенныхъ канцеляріяхъ и по большей части такъ озаглавлены: «вѣдомость (или свѣдѣніе) въ полковую гадячскую канцелярію сотни (такой-то), коликое число собрано

денегъ съ козаковъ грунтовыхъ, малогрунтовыхъ, убогихъ и нищетныхъ и съ подсусѣдковъ на старшину полковую и сотенную и другихъ служителей». Такія-же вѣдомости, или свѣдѣнія, имѣются въ архивѣ за годы 1736, 1737, 1739, 1740, 1741, 1745, 1746, 1748 и 1749; по нѣсколькимъ сотнямъ есть вѣдомости только за 1746 годъ.

IV. *Дѣла прилукской счетной коммисіи.* Эти дѣла «о зависимой на обывателяхъ полку прилукскаго недоимкѣ» имѣются въ архивѣ на лице за одинадцать лѣтъ сряду, 1766—1776 гг. Въ общей сложности они даютъ 2954 листа.

V. *12 дѣлъ о завладѣніи* представляютъ сотою маленькія дѣла, отъ 10 до 40 листовъ каждое, и всѣ они за 1777 г. Заглавія ихъ слѣдующія: 1) о завладѣніи пахатнаго поля церковью цибелскою; 2) сѣнокоснаго кута возпымъ суда подкоморнаго золотоношскаго; 3) пахатнаго поля козакомъ цибелскимъ; 4) лѣса посполитыхъ бунчуковымъ товарищемъ Лѣсаневичемъ; 5) плеца жителемъ цибелскимъ; 6) лѣса козачкою цибелскою; 7) сѣнной луки дочерьми умершаго козака цибелскаго; 8) плеца съ хатою поповичемъ Иваномъ Осинскимъ; 9) сѣнокосной левады козакомъ цибелскимъ; 10) лѣса и поля козаками цибелскими; 11) и 12) имѣній посполитыхъ удовствующею обозною полковою Петровскою и наслѣдникомъ умершаго генеральнаго подскарбія Марковича. Остальныя дѣла очень разнообразны по своему содержанію. Такъ, имѣемъ вѣдомости: 1) «о приходахъ и расходахъ прилукской полковой канцеляріи» за 1766—1768 гг.; 2) «третныя вѣдомости казначействъ прилукскаго, гадячскаго, лохвицкаго, зеньковскаго, роменскаго и глинскаго за 1782 годъ»; 3) «о захваченіи лѣкаромъ Фридрихомъ казеннаго подданнаго въ Сорочинцахъ», 1782 года; 4) «о неправильномъ записываніи въ подданство» 1797 года; 5) «о перечисленіи жителей села Васютинецъ въ козаки» 1797 года; «объ обложеніи окладами возвратившихся съ бѣговъ и пропущенныхъ въ ревизскихъ сказкахъ» 1782 года; 7) «объ исключеніи изъ подушнаго оклада нововыбранныхъ въ г. Лубнахъ въ почталіоны» 1797 года; 8) «объ исключеніи изъ подушнаго оклада 8 душъ крестьянъ по волости требуховской, лишне написанныхъ по ревизіи 1795 года»; 9) «о взысканіи по г. Золотоношѣ съ двойнеобложенныхъ людей доимки» 1797 года; 10) «о перемѣщеніи

крестьянина Спиридона Гороваго коллежскимъ регистраторомъ Захаріемъ Гонкиномъ изъ переяславскаго уѣзда въ екатеринославскій уѣздъ кіевской губерніи», 1797 годъ; 11) «о перемѣщеніи крестьянина Павла Портнаго изъ за Домонтовичевой во владѣніе корнета Гоярина», 1797 года; 12) «о присылкѣ описей имѣніямъ и наличностямъ съ городскаго прилукскаго магистрата, состоявшихъ въ вѣдѣніи бывшей ратуши прилукской и о порученіи оныхъ имѣній въ смотрѣніе отставному значковому товарищу Ивану Пархомову», 1782 года; 13) «о заплатѣ денегъ подрядчикамъ за содержаніе на станахъ почтовыхъ лошадей за полкъ прилуцкій», 1742 года; 14) «о причисленіи лубенскаго жителя Максима Стронскаго въ купечество», 1796 года; 15) «объ отдачѣ въ наемъ глинскому городничему, маіору Шульгину казеннаго мѣста, бывшаго подъ сотенною канцеляріею въ м. Срибномъ», 1784 года.

VI. *Ревизскія сказки 1782 года* сохранились сполна по всѣмъ уѣздамъ полтавской губерніи. Изъ книгъ этой ревизіи обращаютъ на себя вниманіе двѣ: 1) «о великороссійскихъ владѣльческихъ крестьянахъ, отошедшихъ было въ кіевскую губернію съ гадячскимъ уѣздомъ», и 2) «священно и-церковнослужителяхъ уѣздовъ гадячскаго и зѣньковскаго». Не менѣе интересны и слѣдующія двѣ относящіяся къ послѣдующему времени книги: 1) «владѣнія и подданные густынскаго монастыря», 1785 года и 2) «ревизскія сказки и вѣдомости дополнительныя о приписныхъ по ревизіи 1782 года разнаго званія людяхъ, доставленные при рапортахъ одъ гадячскихъ и зѣньковскихъ городскихъ и земскихъ судовъ въ прошедшихъ 1783—1787 гг. заселенія», 1795 года.

Сообщ. **Л. Падалка.**

ЛЮБОПЫТНЫЯ РУКОПИСИ ОДНОЙ ЧАСТНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Въ м. Хабномъ, кіевской губерніи, радомысльскаго уѣзда, у г. Цейдлера находится библіотека, какую трудно было-бы предполагать въ такомъ глухомъ и заброшенномъ уголкѣ. Въ ней много рѣдкихъ польскихъ изданій, хранится немало и рукописей XVI, XVII и начала XVIII в. На эти-то послѣднія я и хочу обратить вниманіе лицъ, занимающихся мѣстною исторіею.

Много слышалъ я о библіотекѣ г. Цейдлера, но самому въ ней не пришлось побывать. Нѣкоторое знакомство мое съ нею относится лишь къ рукописному ея отдѣлу, но и объ немъ я могу судить лишь по тѣмъ немногимъ документамъ, какіе взяты изъ этой библіотеки и доставлены мнѣ для просмотра однимъ изъ моихъ знакомыхъ. Все это документы XVI и XVII в. Въ числѣ ихъ есть между прочимъ выписка изъ грамоты Сигизмунда I-го, 1509 г.; писана она латинскимъ шрифтомъ, но языкъ грамоты русскій. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о значеніи рукописей, хранящихся въ библіотекѣ г. Цейдлера, укажу лишь на нѣкоторыя изъ доставленныхъ мнѣ.

Вотъ рядъ позвовъ и протестовъ двухъ пановъ кіевскаго Полѣсья—*Трипольскаго* и *Барана* предъ кіевскимъ трибунальнымъ судомъ, 1595—1640 годъ. Тутъ цѣлая картина жизни того времени, когда нападеніе съ толпою собственныхъ подданныхъ на сосѣдей и уничтоженіе чужой собственности не только вынуждалось безсиліемъ власти и суда, но составляло въ нѣкоторомъ родѣ развлеченіе благородныхъ пановъ.

Вотъ «духовныця (духовное завѣщаніе) благородной госпожи Александры Вороновичовны Миколаевой Ободенской». Документъ 1649 г., писанъ по русски. Ободенская, распредѣляя свое громадное состояніе, озабочена въ особенности выкупомъ изъ «полона агарянскаго» сына своего Константия. На это святое дѣло она предназначаетъ деньги «зъ приходовъ отчинних», а также нѣкоторые долги. Послѣдніе составляютъ такую значительную сумму, что на нее можно было выкупить не одного «полонянника». «Вначалѣ, говоритъ завѣщательница, его милость господинъ Іанушъ Тишкевичъ, воевода и енералъ землѣ кіевской, виненъ мнѣ чтиридесятъ тисящей золотыхъ полскихъ, за которые денги въ закладѣ Райгородокъ мѣстечко и село Жидовце имѣю отъ него. Повторне, велможная еи милость госпожа воеводина троцкая, Миколаевая Абрамовичова Елизавеѳа Горностаевна, виновата мнѣ полскои монети двадесятъ тысящъ и двѣ тисящи и двѣстѣ золотихъ, а въ закладъ тѣхъ денегъ отдала мнѣ село Козаровичи, мѣстечко Хелминъ, Глѣбовку и Литвиновку. Его милость Станѣславъ Угорницкій, староста чернѣговскій, зъ жоною своею Катериною Угорницкою-жъ виновати мнѣ на записъ полскои-жъ монети девятьдесятъ тысящей золотихъ и чотири».

Вотъ еще инвентарь 1660 года, писанный Константиномъ Леономъ Ободынскимъ, тѣмъ самимъ, о которомъ мать хлопотала, чтобы освободить его изъ плѣна агарянскаго. Онъ забылъ языкъ матери и писалъ уже по польски. Приводимъ цѣликомъ этотъ инвентарь въ переводѣ.

I. Инвентарь села Козаровичъ, составленный по ихъ доходности въ 1660 году.

Въ Козаровичахъ находится 60 волоковъ, съ каждой волоки слѣдующія повинности: наличными деньгами чиншевыхъ 3 злота, мѣрка овса, 3 курицы, одинъ каплунъ.

Льну десятокъ, чиншевыхъ дровъ въ замокъ 16 возовъ; панщины каждую недѣлю, и зимою и лѣтомъ, два дня.

Итакъ чиншевыхъ наличныхъ денегъ съ Казаровичъ 180 золотыхъ.

Чиншевой овесъ, если считать мѣрку по злотому, получится 480 злотыхъ.

Куръ не считаю: я ихъ оставляю на размноженіе.

Десятокъ льну, считая по полузлотому, получится 30 злотыхъ.

Такую повинность обязанъ исполнить всякій, кто сидитъ на волокѣ.

Каждый, кто имѣетъ борти, долженъ, безъ всякой утайки, по стародавней осѣдлости и лежащихъ на ней повинностяхъ, дать меду, когда бываетъ его сборъ, столько, чтобы всего было 130 бѣльцевъ. Считая каждый бѣлецъ только по три злота, а иногда бываетъ и по пяти,—всего будетъ 390 злотыхъ.

Козаровскія мельницы всегда приносили каждый годъ доходу вмѣстѣ съ корчмой 1,200 злотыхъ.

Засѣвы на поляхъ, что обязаны собрать панщиной, соображаясь съ настоящимъ урожаемъ, который забрали ихъ милости межигорскіе отцы, т. е. 450 копъ, должны дать 900 злотыхъ, если считать каждую копу по два злота.

Луга, пруды, озера, третья рыба отъ каждаго (улова), *minimum* полагаю 300 злотыхъ.

Нѣкоторыми прудами пользовались отцы межигорскіе въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ и весь пожитокъ обращали въ свою пользу.

Обязаны дать двѣ телки—одну на Свѣтлый Праздникъ, а другую въ Рождество; считая каждую толку по 10 злотыхъ, получится 20 злотыхъ.

Такимъ образомъ Козаровичи каждый годъ должны давать сумму въ 3,500 злотыхъ.

II. Инвентарь с. Глѣбовки, по ея доходности.

Въ Глѣбовкѣ *plus minus* 40 лановъ, съ каждаго лана слѣдующія повинности: наличными деньгами два злота и 15 грошей; мѣрка овса, три курицы, одинъ каплунъ, десятокъ льну, возовъ восемь дровъ безъ панщины, панщины два дни каждой недѣли.

Если всѣ чиншевыя обязанности перевести на наличныя, можно положить сто злотыхъ.

Мельничка даетъ арендной платы, какъ и теперь, 100 злотыхъ.

Прудъ, который теперь спущенъ, даетъ во время спуска воды шесть бочекъ рыбъ; но это я оставляю для себя.

Льну 40 десятковъ. Считая по ползлотому, полагаю 20 злотыхъ.

Двѣ телки—одну въ Рождество, а другую въ Свѣтлый Праздникъ; за это я полагаю 20 злотыхъ.

Куръ оставляю на размноженіе.

Отъ бобылей, которые обязаны отбывать панщину одинъ день каждой недѣли и давать въ годъ чиншевыхъ 25 грошей, полагаю въ годъ 6 злотыхъ и 20 грошей.

III. Инвентарь Самуель-поля или Холма.

Эти не отрабатываютъ панщины, но даютъ на годъ по 5 злотыхъ и по 63 курицы, какъ слободяне.

Здѣсь должно быть волочниковъ 30; отъ каждаго по 5 злотыхъ, въ годъ будетъ 150 злотыхъ.

Еще тѣ, что живутъ отдѣльно дворами. Объ ихъ обязанностяхъ и о томъ, сколько они должны давать скота, спросить у людей, и тогда пусть внесутъ за все вмѣстѣ 200 злотыхъ.

Такимъ образомъ три мои имѣнія каждый годъ должны давать 4,266 злотыхъ и 20 грошей.

Константинъ Леоновъ Ободынскій manu propria.

Если такой-же интересъ могутъ представить и другія рукописи въ библіотекѣ г. Цейдлера, то занимающимся исторіею нашего края весьма не мѣшало-бы ознакомиться съ ними, а это тѣмъ болѣе возможно, что какъ мнѣ передавали, г. Цейдлеръ охотно готовъ подѣлиться ими въ интересахъ науки.

Сообщ. **Д. А. Синицкій.**

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ХЕРСОНСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1 іюля настоящаго года исполнилось ровно 25 лѣтъ со дня основанія Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. За истекшую четверть вѣка въ «прибавленіяхъ» къ нимъ помѣщено довольно большое число матеріаловъ, изслѣдованій и замѣтокъ по исторіи и географіи новороссійскаго края, могущихъ оказать важную услугу любителямъ мѣстной старины и ученымъ, при извѣстной скудости историческихъ данныхъ по херсонской губерніи. Особенно много матеріаловъ по мѣстной исторіи находимъ въ первые три года жизни юнаго изданія, потомъ замѣчается затишье, но съ 1875 года снова идетъ рядъ такихъ статей и матеріаловъ вплоть до 1885 г. Въ указанный промежутокъ времени, 1860—1885 гг., страницы «прибавленій» украшались именами покойныхъ В. И. Григоровича и Н. М. Мурзакевича, прот. С. Серафимова и здравствующихъ понынѣ священника Н. Неводчикова (теперь епископа Неофита), прот. Лебединцева и свящ. Никифорова.] Предлагаемъ здѣсь списокъ статей и матеріаловъ по исторіи и географіи южной Руси, помѣщенныхъ въ «прибавленіяхъ» 1860—1885 гг.

а) Древняя исторія церкви на югѣ Россіи.

Иннокентій архіепископъ, «Насажденіе и успѣхи христіанства въ древнемъ Херсонѣ» (1860 г., № 1).

Н., «Мнѣнія ученыхъ о русскихъ письменахъ, въ Херсонѣ найденыхъ св. Константиномъ» (1861 г., № 3). Мнѣнія А. В. Горскаго, В. И. Григоровича, М. И. Сухомлинова, П. А. Лавровскаго и С. М. Соловьева.

Н., «Обрѣтеніе мощей священномученика Климента» (1861 г., № 4). Переложеніе сказанія очевидца съ примѣчаніями.

Н., «Херсонскіе священномученики» (1861 г., № 5).

«Инкерманская киновія» (1861 г., № 6).

Н., «Херсонскіе заточеники» (1861 г., № 7).

Иннокентія архимандрита, «Св. Іоаннъ, епископъ готѳской» (1862 г., № 9). Приложенія: а) о епархіи готѳской, б) старыя дѣла о епархіяхъ готѳской, херсонской и сугдейской.

Прот. С. Серафимовъ, «Крымскіе христіане (греки) на сѣверныхъ берегахъ Азовскаго моря» (1862 г., № 4).

В. И. Григоровичъ, «Историческіе намеки о значеніи Херсона и его церкви въ VIII, IX и X стол.» (1864 г., № 19). Въ приложеніи два письма (919—920 гг.) патріарха Николая Мистика съ важными указаніями на участіе Херсонеса въ просвѣщеніи хозаръ (правдоподобно—славянъ).

б) *Исторія іерархіи XVIII и XIX стол.*

Для исторіи новороссійской іерархіи прошлаго столѣтія важнѣе другихъ обстоятельное, строго-научное изслѣдованіе свящ. Н. Неводчикова (нынѣ Неофита, епископа туркестанскаго): «Евгеній Булгаринъ, архіепископъ славенскій и херсонскій» (1875 г., №№ 7, 11, 12 и 13). Въ статьѣ этой много интересныхъ свѣдѣній по исторіи края вообще и южно-русскаго духовенства и церквей въ частности. Она издана въ томъ-же году отдѣльными оттисками, но, кажется, въ продажу они не поступали. Затѣмъ для XVIII в. и начала XIX в. находимъ слѣдующіе матеріалы и статьи:

Н. М. (Мурзакевичъ), «Матеріалы для исторіи новороссійской іерархіи. Къ свѣдѣніямъ о Евгеніѣ Булгаринѣ» (1878 г., № 20). Письма Б—са къ Потемкину и къ правителю канцеляріи послѣдняго, службы библіотеки Б—са, свѣдѣнія о пріемникѣ его, Никифорѣ (духовное завѣщаніе Никифора).

— Тоже. «Архіепископъ Амвросій Серебряниковъ» (1878 г., № 24). Отношенія его къ Потемкину,

— Тоже. «Митрополитъ Гавріилъ Бадоня» (1879 г., № 2).

— Тоже. «Архіепископъ Аѳанасій Ивановъ. Архіепископъ Платонъ Любарскій. Архіепископъ Іовъ Потемкинъ» (1879 г. № 12).

— Тоже. «Архіепископы Ѳеофанъ Татарскій и Онисифоръ Боровикъ» (1879 г., № 13).

— Тоже. «Арх. Гавріилъ Розановъ» (1879 г., № 17). Къ статьѣ приложенъ списокъ литературно-ученыхъ трудовъ преосв. Гавріила.

— Дополнительныя свѣдѣнія о Гавріилѣ Бадони, впослѣдствіи митрополитѣ кишиневскомъ (1881 г., №№ 13 и 14).

«Противъ обливательнаго крещенія». Окружное посланіе Никифора, архіепископа словенскаго и херсонскаго (1871 г., № 1).

Н. Мурзакевичъ, «Епархія словенская и херсонская (1875 г., № 21). Перепечатка изъ IX тома зап. одесск. общ. ист. и древн. Списокъ архіеревъ съ 1775 г. по 60-е годы настоящаго столѣтія съ краткими свѣдѣніями о дѣятельности ихъ.

Письмо архіепископа Евгенія Булгариса правителю канцеляріи князя Потемкина В. С. Попову; въ письмѣ денежные счеты за домъ, библіотеку и проч. Дата: 18 іюня 1791 года (1875 года, № 23).

Священникъ Неводчиковъ, «Нѣсколько словъ о преосвященномъ Амвросіѣ Серебряниковѣ, епископѣ екатеринославскомъ и Херсонеса таврическаго» (1860 г., № 10). Приложенія: а) преосвященнаго Амвросія въ Бозѣ почившему свѣтл. князю Г. А. Потемкину, Таврическому, послѣднее цѣлованіе, б) покаянное моленіе къ Богу, его-же, в) письмо Амвросія къ Потемкину.

Протоіерей А. Г. Лебединцевъ, «О ѳеодосійской викарной епархіи» (1861 г., № 1). Приложенія: а) письмо преосвященнаго Іова, епископа ѳеодосійскаго, къ графу П. А. Зубову 29 іюля 1794 г., б) письмо его-же къ тому-же, безъ даты, в) копія съ высочайшаго указа графу Зубову объ отводѣ въ Ѳеодосіи дворца для жительства епископу, г) рѣчь преосвященнаго Моисея, епископа ѳеодосійскаго и маріупольскаго, при отправленіи тѣла князя Потемкина изъ Николаева въ Херсонъ, д) рѣчь того-же преосвященнаго при преданіи землѣ тѣла Потемкина.

— «Протоіерей о. Карпъ Павловскій» (р. 1774 г. † 1832 г.). 1861 г., № 12. Въ приложеніи 8 рѣчей и словъ протоіерея П—го. П—ій служилъ въ Николаевѣ, Херсонѣ и Елисаветградѣ. Въ статьѣ находимъ свѣдѣнія о чумѣ 1813 г. въ Елисаветградѣ, объ основаніи здѣсь духовнаго училища въ 1820 г., о началѣ военныхъ поселеній, о высочайшихъ посѣщеніяхъ 1823 и 1830 г., о землетрясеніи въ Елисаветградѣ въ 1829 г., о холерѣ 1830—1831 гг., о затмѣніи солнца 1831 г.

Письмо дюка де-Ришелье къ елисаветградскому протоіерею Карпу Павловскому 13 августа 1813 г. (1862 г., № 12).

Рѣчь М. П. Павловскаго 17 августа 1837 г. и письмо къ нему преосвященнаго Гавріила 14 іюня 1837 г. (1877 г., №№ 16 и 17).

Протоіерей П. Куницкій, «Нѣкоторое свѣдѣніе о жизни митрополита Гавріила Бадони» (1861 г., № 18).

Протоіерей А. Лебединцевъ, «Протоіерей о. Петръ Куницкій» (р. 1774 † 1837 г.) 1861 г., № 20. Въ приложеніи 11 словъ и рѣчей о. К—го и 4 письма къ нему разныхъ лицъ. Мѣста служенія: Новомиргородъ, Екатеринодаръ, Одесса, Яссы и снова Одесса; былъ первоприсутствующимъ молдовлахійской экзаршей дикастеріи и ректоромъ ясскаго духовнаго училища.

Рѣчь протоіерея П. Куницкаго при гробѣ экзарха Гавріила, митрополита кишиневскаго и хотинскаго 1 апрѣля 1821 года (1861 г., № 22).

Священникъ М. Крячковскій. Нѣсколько резолюцій преосвященныхъ Платона Любарскаго и Іова Потемкина (1869 г., № 2).

Письмо Никифора Ѳеотоки, архіепископа словенскаго и херсонскаго 1793 г. (1875 г., № 11).

Рѣчь, сказанная въ Херсонѣ протоіереемъ Г. Сарафиновичемъ графу Ланжерону 6 марта 1816 г.—Документъ, касающійся бѣглыхъ священниковъ въ серединѣ XVIII в. (1883 г., № 15).

Изъ статей объ архипастыряхъ настоящаго столѣтія, кромѣ указанныхъ выше статей Мурзакевича, слѣдующія посвящены памяти архіепископа Гавріила Розанова:

Письмо преосвященнаго Гавріила 12 ноября 1848 года (1860 годъ, № 11).

Протоіерея С. Серафимова. Воспоминанія о пастырскихъ путешествіяхъ преосвященнаго Гавріила (1861 г., № 22).

«Нѣкоторые отрывки моей біографіи»—статья самаго архіепископа Гавріила (1861 г., № 23). Въ приложеніи: «краткія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ и о кончинѣ преосвященнаго архіепископа Гавріила».

Трудъ преосвященнаго Гавріила, подъ заглавіемъ: «Хронологико-историческое описаніе церквей херсонской губерніи», помѣщенный сначала въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., перепечатанъ въ «Прибавленіяхъ» 1878 г. (№ 13 и 14) и въ 1879 г. (№№ 12 и 14).

Но первое мѣсто по количеству біографическаго матеріала изъ архіереевъ херсонскихъ остается за преосвященнымъ Иннокентіемъ. О немъ находимъ слѣдующія статьи и матеріалы:

Письмо его къ А. С. Стурдзѣ (1860 г., № 1).

Переписка его съ нимъ-же (тотъ-же годъ, №№ 8 и 9).

Письмо ректора кіевской духовной академіи архимандрита Иннокентія, впослѣдствіи архіепископа, 18 января 1836 г. (тотъ-же годъ № 11).

Записка его о востановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ крымскимъ. Предложеніе его херсонской епархіальной консисторіи 27 сентября 1848 г. Такое-же предложеніе 25 марта 1849 г. (1861 г., № 11).

Изъ «Замѣтокъ» преосвященнаго Иннокентія (1861 г., №№ 15—19, 22—23).

Протоіерея А. Лебединцева, «Воспоминанія о преосвященномъ Иннокентіѣ» (1862 г., № 1).

Протоіерея А. Логиновскаго, «О послѣдней поѣздкѣ въ Крымъ преосвященнаго Иннокентія» (тотъ-же годъ, № 2).

Письма преосвященнаго Иннокентія къ протоіерею Максиму Перепелицину (1848 г.), съ примѣчаніями протоіерея Серафимова (1878 г., №№ 6 и 21).

Протоіерей С. Серафимовъ. Нѣсколько свѣдѣній объ учрежденіи викаріатства въ херсонской епархіи въ 1852 г. (1878 г., № 19). Извлечено изъ писемъ преосвященнаго Иннокентія.

О преосвященномъ Дмитріѣ Муретовѣ находимъ статью въ 1883 г., № 23.

Наконецъ, въ № 22-мъ 1869 г. находимъ двѣ сводныя статьи протоіерея Серафимова:

1) Святители изъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи со времени преобразованія ея въ 1819 г.

2) Воспитанники кіевской духовной академіи, служившіе и служащіе въ херсонской епархіи въ должностяхъ училищныхъ и епархіальныхъ со времени преобразованія академіи.

в) Исторія храмовъ, иконъ и монастырей.

Протоіерей А. Лебединцевъ. «Одесскій каѳедральный преображенскій соборъ» (1860 г., №№ 3—4).

Протоіерей I. Знаменскій. «О касперовской чудотворной иконѣ Божіей Матери (ibid. № 7).

Протоіерей А. Лебединцевъ. «Церковь св. Екатерины въ Одессѣ» (ibid. № 8).

Архимандрита Діонисія. «Свѣдѣнія о Бизюковомъ монастырѣ» (1862 г., № 6).

Священника А. Манжелея. Лѣтопись Вознесенской церкви села Петрова, александрійскаго уѣзда (1869 г., № 22).

«Свѣдѣнія о построеніи и освѣщеніи единовѣрческой Успенской церкви въ Одессѣ» (1875 г., № 3).

Протоіерей А. Серафимовъ. «Историческое описаніе херсонскаго Успенскаго собора» (1881 г., №№ 1, 3—5, 9, 12, 16—18).

П. Юрченко. «Храмы г. Херсона православные и инославные (1881 г., № 20).

Николаевская церковь села Черниковки, александрійскаго уѣзда (1883 г., № 9).

Протоіерей С. Серафимовъ. Одесская единовѣрческая Покровская церковь (1883 г., №№ 9—10, 12, 14, 18 и 24).

Протоіерей М. Вартминскій. «Краткая историческая записка о соборѣ г. Вознесенска (1884 г., № 12). Данныя о началѣ города.

Священникъ А. Черняговскій. «Историческая записка о херсонскомъ екатерининскомъ соборѣ» (1884 г., № 15). Опись церковныхъ древностей (между ними есть запорожскія); замѣчательныя надгробія.

В. Я—въ. Историко-статистическія матеріалы о церквахъ г. Елисаветграда: 1) Троицкой крѣпостной и 2) Греческой Владимірской (ibid.).

Протоіерей А. Корочанскій, «О Рождество-Богородичномъ соборѣ города Николаева» (1884 г., № 19).

«О церкви Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости въ г. Николаевѣ» (ibidem).

г) Статьи по исторіи и этнографіи края вообще въ связи съ церковной исторіей.

Пр. А. Лебединцевъ, «Ханская Украйна» (1860 г., № 6). Драгоцѣнныя данныя, почерпнутыя изъ архива херсонской консисторіи: періодъ подчиненія Ханской Украйны молдавской митропо-

ліи (съ 1760 г.), списокъ населенныхъ пунктовъ 1793 г.; нѣсколько грамотъ молдавскихъ архіереевъ.

«Изъ замѣтокъ священника, жившаго въ осажденномъ Севастополѣ» (1861 г. №№ 6—10).

Священника Н. Игнатьева, «Замѣтки о современномъ религіозно-нравственномъ состояніи молдавскаго населенія въ новороссійскомъ краѣ» (1861 г., № 9).

Протоіерей Н. Неводчиковъ, «Письма къ священнику херсонской епархіи о бамбардированіи Одессы» (1862 г., № 8).

М. Гребинскій, «Перечень событій, относящихся къ исторіи херсонской епархіи» (ibid., № 10).

Протоіерей Мих. Павловскій, «Профессоръ философіи въ новороссійской семинаріи поручикъ Яковъ Артемовъ» (1864 г., № 3). Приложенія: 1) посьмо А—ва къ петербургскому архіепископу Амвросію 1799 года 23 декабря, 2) привѣтствіе его императорскому величеству Павлу Петровичу на случай его прибытія въ екатеринославскую семинарію.

Священникъ Н. Неводчиковъ, «Воспоминанія о Е. А Хитрово» (1864 г., №№ 3, 5 и 7).

Священникъ В. Н. Никифоровъ, «Историко-статистическое описаніе прихода собора гор. Александріи» (1873 г.). Данныя объ основаніи города.

В. И. Григоровичъ, «Изъ записокъ антиквара о поѣздкѣ его на южныя побережья Днѣстра» (1874 г., № 18). Данныя о русскомъ населеніи приднѣстровья.

Священникъ В. Н. Никифоровъ, «Очерки александрійскаго уѣзда» (ч. I, №№ 22—24, 1878 г.). Въ 1-й части этого почтеннаго труда находимъ весьма интересныя свѣдѣнія по географіи уѣзда: рѣки, рѣчки и ручьи, озера и острова, топографія: могилы и курганы, городища; затѣмъ слѣдуетъ обстоятельный историческій очеркъ края съ древнѣйшихъ временъ; особенно цѣнныя свѣдѣнія сообщаются о заселеніи новороссійскаго края въ XVIII в.; во 2-й части дѣло идетъ объ административномъ раздѣленіи Новороссіи въ разныя времена, со дня присоединенія ея къ Россіи; есть данныя о военныхъ поселеніяхъ. Были отдѣльные оттиски.

Матеріалы для исторіи христіанской благотворительности въ Одессѣ: 1) наставленія А. С. Стурдзы сестрамъ общины сердоболь-

ныхъ сестеръ, 2) двѣ келейныхъ молитвы сердобольной сестры, сочиненныя Стурдзою (1877 г., № 17).

Памяти свѣтлой княгини Е. К. Воронцовой, «Слово архіепископа Платона и рѣчь протоіерея М. Павловскаго при погребеніи ея» (1880 г., № 10).

Протоіерей С. Патенко, «Городъ Новомиргородъ, его храмы и духовное управленіе» (1880 г., №№ 10, 13, 15 и 21).

Священникъ Г. Гуравскій, «Памяти графа Д. Е. Остенъ-Сакена» (1881 г., № 15).

Протоіерей С. Серафимовъ, «Матеріалы для исторіи херсонской епархіи съ учрежденія ея въ 1837 году до нашего времени» (1883 г., №№ 3 и 4). Содержаніе: 1) раздѣленіе екатеринославской епархіи, 2) прибытіе въ Одессу архіепископа Гавріила, 3) открытіе херсоно-таврическаго епархіальнаго управленія въ Одессѣ, 4) въ какомъ состояніи первый архипастырь херсонскій нашелъ церкви одесскія и прочія духовныя учрежденія, 5) высочайшее посѣщеніе Одессы въ 1837 году, 6) появленіе чумы въ Одессѣ въ 1837 году, 7) іереи съ истинно-пастырскимъ самоотверженіемъ—Ѳеофанъ Головченко и Ѳедоръ Самборскій.

Нѣсколько статей было посвящено въ «Прибавленіяхъ» *штундизму*, а именно:

Горжалчинскій А., «Штунды и штундизмъ» (1876 г., № 14). Дѣло о штундистахъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ мировыхъ судей; село Злынка, какъ удобное мѣсто для развитія ереси; ученіе штунды и мѣры борьбы противъ него.

«Замѣтка о штундахъ» (1878 г., № 8). Судебное дѣло о Михаилѣ Ратушномъ и другихъ, разбиравшееся въ одесскомъ окружномъ судѣ 30 марта 1878 года.

Священникъ В. Н. Никифоровъ, «Нѣчто о штундизмѣ» (1881 г., №№ 5 и 8). Бесѣда автора съ Рябошапкою; отчетъ о судебномъ слѣдствіи по дѣлу о штундистахъ с. Любомирки, разбиравшемуся въ александрійскомъ съѣздѣ мировыхъ судей 17 іюня 1880 г.

Н. М. Ч., Краткій обзоръ книгъ и брошюръ, распространяемыхъ въ народѣ штундистами (1883 г., № 16).

Д. Протасовъ, «Штундизмъ и разборъ его ученія (1883 г., №№ 21—24).

Священникъ И. Зубовъ, «Къ вопросу и свѣдѣніямъ о малорусскомъ штундизмѣ» (1884 г., № 11).

Толкованіе штундистами XXIII главы Евангелія отъ Матѳея (1882 г., № 21).

Итакъ, изъ перечня, сдѣланнаго нами, можно убѣдиться, что «Прибавленія» къ Херсонскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ заключаютъ въ себѣ довольно матеріала по мѣстной исторіи и географіи, особенно для такого молодого края, каковъ херсонскій. Пожелаемъ, чтобы пытливость мѣстнаго духовенства въ этомъ направленіи росла и ширилась и впредь больше добывала такого цѣннаго матеріала, какой находимъ въ «Прибавленіяхъ» за истекшее первое 25 лѣтіе Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

В. Ястребовъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ О ЗАПОРОЖЦАХЪ.

Около 10 лѣтъ назадъ сему, въ с. Ольшанскомъ (екатеринославской губерніи) случилось мнѣ познакомиться съ двумя глубокими стариками, тамошними крестьянами, извѣстными въ народѣ по однимъ лишь именамъ. То были дѣдъ Андрей и дѣдъ Пилипъ. Оба они были люди бывалые, многое видѣвшіе, многое слышавшіе на своемъ долгомъ вѣку. Пилипъ много лѣтъ чумаковалъ, Андрей всю молодость провелъ въ бурлачествѣ, жилъ «въ забродахъ», т. е. на рыбныхъ ловляхъ у Азовскаго моря. Разъ какъ-то сошлись мы вмѣстѣ всѣ трое и разговорились. Пилипъ завелъ рѣчь о томъ, что пчеламъ теперь скудно жить, что въ степи вывелись терны, исчезли цвѣты, перестала родить гречка; Андрей вздохнулъ, покачалъ головою и началъ разсказъ о давней давнинѣ. Вспомнилъ онъ и дѣда своего, и отца, и свое дѣтство, жизнь въ забродахъ, товарищей бурлакъ. Съ воспоминаніемъ о дѣдѣ, въ его словахъ воскресли «Дикое поле», «Великій лугъ», Днѣпръ и Лиманъ, море, Дунай и Запорожье... По разсказамъ Андрея, дѣдъ его былъ запорожецъ, жилъ болѣе 100 лѣтъ. Рано лишился Андрей матери, поэтому дѣдъ его «съ пупку» выняньчилъ, выкормилъ и воспиталъ.

— Якъ бувъ я малымъ разсказываетъ Андрей, то за дидомъ бигавъ, якъ пидбилшавъ, дидъ за мною. Я горобцивъ деру, дидъ шапку

пидставля; я кони пасу, дидъ за пидпасыча. Дидъ любивъ розска-зувать, я любивъ слухать... Винъ мени и заспива и казку роскаже и загадку. Якъ-бы не дидъ, не бувъ-бы я въ забродахъ, не знавъ-бы ни Лиману, ни моря, ни бурлакъ, не чувъ-бы про запорожцивъ, що воно за люди и видкиля взялися. Винъ мени вси входы и выходы росказавъ.

— Откуда-же, запорожцы взялись? спрашиваю Андрея.

— Найшли видовсюды.

— Чого, якъ?

— А ось якъ,—росказувавъ покійный дидъ. Якийсь-то бувъ руській царь, що стоявъ пидъ страхомъ у чужоземця... Це давня давнина... Ну-жъ, такъ отъ нашъ царь тому нѐпріятелеви и платывъ подать людьми; було займе, якъ отару овець, тай жене... Хто було пиде до нѐпріятеля, то уже й не вернеться: поминай, якъ звали. Отъ разъ нашъ царь пославъ тому супостатови людей самихъ одбирнихъ. Выйшли вони въ степъ, порадились и кажуть: «чого мы пидемо до проклятого кимлыка-мухамеда? На заризъ? Есть мижъ нами ковали, шевци, ткачи, ганчари, шаповалы; есть знахури, характерники. Давайте тутъ жить!» Подались вони въ байраки, кущи, повыкопували землянки и живуть.

— Ну, а царь?

— А що-жъ царь! пославъ тай байдуже. Тобѣ треба гришми платить, а винъ людьми.

— Нуте, дальше, диду.

— Ну, и дали... На другій годъ опьять найшло людей, на третій опьять—стало циле військо. Отъ супостатьскій царь и пише нашому: чомъ ты, каже, людей до мене не гонишъ? А нашъ: «посылаю, каже, тоби що року...» Багато годивъ минуло, попереминялись и цари въ земляхъ, а люди все намножаються, та намножаються въ дикому степу. Ну, ставъ ото нѐпріятель докучать имъ: все на ихъ набигае, що придбають, все зъ ихъ обдере. Отъ давай вони били ёго ворожить. Стилько не пошле війска, вони все и порубають. Характерники були... Тоди ото и стала ходить чутка, що живуть десь запорожци—таке страшне військо, що й не приступишь.

— А хто-жъ, диду, въ ихъ за старшого бувъ?

— Кошовый! Військо выбере характерника, тай орудуе винъ нимъ.

— А земля чія-жъ то була?

— Ничія, дика. Тутъ кишавъ звирь, гадъ, та птиця Божа. Була-то колись таки нашого царя земля, а потимъ турки чи татары завоювали.

— И довго, диду, жили тутъ запорожци?

— Поки одвоювали у турка землю. Одвоювали геть одъ Орели до моря шириною, и одъ Бога-рички до «Горилого пня» довжиною.

— А то що таке «Горилый пень»?

— А то туды нидъ Донщину, за Савуръ могилою. Була, бачте, могила, а биля неи дубъ, и такій товстенный, що насилу було пьять чоловика обіймуть; дубъ усохъ, такъ ёго и обпалили; стоявъ чорный середъ степу, высокій; видкиль не йдешь—маяче за сорокъ верстъ... Якъ сплюндровали Запорожжя, то биля того дуба живъ одинъ ватажокъ, а на Савуръ могили другій—Сава; ото винъ якъ схоче до себе покликати Саву въ гости, то почепе на дуба копыцю сина, дижде ночи тай пидпале. Побаче Сава огонь, — на коня тай тутъ...

— А якъ-же то сплюндровали, кажете, Запорожжя и коли то було?

— А це вже за Катерины,—царыця така була. Стали, бачте, вороги докучать царыци, що буцимъ-бы то запорожци шкоду роблять; вона зибрала військо и послала на ихъ.

— И що-жъ?

— А що-жъ!.. Зійшлись ото москали, зійшлись и запорожци. Москали стриляють, а запорожци полы пидставляють... Понабирали повни заполы куль, тай пишли до царыци.

— Великій сьвитъ, матусю! кажуть; на тобя оци горишки, вони може згодятьця.

Вона здивувалась тай каже:

— Являйтесь ка мнѣ, я васъ угощу.

Зибрались ото запорожци до неи, а вона й пыта:

— Какъ вы живете, яловое запорожское войско, безъ женъ?

— Живемо, кажуть, не згирше, хиба тильки що отъ сорочокъ никому прать...

Угостила ото вона запорожцивъ и пишла въ ихній станъ. Дывиця: хто зъ казакивъ чоботы квацюе дёгтемъ, хто матню лата, хто кашу варе, хто нужу бье, а инчій вуса круте...

— Что-же у васъ такое нестройное войско? пыта царыця копювого.

— Та такъ, каже, матусю, замиренье: ни противъ кого строиться...

Царыця-бъ и ничого, такъ совитныки въ неи... Бачять, що силою ничого не зроблять, то инчій способъ на ихъ придумали: ставъ Потёмка слободы населять, нимцивъ сажать... взяли вони и подались—де яки на Кубань, а де яки пидъ турка. Тутъ ще зъ туркомъ було! Прыйшли вони туда, а паша каже:

— Тоди я васъ прыйму, якъ заприсягнете служити вирно въ моій земли.

— Добре, кажуть, согласни.

Стали ото збирать ихъ пидъ присягу, а у ихъ у кождого въ торбыни була христіянска земля; вони понасыпали въ чоботи теи земли, пидійшли пидъ присягу и кажуть:

— На чый земли стоимо, тому цареви и будемо служить!

Такъ вони и робили: було въ турецыни живуть, а помичъ дають своимъ хрещенимъ.

— А теперъ хиба ихъ тамъ уже нема?

— Есть, кажуть, та мало: выйшли колись звидтиль, и вже тутъ вони перевелись...

Александровскъ, екатер. губ.
22 іюня 1885 г.

Я. П. Новицкій.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ ВЪ НОВОРОССІИ.

Въ Одессѣ, за угломъ Преображенской улицы, обращенной къ кладбищу, осенью 1869 г., сиживала съ другими попропайками и сгорбленная худенькая старушка. Днемъ она, въ ожиданіи похоронъ и милостыни, грѣла тамъ на солнышкѣ свои старыя кости, или пряталась отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, а вечеромъ приходила въ одинъ изъ домовъ той улицы и, пригрѣтая лаской христіанскаго семейства, словно оживала. Накормленная «борщикомъ» и чѣмъ Богъ послалъ и напоенная «чаечкомъ», она впалыми полупотухшими глазами, какъ могла, присматривалась къ теплому уголку, пріютившему ее на ночь, и ослабѣвшимъ слухомъ усердно прислушивалась къ разговору своихъ хозяекъ, почтившихъ ее именемъ бабушки. Словно бабушка настоящая, она любопытствовала знать, «що шые Оленка», или «що робить Лизаветка», приносила имъ гостинцы — «яблочко» или «бубличокъ», разсказывала имъ про

свою долгую жизнь, сперва довольную и счастливую, потомъ бѣдную и горькую, доканчиваемую съ весны до поздней осени на Преображенской улицѣ, а съ осени до весны на печи въ одномъ изъ подгороднихъ хуторовъ.

Одна изъ слушавшихъ разсказы бабушки, молодая, любознательная душа своими разспросами съумѣла вызвать ее на разговоры, чутко-внимательнымъ ухомъ уловить ихъ вполнѣ и по свѣжей памяти положить на бумагу. Съ согласія записавшей предлагаемъ здѣсь три разсказа, точнѣе народныя сказки, переданныя этою столѣтнею почти старухою, всю жизнь свою проведшую въ окрестностяхъ Одессы и, Богъ знаетъ, откуда туда забредшею. Въ нихъ ярко свѣтится общенародная малорусская мораль, а чистая, гладкая рѣчь показываетъ, что они долго находились уже въ народномъ обращеніи.

Злыдни [1]).

Роскажу вамъ, диточки, не баечку—ни, але правду. Въ единимъ сели були два браты: еденъ багатый-багатый, такій що годи, а другій бидный. Бачите—меньшій бувъ багатый, а старшій бидный. Ото бачите—той сиромаха бидный робивъ тому багатому, такъ нибы якъ за наймита бувъ у нёго. Ото багатый лежить соби и спочивае, а бидному сказавъ молотити на насиння. Ото винъ сиромаха пишовъ на тикъ, тай ставъ молотити. Коли дывиця, ажъ ласочка все бига отъ стижка та до стижка, высмикве пшеныци изъ маленького стижка, тай несе въ великій до багатого. Ото винъ дывиця, дывиця, а дали каже: потривай-же, пидстережу-жъ я тебе, що ты таке за вира! Ото засивъ, тай піймавъ. Піймавъ, тай питаеця его:

— А що ты, каже, таке? Кажи, бо якъ не скажешь, то задавлю.

— Ой, не дави мене, пусти!

— Ни, не пустю, доки не скажешь, що ты таке.

— Ой пусти! я скажу тоби, що я таке—я щастя твого брата.

— Ну, коли ты щастя мого брата, то скажи-жъ мини: де мое щастя?

— Твое щастя далеко, ёго нема тутечки: у брата скильки ты не будешь працювать, все будешь старчувать; а ты заразъ бери жинку,

---

[1]) Бѣдность, бѣдственная жизнь.

дитей, тай иди витциль; тай якъ будешь забиратися и злыдни захотять ити съ тобою, то ты возьми, та всади ихъ гарненько въ баклажокъ, та возьми на плечи, тай неси; а тамъ якъ будешь ити, то зобачишь, коло шляху фигура буде стояти, а коло фигуры кирныця, тоди ты возьми, тай припшили ихъ у ти кирныци гарненько—нехай тамъ зостаюця, а самъ иди, навить не оглядуючись.

Ото-жъ бидный кинувъ ципъ, ввійшовъ до хаты тай каже жиньци:

— А що жинко, вдягай дитей, тай ходимъ; не хочу вже я бильше у брата робити, ходимъ щастя шукати.

— А це що тоби таке сталося? куды-жъ мы пидемъ? тай вви. що-жъ я дитей повдягаю?—стала жинка гримати на нёго.

— Ну, якъ ты не хочешь, то зоставайсь, роби братови, а я пиду; бо мого щастя нема тутычка.

— Нема що робить,—давай вони обое збирати тамъ де яке збижа, щобъ то дитей повдягати. Повдягали, помолились Богу, тай хотили, бачите, йти, а злыдни съ-пидъ припичка:

— И мы за вами!

— Що тутъ робити? дума чоловикъ; треба й злыдни забирати.

Тоди взявъ ихъ, гарненько повсажувавъ въ боклагъ, заткнувъ яки були дырочки, на плечи, тай понисъ.

Несе, несе, коли дывиця, ажъ кирныця и фигура коло неи. Отъ винъ тоди гарненько взявъ ихъ, спустивъ въ кирныцю, припшлывъ тамъ ихъ, тай каже: сидить-же оттутъ, бисови злыдни! а самъ пійшовъ, не оглядаючись.

Отъ прыйшовъ винъ до единого села, ажъ тамъ, дывиця, сидять люди коло корчмы; отъ винъ прыйшовъ до нихъ ближче,—може спочити хотивъ, або що,—тай каже:

— Здорови, люди!

— Здоровъ будь, чоловиче!

— Зъ недилею будьте здорови!

— Спасыби,—видвичають.

— А куди тебе Богъ несе, чоловиче добрый?

— Иду, люди добри, чи не здыбаю де свого щастя, та добрихъ людей.

Ото, обизвався еденъ чоловикъ старенькій, сидивъ тамъ мыже людьми, бачите: коли хочешь, каже, чоловиче добрый, то йди до мене; я чоловикъ старый и баба моя стара, а хазяйство, хвалить Бога,

добре маю. Помремо, все тоби зостанеця, якъ тильки будешь насъ обхожувати до смерти. У насъ дитей нема, а мы уже стари, нема насъ кому доглядати и въ хазяйстви працювати.

Ото той бидный и ставъ у дида робити. А хазяйство въ ёго добре було,—були волы й коровы, и вивци, и свини—геть все було. Ото дидъ каже тому бидному:

— Возьми, сыну, та постанови соби землянку, бо баба удушлива, не може бути межи дитьми.

— Добре, каже, тату!—бачите, винъ ёго батькомъ кликавъ,—тай ставъ копати землянку.

Копае, ажъ дывиця, стоить казанокъ грошей; отъ винъ взявъ заховавъ ти гроши соби гарненько, тай мовчить. Ажъ не забаромъ умеръ дидъ, а тамъ перегодивши и баба вмерла, и ёму все лышилось. Тоди винъ ставъ такъ хазяювати, що годи; бавже ставъ багачемъ такимъ, що и сказати не можно. Ото выстроивъ соби двиръ такій, що годи; уже ставъ паномъ, купцемъ; уже до нёго и попы, и купци, и паны стали заизжати та гостювати, та напиватися, бо то у нёго були и напитки, и наидки, все; кони на стани таки, якъ зміи стоять,—сказано купцемъ-паномъ уже ставъ.

Ото стали люди казати тому братови, що твій братъ—чи Тимко, чи Иванъ—купцемъ-паномъ уже ставъ, такій багачъ, що годи: въ двори живе, дитей письма понаучовавъ и до нёго геть и попы, и купци, и паны вси заизжають, такій багачъ, що и сказати не можна.

— А ну, жинко, осидлаю я коня, каже той братъ, та поиду, побачу, що то люди плещуть, що винъ нибы такій багачъ ставъ.

Ото й поихавъ, прыизжае до села, тай пытаеця:

— Де тутъ такій и такій чоловикъ?

— Онде ёго двиръ, показали ёму.

Отъ винъ прыизжае до брамы, злизъ зъ коня, коли дывиця, ажъ ёго братъ похожае соби по подвирью съ купцями и панами, такій, що куды тоби! А дали якось и углядивъ, тай каже: «отъ и братъ мій прыихавъ!» Отъ той звійшовъ, привитався, пишли заразъ до господы, стали пити, гуляти, напиватися. Ото напивались тамъ день, другій, третій, а дали вже паны, попы, то що, порозъизжалися, тильки зосталися вони въ двохъ. Сидять соби за столомъ, та ще напиваюця. Ото пили, пили, а дали той братъ пытае:

— Скажи мини, брате, чого ты ставъ такій багатый? де ты свои злыдни дивъ? Бо, то бачите, ёго заздристь взяла.

— Ге, де! диво! каже той багатый—у кирныци пришпиливъ.

— У якои кирныци?—пытае зновъ той.

— А отъ у тои, що коло неи фигура стоить, коли бачивъ.

— Ну, помысливъ той, почикай-же, пійду-жъ я та одшпилю ихъ, прійдуть вони зновъ до тебе, не будешь ты такій панъ.

Ото вже ёму и не сидиця, заразъ ставъ турбуватись—тобъ то щобъ ихати до дому, щобъ скорише злыдни одшпилити. А той все втримуе:

— Не йдь, каже, братику, погостюй ще въ мене.

— Ни, брате, треба ихати до дому, бо въ мене хазяйство, треба доглянути; а тутъ въ ёго думка инша.

Ото попрощались гарненько, винъ сивъ на коня й поихавъ. Прыизжае до кирныци, дывиця, ажъ такъ—сидять тамъ злыдни пришпыляни. Отъ винъ взявъ, видшпиливъ ихъ, тай каже:

— Идить отъ цею дориженкою, а тамъ буде село, а въ тимъ сели вашъ хазяинъ живе,—вамъ буде у нёго теперь добре.

— Цуръ ёму, пекъ ёму—щобъ мы до ёго вернулись; винъ насъ бувъ-бы занапастивъ на вики, якъ-бы ты не одшпиливъ; ты насъ вызволивъ, мы до тебе й пидемо, тай будемъ твои во вики виковъ!

Тай причепились до ёго. Та якъ причепились, то винъ ставъ ще гирший старець, нижъ братъ ёго бувъ перше.

Доля.

Въ одномъ селѣ була дивка, вже дохожала. Не случались, бачите, люди, ще не пришла пора ии. Отъ вона каже соби:

— Господи милостивый! мои диты та вже повыходили за мижъ, а я и доси дѣвую. Пиду я до церкви, та буду всю ничь молитися Богу, чи не скажуть мини святіи, де моя доля.

Отъ и зробила такъ: пишла до церкви, та якъ стали вже люди выходити, а вона взяла тай стала за дверима, а дякъ не бачивъ ии, тай зачинивъ церкву, а вона й зосталась. Отъ вона стала молитися Богу. Коли такъ якъ у пивночи—дывиця, ажъ прылитають янголи до Бога тай кажуть:

— Господи милостивый! тьма народилась, а тьма вмерла.

А Господь видвичае:

— Котри народились—долю дати, а котри вмерли—поховати.

Отъ вони й полетилы соби.

А дали зновъ прилитають:

— Господи милостивый! тьма народилась, а тьма вмерла.

А Господь зновъ видвичае, якъ перше. А вона все молитьця. А дали якъ стало сьвитати, зновъ янголи прилитають до Бога и кажуть, якъ и перше. Господь имъ зновъ такъ видвичае:

— Котри народились—щастя-долю дати, а котри вмерли—поховати.

Отъ вони й полетилы соби.

Тоди та дивка каже:

— Господи милостивый! всимъ долю кажешь дати; скажи-жъ мини, де моя доля, чи е вона въ мене, чи не мае?

А Господь ій видвичае:

— Цю ничь твоя сусидка матиме сына—ото твоя доля; якъ сповныця ему 16 годъ, винъ тебе визьме и ты будешь щаслива, добре тоби буде за нимъ; матимешь ты двохъ сынивъ и тоди винъ умре, а ты зостанешься вдовою, и ще по твоій смерти зъидять тебе собаки.

Отъ давъ Богъ сьвитъ, вона приходить до дому, ажъ тамъ сусидка сына мае. Отъ вона никому ничого не каже, та такъ того хлопця любить, що годи. А той хлопчина такъ хутко росте, та такій гарный стае. Та вже вырись велыкій, тай каже батькови:

— Тату, я хочу женитися.

— Добре сынку, женися, шукай соби на сели дивчину.

— Не хочу я на сели шукати, я визьму оцю нашу сусидку.

— Що ты? схаменись, вона тоби за бабу годиця, а не то, що жинка.

— Ничого, що баба, коли я іи люблю и хочу іи взяти, тай годи.

Ото батько й мати спиняли ёго, спиняли, а дали бачать, що винъ въ одну душу—визьму сусидку тай годи, тай кажуть:

— Ну, бери! нема що робити, але щобъ писля не жалкувавъ.

Отъ винъ посватався, а далй отбули весилля, и стали вони соби жати. Живуть такъ гарно, що годи: все село дывуеця, що вона така стара, а винъ ще хлопець, и такъ живуть гарно, що годи. Отъ давъ имъ Богъ и дитей,—було въ неи два сыны, та таки гарни. А дали винъ заслабъ та и вмеръ, а вона зъ дитьми зосталась, и такъ тыхъ дитей доглядае, такъ вони ростуть гарно; ото по-

выростали, вже велыки парубки. Коли це вона заслабла тай умерла, а якъ умирала, то призвала сынивъ, тай каже:

— Отъ, диточки, я вже умираю, але, глядить, по моій смерти ще мене собаки зъидять!

— Що це вы, мамо, кажете? Щобъ то мы дали васъ собакамъ зъисти? видвичають тіи сыны; та мы закличемъ коваля, щобъ вамъ домовину окувавъ, тоди поховаемъ.

Отъ ничого: вмерла вона, убрали іи такъ гарно, поклали на лавци, а сыны заразъ зробили домовину таку гарну дубову, закликали коваля, окували іи такъ крипко, геть усю. Посходився народъ, щобъ то ховати покійныцю, коли тутъ вбигае въ хату сусидъ та якъ крикне: ой, стижокъ горить! то вси съ хаты, скильки було народу, повыбигали на той пожаръ, а мерця покинули. Де взялись собаки, вбигли въ хату, зволокли покійныцю зъ лавки, вытягли на двиръ, тай почали шматувати, а закимъ вони вернулися, вже тильки кисточки валяются по подвирью. Тоди взяли ти кисточки, позбирали, посклали у ту домовину, тай поховали.—Отъ якъ то слово, що Господь сказавъ, сполняетця!

На все воля Божа.

Разъ мужикъ сказавъ жинци:

— Жинко! знаешь що, пиду я завтра въ лисъ, нарубаю дровъ, та повезу на базаръ; продамъ, та за тіи гроши куплю мяса, та въ недилю зваришъ борщъ добрый зъ мясомъ.

— Добре чоловиче, але кажи, якъ Богъ дасть, видвичала жинка.

— Та що тамъ ще «якъ Богъ дасть»! якъ захочу, такъ и зроблю.

— Знаю, чоловиче, якъ захочешь, такъ и зробишь, але-жъ, все таки такъ буде, якъ Богъ дасть.

— Ну, коли такъ, то я отъ заразъ запрягаю волы тай ѣду въ лисъ.

И мужикъ выбигъ съ хаты, запригъ волы, кинувъ сокиру на визъ и поихавъ въ лисъ.

— Отъ тоби буде, якъ Богъ дасть, коли я вже ѣду думае соби мужикъ.

Прыихавъ въ лисъ, нарубавъ дровъ, наложивъ на визъ, зашнуровавъ.

— Отъ тоби «якъ Богъ дасть», коли дрова вже на вози. Ну, тай допекла вража жинка; таки свое: «якъ Богъ дасть», тай годи. Ну, тай битиму-жъ колись.

Запригъ волы и поихавъ на базаръ. Тильки що выихавъ зъ лиса, де взявся отаманъ и кричить:

— Стій, куда ты? Скидай лышень дрова; тамъ греблю прорвало, треба гатити, туды йдь скоринше, а не въ базаръ.

Почесався мужикъ, поскидавъ дрова съ воза и поихавъ на греблю. Проробивъ тамъ два дня, а на третій тильки вже къ ночи, голодный, придыбавъ до дому. Жинка уже спала, а винъ пидъихавъ тихенько до хаты и постукавъ въ двери.

— А хто тамъ? спыталась вона.

— Видчини, жинко—якъ Богъ дасть, сказавъ чоловикъ.

— А що, чоловиче, не на мое вышло? спытала жинка.

— Правда, жинко, правда; видъ цёго часу и поки въ сьвити буду жити, все буду казати: якъ Богъ дасть.

ПИСЬМО АВГУСТА II, КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО, КЪ СЕМЕНУ ПАЛІЮ.

Августъ Вторый, Божіею милостію король польскій и проч. и проч. и проч.

Благородный и истинно намъ любезный!

При первомъ извѣстіи о новой и неожиданной революціи на Украйнѣ и безпорядкахъ, поднятыхъ полковникомъ Самусемъ, мы отозвались къ вашей милости, обязывая васъ тотчасъ-же приложить всѣ силы и средства къ погашенію этого огня. Теперь, когда до насъ доходятъ достойныя вѣры предостереженія и сами собственными глазами видимъ, что этотъ пожаръ при помощи вашей все болѣе распространяется, мы должны тѣмъ болѣе удивляться, чѣмъ болѣе ожидали отъ васъ крѣпкой вѣрности и обычной покорности намъ и Рѣчи-Посполитой, что и признаемъ не безъ тяжкой печали. Теперь вашей милости напоминаемъ и этимъ листомъ нашимъ васъ предостерегаемъ, чтобы сами опомнились и другихъ, отклонивши отъ предпринятаго мятежа, къ должной покорности привели, отобранные города и крѣпости тотчасъ-же очистили и покорились законной власти, помня суровость права посполитаго, къ которому уже намъ пришлось-бы обратиться. Не сомнѣваемся, что доброта и милость наши королевскія смягчатъ васъ и устранятъ забывчи-

вость, на что, имѣя основанія надѣяться, желаемъ вашей милости отъ Господа Бога добраго здоровья. Данъ въ Торунѣ дня 10-го февраля мѣсяца 1703 года, царствованія нашего въ VI годъ.

Подлинникъ этого письма сохранялся среди рукописей въ ратушномъ архивѣ во Львовѣ; въ 1840 г. славный галицкій ученый Діонисій Зубрицкій отдалъ его знаменитому польскому ученому Вацлаву Александру Мацѣевскому, послѣдній снялъ съ него копію въ Варшавѣ 15-го сентября 1840 г., съ которой нынѣ это письмо и переведено для печати.

С—ко.

ВОСПРЕЩЕНІЕ ГЕТМАНОМЪ СКОРОПАДСКИМЪ СБОРОВЪ НА „РАЛЕЦЬ".

Въ южной Россіи съ незапамятныхъ временъ существовали приношенія или сборы, носившія названіе *ралецъ* или на *ралецъ*. Обычай этотъ имѣлъ нѣкогда широкое разнообразное примѣненіе и удержался кое-гдѣ и теперь подъ тѣмъ-же, давно утратившимъ свой смыслъ названіемъ, какъ обломокъ глубокой старины.

Приношенія и сборы съ такимъ названіемъ дѣлались два раза въ годъ, въ праздникъ Рождества и въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, и практиковались всюду, гдѣ только люди стояли въ постоянныхъ какихъ либо зависимыхъ отношеніяхъ: давали «на ралецъ» прихожане своему приходскому священнику, крестьяне помѣщику, мѣщане магистратскимъ чинамъ, козаки и посполитство сотенной и полковой старшинѣ, даже цеховые своему цехмистру и братчики своему старшему. Въ приходахъ, цехахъ и братствахъ приношенія этого рода всегда имѣли видъ добровольной жертвы и въ послѣднихъ двухъ не личный, а въ пользу учрежденій, у помѣщиковъ-же, полковой старшины и магистратовъ пріобрѣли съ теченіемъ времени значеніе обязательнаго сбора. Первоначальная форма приношеній была конечно натуральная и лишь постепенно, и то только въ козачьемъ и магистратскомъ мірѣ, перешла въ денежную опредѣленнаго размѣра. Предметы натуральныхъ приношеній были самые разнообразные: хлѣбъ, плоды, огородная овощь, медъ, воскъ, птицы и животныя, пища вообще въ сыромъ и приготовленномъ видѣ, иногда предметы искуственнаго производства, начиная съ прядива и кончая покупными издѣліями. Само собою разумѣется,

что приношенія разнообразились въ содержаніи и количествѣ, смотря по состоянію и роду занятій приносителей, равно потребностямъ и вкусамъ тѣхъ, кому приношенія назначались, пока они не пріобрѣли наконецъ тамъ и здѣсь опредѣленную, устойчивую форму, съ перемѣной и даже утратой самаго названія.

Указать начало и происхожденіе приношеній и сборовъ на «ралець» едва-ли возможно; объ этомъ обычаѣ находимъ лишь случайныя упоминанія въ актахъ XVIII и XVII ст. и такихъ письменныхъ памятникахъ, какъ напр. Дневникъ Ханенка. Начало онаго, безъ спеціальнаго названія и пріуроченія къ извѣстнымъ праздникамъ въ году, относится, конечно, ко временамъ самымъ древнимъ. У всѣхъ народовъ существовалъ обычай первый сборъ земныхъ произрастеній приносить въ жертву божеству, которому человѣкъ считалъ себя обязаннымъ ими. Такой обычай былъ въ церкви ветхозавѣтной, перешелъ и въ ново-завѣтную, существовалъ у нашихъ предковъ-язычниковъ и потомъ христіанъ. Удержалось въ Малороссіи и доселѣ освященіе цвѣтовъ и вѣнковъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ 1-го августа, древесныхъ плодовъ и меду 6-го августа; существуетъ также приносъ такъ называемыхъ «мисочекъ» (варениковъ, пироговъ и куръ) именно въ праздники Рождества и Пасхи, во второй день, и указанія на этотъ обычай восходятъ даже къ XVI столѣтію. Понятно, что приносимое какъ-бы въ жертву Богу, шло и идетъ на пользу его служителей. Тоже чувство благодарности, которое руководило человѣкомъ въ жертвоприношеніяхъ, вызывало и первыя приношенія сидѣвшихъ на чужой землѣ тѣмъ, кому она принадлежала на правѣ собственности. Приношенія эти увеличивались, разнообразились и превращались въ опредѣленные сборы и налоги, натуральные, а затѣмъ денежные. Но и послѣ установленія всѣхъ такихъ сборовъ и повинностей существовали у нашихъ помѣщиковъ до послѣдняго времени нѣкоторые сборы, пріуроченные, какъ и въ XVII ст., къ праздникамъ Пасхи и Рождества Христова. Таковъ въ особенности сборъ каплунами и индюками именно къ этимъ праздникамъ, хотя ему и не присвоивался, кажется, спеціальный терминъ «на ралець». Сборы или жертвы въ цехахъ и братствахъ съ названіемъ «ралець» встрѣчаются во многихъ ихъ уставахъ и записяхъ, существуютъ и теперь, какъ напр. въ селѣ Дыбинцахъ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи и нѣкоторыхъ

селахъ губерніи полтавской¹). Тотъ-же сборъ, въ видѣ налога на мѣщанъ въ пользу магистратскихъ чиновъ, производился въ Кіевѣ еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ практиковался въ отношеніяхъ козаковъ къ полковой и сотенной старшинѣ. Козачая старшина, народившаяся при Хмельницкомъ и окрѣпшая послѣ него, вмѣстѣ съ угодьями пріобрѣтала въ свое «послушаніе» и жившихъ на нихъ людей, становившихся, по тогдашнему названію, ихъ «подданными». Независимо отъ этихъ, всѣ жившіе въ сотнѣ или полку находились въ административномъ и судебномъ подчиненіи старшинѣ, а что касается козаковъ, то старшина пользовалась отъ нихъ не рѣдко такими-же почти повинностями, какъ и отъ «подданныхъ». Понятно отсюда появленіе и въ козачьемъ мірѣ подарковъ старшинѣ въ главные два праздника, превращенныхъ потомъ въ обязательный и притомъ денежный сборъ. Въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ этотъ сборъ въ началѣ XVIII ст. Сборъ былъ тягостнымъ уже потому, что былъ произволенъ, какъ и многіе другіе.

Несомнѣнное, офиціальное свѣдѣніе о существованіи этого сбора, съ спеціальнымъ названіемъ «ралець», даетъ сообщенное намъ обязательно А. М. Лазаревскимъ слѣдующее письмо гетмана Скоропадскаго къ черниговскому полковнику Полуботку, которымъ онъ поручаетъ ему воспретить этотъ незаконный сборъ.

«Припомнѣлисмо, за иными забавами, писати передъ симъ до вашей милости о томъ, ижъ бысь предложилъ во всѣ рейменту нашего полки указами, чтобъ теперъ, иле безъ бытности нашой при резиденціи, нѣгде ралцевой не вибѣрано належитости, такъ зъ козаковъ, которимъ въ два похода слѣдовати состоялъся указъ, яко зъ посполитихъ, которимъ самихъ стоялцовъ сустентовати будетъ не безтяжестно. Прето нарочно нынѣ сей нашъ до вашей милости листъ ординуючи, жадаемъ пилно, абысь ваша милость до и. п. полковниковъ цѣлихъ и наказнихъ написалъ именемъ нашимъ, дабы, если не велѣли въ полкахъ своихъ по давномъ обикновенію ралцевой стягати повинности, уже оной занехали весьма; если-жъ забрана, то жебы тихъ грошей нѣхто зъ старшины нѣкуда рострачовать не важились: ибо за поворотомъ, дасть Богъ, нашимъ роскажемъ

¹) См. «Кіевскую Старину» 1885 г., сентябрь, стр. 159—171.

оніе любъ воснять людямъ, зъ которихъ стягано, поотдавати, любъ на яковіе общенародніе нужди въ кождомъ полку употребить для тихъ-же людей полегкости въ другихъ необходимихъ повинностяхъ. Да и тое доложить, что когда-бы хто зъ старшини сотенной чили полковой стягненную ралцевую належитость мѣлъ на свои тахловати привати, а тое на немъ доведется потомъ, теди не тилко затахлованное возвратити муситъ, але еще за тое и штрафованъ будетъ, декляруемъ; кгди-жъ и давно мы уже мислили, для предлежащихъ людскихъ трудностей, тіе ралци отставити, да за забавами нашими пойшло тое въ запомнене по сей часъ. О томъ вашей милости предложивши, зичимъ ему-жъ доброго отъ Господа Бога здоровя. Зъ великого града Москви. Марта 30 дня. Вашей милости всего добра зичливый пріятель Іванъ Скоропадскій, гетманъ войска его императорского величества запорозского.

Письмо писано въ 1722 г., какъ это указывается Ханенкомъ въ его діаріушѣ (Чтен. въ моск. общ. истор. и древн., 1858 г., кн. 1, стр. 37). Нѣтъ сомнѣнія, что это письмо вызвано было слухами объ учрежденіи малороссійскій коллегіи, которая должна была, между прочимъ, «всему малороссійскому народу всѣ неправые суды и напрасныя отягощенія пресѣчь». Однимъ изъ «напрасныхъ отягощеній» былъ и *ралець*, собиравшійся въ пользу старшины два раза въ годъ, къ Пасхѣ и Рождеству. Письмо списано съ копіи, помѣщенной въ журналѣ генеральной канцеляріи за 1722 г.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Пещера въ лебединскомъ лѣсу и остатки старинной живописи въ лебединскомъ монастырѣ).

Въ кіевской губерніи, чигиринскомъ уѣздѣ одно изъ самыхъ древнихъ поселеній есть с. Лебединъ, памятное въ исторіи и народныхъ преданіяхъ. Близъ него существовалъ издревле мужской монастырь того-же названія, преобразованный въ концѣ прошлаго столѣтія въ монастырь женскій, а вокругъ него тянулся лѣсъ, извѣстный также подъ именемъ лебединскаго. Въ прошломъ столѣтіи, во время

насильственнаго распространенія здѣсь уніи, монастырь служилъ пріютомъ для оставшихся вѣрными православію, а лѣсъ служилъ убѣжищемъ для гайдамакъ. Отсюда извѣстность монастыря и лѣса. Не разъ мнѣ приходилось быть въ этой мѣстности, и я хочу сообщить свѣдѣнія какъ о тамошней пещерѣ, такъ и объ остаткахъ старинной живописи въ монастырѣ.

Пещера находится въ лѣсу между с. Лебединомъ и монастыремъ, вправо отъ дороги, ведущей изъ лебединскаго сахарнаго завода въ монастырь, во второмъ оврагѣ, при подъемѣ на «Сопи-гору», какъ разъ на границѣ между имѣніями графа Бобринскаго и помѣщика Роговскаго. Года четыре тому назадъ, при рытьѣ пограничной канавы, рабочіе засыпали входъ въ пещеру и съ тѣхъ поръ богомольцы не сворачиваютъ съ дороги и не осматриваютъ ее съ благоговѣніемъ, какъ это дѣлалось раньше. Пещера расположена на краю «садка», который по традиціи называется Андрійцевымъ. Входъ находится на юго-западной сторонѣ, передъ нимъ довольно обширная площадка, образовавшаяся, по видимому, изъ вынутой земли; передъ входомъ, лѣтъ 8—9 тому назадъ, росла роскошная калина. Внутреннее помѣщеніе состоитъ изъ двухъ комнатъ, по кубической сажени въ объемѣ, приблизительно; вторая комнатка расположена влѣво отъ первой, вправо-же находилось отверстіе, въ которое могъ свободно проползти человѣкъ, и судя потому, что въ этомъ каналѣ была усиленная тяга воздуха, сопровождаемая какъ-бы шумомъ пчелинаго роя, нужно полагать, что былъ еще другой ходъ изъ пещеры наружу, но куда онъ велъ, не знаю. Почва пещеры глинистая, твердая; стѣны въ видѣ правильныхъ плоскостей; какихъ либо признаковъ внутренняго убранства, конечно, не сохранилось, исключая только находившагося противъ входа четырехугольнаго углубленія въ стѣнѣ, служившаго, вѣроятно, полкой. Высота и глубина полки незначительны, всего 2—3 вершка, а ширина вершковъ пятнадцать; стѣны этого углубленія нѣсколько, кажется, закопчены дымомъ.

Кому принадлежала эта пещера, кто первый ее вырылъ и какое было назначеніе,—свѣдѣній объ этомъ доискаться нельзя. Близость монастыря указываетъ на то, что это было убѣжище кого либо изъ иноковъ, желавшаго подвизаться въ совершенномъ отчужденіи отъ міра. Къ этому-же приводитъ и слышанный мною на мѣстѣ слѣдующій разсказъ одной женщины.

«То ще було за панщины, тоди вольно було скризь пасти скотъ. Отъ мій братъ, якъ бувъ ще маленькимъ, пасъ съ другимъ хлопцемъ вивци въ цему лиси. Разъ пишли вони въ лисъ и набрели на ту печерю. ‹Давай, полиземо та побачимо, що тамъ таке›, каже мій братъ тому хлопцеви. ‹Давай›, каже. Довго спиричались вони, кому первому лизти, бо боялись, а дали й полизли. Увійшли у якусь погребицю; коли дивлятця, ажъ тамъ и горщечокъ, и мисочка, и ложечка; въ куточку малесенька иконочка, а коло неи чотыри свичечки навхрестъ; далій сундучокъ, а коло сундучка килимокъ. Взяли вони, розбили горщечокъ и мисочку, ложечку поламали, а свички забрали, тай вылазять; коли дивлятця, ажъ йде чоловикъ, увесь въ чорному, съ патеричкою въ рукахъ. ‹А чого вамъ, каже, треба? За вами и тутъ ничого не вдержитця... Постойте-жъ, я вамъ!» Хлопци давай драла, покидали и вивци и усе. Якъ узнали люди про ту печерю, почали ходити, але вже не бачили бильше того схимника, змандрувавъ десь мабуть›.

Настоящій женскій, или ‹панянскій›, какъ говорятъ крестьяне, монастырь существуетъ сто съ лишнимъ лѣтъ и теперь извѣстенъ по существующему тамъ училищу дѣвицъ духовнаго званія. Въ немъ сохранились, между прочимъ, нѣкоторыя изображенія старинной мѣстной живописи, въ ряду которыхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя картина страшнаго суда. Если послѣ богослуженія будете проходить черезъ колокольню, всегда застанете здѣсь кучки богомольцевъ, особливо женщинъ, съ любопытствомъ разсматривающихъ изображенныя на картинѣ муки грѣшныхъ. Коментаторомъ является находящаяся здѣсь черничка, объясненія которой богомольцы слушаютъ со вниманіемъ и нѣкоторымъ трепетомъ. Картина эта въ помѣщенныхъ на ней фигурахъ носитъ мѣстный колоритъ. Грѣшники богачи представлены въ видѣ польскихъ пановъ, въ кунтушахъ, съ широкими поясами; усердіе и холодность къ церкви изображены въ видѣ двухъ дѣвушекъ, собравшихся идти въ церковь. Обѣ въ малорусскихъ крестьянскихъ нарядахъ, но у одной получше, у другой хуже; это значитъ, что послѣдняя на скорую руку одѣлась и поспѣшила въ церковь, чтобы не опоздать, другая-же старалась получше одѣться, и поэтому опоздала. Тутъ-же показано и возмездіе,—ибо усердная къ церкви дѣвушка шествуетъ рядомъ

съ монахинями и участвуетъ въ ихъ славословіи, наоборотъ, хлопотавшая о нарядѣ, плачущая, отправляется въ адъ. Кромѣ этихъ, въ разныхъ мѣстахъ картины видно много другихъ человѣческихъ фигуръ, изображающихъ собою разные виды грѣха и добродѣтели, наказанія и награды, а въ числѣ ихъ выдаются изображеніе обѣда нечестивыхъ и благочестивыхъ людей, а также разнаго рода смертей—отъ огня, отъ воды и отъ водки; послѣдняя тяжелой булавой пригнетаетъ человѣка къ небольшой лужѣ и топитъ его. Но болѣе всѣхъ поразили меня, по загадочности своей тенденціи, двѣ фигуры, мужеская и женская, съ подписями: *кисель* и *кваша*. «Кисель» представленъ въ видѣ кавалера, одѣтаго въ красный кунтушъ, завитаго, нарумяненнаго, съ закрученными усами, «кваша» въ видѣ молодицы, неряшливо одѣтой и очень высоко «пидтиканой». Что означаетъ эта аллегорія, рѣшать не берусь, но заношу какъ фактъ изъ мѣстной живописи.

Въ числѣ иконъ, оставшихся отъ бывшаго мужскаго лебединскаго монастыря и хранящихся въ церкви, выстроенной на мѣстѣ прежней, георгіевской, есть нѣсколько ветхихъ и, можетъ быть, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи. На одной изъ нихъ, изображающей Богоматерь, есть надпись, которой дословно сейчасъ передать не могу, но въ которой говорится, что икона написана для георгіевскаго монастыря; въ ней упоминается также игуменъ Мелхиседекъ, безъ сомнѣнія извѣстный въ исторіи Коліивщины Мелхиседекъ Значко-Яворскій, игуменъ мотронинскаго монастыря. Икона совершенно мѣстнаго художества; писалъ ее крестьянинъ села Лебедина Нина, котораго потомки живутъ и доселѣ. Въ этомъ году окончательно «зруйнованъ» б. георгіевскій мужской монастырь, т. е. его ветхія постройки.

Пройдетъ десятокъ, другой лѣтъ и крыло времени замететъ слѣды прошлаго; прійдется, быть можетъ, пожалѣть о томъ, что своевременно не было сбережено, или записано.

Лебедин. сахар. заводъ
4-го августа 1885 г.

Мих. Васильевъ.

КАКЪ РАЗСУДИЛЪ ПАНЪ СТАРОСТА КАНЕВСКІЙ.

Подъ именемъ пана старосты каневскаго разумѣется Николай Потоцкій, владѣлецъ обширныхъ помѣстій на Волыни и Украйнѣ,

средины прошлаго столѣтія, извѣстный своею эксцентричьностью, проще сказать панскимъ самодурствомъ, то въ высшей степени забавнымъ и остроумнымъ, то подъ часъ крайне жестокимъ и дикимъ. О его расправѣ и судѣ ходитъ и доселѣ масса забавныхъ разсказовъ, и какъ дѣйствующими лицами въ нихъ являются не одни шляхтичи, но нерѣдко съ ними евреи, цыгане и малорусскіе крестьяне, то разсказы эти носятъ на себѣ всегда почти мѣстный историко-этнографическій колоритъ. Передаю одинъ изъ подобныхъ разсказовъ, слышанный мною въ давніе годы въ Каневщинѣ, на мѣстѣ дѣйствіи пана старосты каневскаго.

Како-то бѣдный шляхтичъ, возвращаясь изъ дальней поѣздки домой, остановился на ночлегъ въ жидовской корчмѣ. Въ дорогѣ онъ настолько издержался, что у него еле хватало расплатиться за этотъ послѣдній ночлегъ, а о сытомъ ужинѣ и думать было нечего. Былъ между тѣмъ «шабашъ», и хозяева-евреи, къ соблазну голоднаго шляхтича, усѣлись за праздничный ужинъ, за которымъ, въ числѣ другихъ кушаньевъ, была такъ любимая и польскими панами «*надзіевана*», т. е. фаршированная щука, приправленная лукомъ, перцемъ и другими пряностями. Гоноровому шляхтичу просить, конечно, никакъ не приходилось, но и заказать любимое кушанье было не на что, а между тѣмъ тутъ-же подъ бокомъ раздается стукъ посуды, чавканье ужинающихъ, и доносится возбуждающій аппетитъ пряный запахъ «надзіеваной». Не сидится голодному пану шляхтичу; начинаетъ онъ ходить по комнатѣ, а сквозь растворенную ея дверь видѣнъ въ другой комнатѣ и столъ съ ужинающими и аппетитная «надзіевана». Разобрало шляхтича! Сталъ онъ передъ дверью, потянулъ сильно носомъ и громко проговорилъ:

— А, то самый запахъ вартъ сто злотыхъ!

Евреи ничего не отвѣтили на это и какъ-бы вовсе не обратили вниманія на этотъ явственный намекъ шляхтича на то, что и онъ съ удовольствіемъ поѣлъ-бы, если-бы ему предложили.

Шляхтичъ прошелся по комнатѣ, остановился у самой двери, снова потянулъ носомъ и опять сказалъ то-же. Евреи молча продолжали ужинать.

— Или они глухи, или глупы, или совсѣмъ невѣжи, подумалъ про себя шляхтичъ.—Прошелся еще разъ взадъ и впередъ и вы-

тянувшись въ дверь, еще громче повторилъ прежнее восклицаніе. Евреи и впрямь какъ-бы оглохли.

— Гунство! Пся кревъ! пробормоталъ себѣ подъ носъ шляхтичъ и улегся спать.

— Добра оказія! то какъ разъ для пана старосты, подумалъ про себя хозяинъ еврей, мигомъ сообразившій, какой гешефтъ, съ помощію пана Каневскаго, можно сдѣлать изъ невиннаго восклицанія проѣзжаго шляхтича.

На утро собирается шляхтичъ ѣхать и зоветъ корчмаря-жида для расчета. Посчиталъ тотъ за сѣно, за овесъ, за комнату и постой—оказалось платы не много, какъ разъ по тощему карману шляхтича, и онъ сейчасъ-же платитъ.

— Ну, а еще триста злотыхъ!... говоритъ еврей.

— Какіе триста злотыхъ? удивленно спрашиваетъ шляхтичъ.

— А какъ-же! вельможный панъ вчора, какъ мы вечерю ѣли, такъ три раза нюхалъ и все говорилъ: вартъ сто злотыхъ! Ну, три раза по сто злотыхъ, то и будетъ триста злотыхъ. Развѣ панъ самъ такъ не говорилъ?

— Дай мнѣ покой съ тѣми жартами! сказалъ, смѣясь, шляхтичъ, вовсе не догадываясь о томъ, съ чего вздумалось простому жиду такъ непристойно шутить съ нимъ, шляхтичемъ.

— То не жарты, пане! отвѣчалъ еврей. Панъ самъ то говорилъ... А какъ панъ мнѣ не заплатитъ, то поѣдемъ до пана старосты...

Еврей вполнѣ былъ увѣренъ, что эта продѣлка понравится причудливому пану Потоцкому и что онъ самъ заплатитъ ему за его претензію къ шляхтичу, особливо, если этотъ шляхтичъ по чему либо ему извѣстенъ; а шляхтичъ въ свою очередь зналъ, что если онъ и не захочетъ ѣхать къ пану старостѣ, то по жалобѣ еврея тотъ отыщетъ его и въ десятомъ царствѣ и притащитъ къ себѣ на судъ. Какъ-же быть? Платить нечѣмъ, а жидъ не отстаетъ; волей-неволей пришлось ѣхать на судъ къ пану старостѣ.

Пріѣзжаютъ. Жидъ все разсказалъ, какъ было, и проситъ защиты у ясневельможнаго пана.

Пану старостѣ понравилась оригинальность этого позва и онъ велитъ шляхтичу платить еврею триста злотыхъ.

— Смилуйся, ясневельможный! благимъ матомъ кричитъ шляхтичъ. Да вѣдь это и на цыганскій судъ сдаться (отдать на рѣшеніе цыгана) и то можно...

— А! на цыганскій, такъ на цыганскій! Хлопци, чтобъ былъ сейчасъ здѣсь цыганъ! Гдѣ хотите, найдите! крикнулъ панъ староста, любившій все оригинальное, изъ ряду выходящее.

Разыскали цыгана. Панъ староста самъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и требовалъ немедленнаго рѣшенія. Цыганъ на минуту задумался, потомъ сказалъ:

— Ну, а есть-же у этого пана хоть сто злотыхъ, чтобъ уплатить жиду, если я присужу? Деньги на столъ! Иначе я не судья.

Шляхтичъ съежился. Судью онъ самъ предложилъ и покориться надо, а денегъ все-таки у него ни шеляга.

Видитъ панъ староста, что шляхтичъ чуть не плачетъ, догадался, что денегъ у него нѣтъ, вынимаетъ свои сто злотыхъ и кладетъ на столъ.

— Ну, жидъ, считай злотые и клади мнѣ сюда въ капшукъ, говоритъ цыганъ.

— Эйнъ, цвей, дрей... и такъ далѣе до ста считаетъ еврей и выкладываетъ злотые въ капшукъ цыгана. Задернулъ цыганъ завязочку у капшука, приподнялъ его, потрясъ деньгами и спрашиваетъ жида:

— Чуешъ, жиде, якъ брязчать гроши?

— Ну, цую, цую... отвѣчаетъ жидъ.

— Ну, а сколько ихъ тутъ?

— Ну, да сто-жъ злотыхъ.

Цыганъ повторилъ тѣже вопросы второй и третій разъ, побрякивая все деньгами, и получилъ тѣже отвѣты.

— Ну, слухай-же! сказалъ потомъ цыганъ жиду.—Ото-жъ панъ у тебе рыбы нанюхався, а ты грошей, якъ брязчать, наслухався, то й буде зъ васъ, а гроши я визьму соби за розсудокъ.

Всѣ присутствующіе и самъ панъ староста расхохотались отъ такого неожиданнаго рѣшенія. Жидъ поморщился; но не то его ждало впереди.

Гмъ! какъ-то глухо промычалъ панъ староста, что служило у него обыкновенно предвѣстникомъ какого либо оригинальнаго рѣшенія.—Сей нанюхався, той наслухався, вси посміялись, а мои злоти пропали!.. А щобъ жидъ ще й почухався, хлопци, дать ему сто нагаивъ!

Б. П.

Олена Андреевна Пиковцева, а послѣ и самъ Пиковець, и отужинавши вмѣстѣ, розехались по домамъ.

30. Израна былъ въ коммисіи, а послѣ обѣда никуда не внезджалъ, бо недомогалъ послѣ вчорашнего гуляня.

31. Обослалъ насъ судія енералный г. Лисенко свѣжою рибою, а п. Іванъ Гамалія трома карасями, у которого вечеромъ и были мы зъ женою. Отпущены лишные люди въ Перегонъ и принятій на господарство Семенко Шулякъ, чрезъ которого писано до Козачинского и послано въ домъ палубъ и два конѣ, такожъ хомутъ и шлея.

Юнь.

1. Обѣдали и весь день пробавили у Івана Гамаліи въ новокупленномъ его дворѣ. Хлопця малого Андрѣя отдалъ въ наученіе мастерства шмухлерского, которому майстеру поступлено за наученіе оного хлопця 6 р. и уже ему даны 2 р.

2. Обѣдали у писаря суда енералного Івана Пиковця, потомъ и послѣ обѣда зежжались въ коммисію.

3. Писалъ къ новопринятому старостѣ Лаврѣну Козачинскому зъ увѣщаніемъ, чтобъ не пянствовалъ и съ людми не дралъся и где которые вещи присилалъ-бы, якое писмо отправлено чрезъ Никиту Лагоденка.

4. Обѣдалъ у насъ Іванъ Гамалѣя зъ Іосифомъ Гамаліею и Павломъ Скорупною, а вечеромъ былъ у насъ-же полковникъ Тютчевъ и доволно, ажъ до смерку, позабавилъся. Обослалъ насъ рибою Романъ Яненко.

5. Рано былъ я у енерала и обѣдали у насъ тѣ, що и вчора: послѣ обѣда были у насъ первей обозный енералный г. Лизогубъ зъ Іваномъ и Іосифомъ Гамаліями, потомъ Федоръ Чуйкевичъ, писарь енералный Безбородко и Матвѣй Холодовичъ, а надвечери были и панін бунчучная Оболонская, писарка судовая Пиковцева и Романа Яненка жена. Зрана обослалъ насъ судія енералный г. Лисенко рибою. Купчинскій съ товарищи бѣжали вчора.

6. Столповскій первый разъ былъ въ коммисіи, потомъ у мене онъ-же обѣдалъ; судія енералный Якимъ Горленко прибылъ въ Глуховъ.

7. Писалъ къ старостѣ товкачовскому, чтобъ сюда пріездилъ и о протчемъ, якое писмо вручилъ сотнику полковому прилуцкому

Лукомскому для пересилки въ Товкачовку. Обослалъ насъ рибою Іванъ Гамалѣя.

8. Писаря судового Пиковця жена обѣдала у насъ, а зрана былъ у насъ-же бунчучный енералный г. Оболонскій; вечеромъ-же были у Івана Гамаліи.

9. Обѣдалъ у насъ полку прилуцкого сотникъ монастириской Іванъ Романовичъ, а послѣ обѣда на малое время былъ у г. Скоропадского, потомъ зъ полковникомъ лубенскимъ вкупѣ отехали въ коммисію.

10. Писано писмо къ архіерею черпѣговскому, преосвященному Амвросію Дубневичу, о дозволеніи заложить придѣлъ при церкви воздвиженской городецкой во имя святого апостола и евангелиста Іоанна и тое писмо включено въ пакетъ до писаря полкового черпѣговского Митковича, о чемъ и къ нему особливое писмо писано-жъ.

11. Послѣ обѣда отехали до Кочергъ, где за прибытіемъ стали квартерою у бунчукового товариша Івана Филиповского и вечеромъ зъ женою были на греблѣ и на футорѣ Рубановскомъ.

12. Тамъ-же въ Кочергахъ обѣдни слушали, а по обѣдѣ, у оного-жъ Филиповского, былъ у мене значковый козакъ сотнѣ глуховской Іванъ Василенко (vulgo называемый Рудый), который держитъ въ заставѣ три кола млива отъ Стефана Миклашевского; зъ онымъ постановили греблю гатить общимъ коштомъ, и на то въ первый росходъ дано отъ мене осмъ рублей до рукъ Филиповского, о чемъ оттуду-жъ писалъ я и до Стефана Миклашевского, чтобъ онъ и мѣрочника на свою панщину отъ греблѣ не отривалъ; тамъ-же ковалю, що направку де которую коло нашего камени чрезъ два годы дѣлалъ, данъ 1 р.

13. Зранку были у мене атаманъ и войтъ чаусовскіе, прибывшіе сюда за дѣломъ заводнымъ зъ евдоколцями о грунта у нихъ отнятые. Вечеромъ были капитанша Бранчинова, Иванова Гамалѣина и Пиковчиха у жены моей, а у Івана Гамаліи были брегадиръ Ілінъ, полковникъ Тютчевъ и подполковникъ Семеновъ, проводя Еропкина. Отправлено писмо въ домъ до Козачинского чрезъ козака даріевского, присланного зъ писмомъ отъ атамана погарского, Бѣляя, и писмо отъ г. Скоропадского въ Суворовъ.

14. Обѣдалъ у насъ Федоръ Чуйкевичъ, а по позднѣ былъ я зъ женою у бунчучного Оболонского, где былъ-же полковникъ Тютчевъ, Никовцева, судія гадяцкій Родзянка и судія вакансовый Лазаревичъ.

15. Прієхалъ зъ дому Романъ Гапоновъ и де що попривозили. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій.

16. Писалъ въ домъ къ старостѣ Лаврѣну Козачинскому и до господаря перегонского Емеляна Шулика и послано на росплату за всѣ лѣтніе мѣсяци за порціи 23 р. битіе чрезъ — —. Зрапку былъ у мене бунчучный Оболонскій, а обѣдалъ у насъ сотникъ березанскій Василь Думитрашко-Райча, которій и обявилъ о своемъ до С.-Пбурха отездѣ [216]). Староста товкачовскій Ілія Паленскій прибылъ и привезъ 30 руб. денегъ.

17. Писаны писма до С.-Пбурха, и именно до отца Тодорского, учителя придворного, до камергера Николая Андріевича Корфа, до секретаря Новоторжцова двѣ писми, въ одномъ зъ нихъ зъ включеніемъ табакерки и протчого, до Андрея Горленка и до Федора Мойсеевича Божкова, новопожалованного въ дворяне придворного уставщика, и оные писма и табакерка вручены помянутому сотнику Думитрашку. Вечеромъ былъ я у Івана Семеновича Хрущова, где засталъ и брегадира Ілина и подполковника Семенова.

18. Тотъ-же сотникъ Думитрашко отехалъ въ путь свой; я зъ женою обѣдалъ у Івана Гамаліи и до вечера въ карти играли. Федоръ Ширай прибылъ въ Глуховъ.

19. Рано былъ у енерала. Обѣдни слушалъ въ церкви святой Варвары. Обѣдали у мене Василь Гудовичъ, Семенъ Столповскій, да сотникъ прилуцкій Лукомскій, Романовичъ монастирискій и мглинскій Лисаневичъ, а потомъ пришолъ Федоръ Ширай, а послѣ Іванъ Гамалѣя, да ассесоръ Денисовъ, зъ которымъ пошолъ зъ двора моего и у него были. У полковника Ридера дочь рожденную въ семъ мѣсяцѣ крестили полковникъ лубенскій зъ енералшою Бибиковою.

20. Израна не былъ я въ коммисіи ради вчорашного шумства. Обѣдалъ у насъ Федоръ Ширай. Староста товкачовскій отехалъ.

---

[216]) О Василѣ Дмитрашкѣ Райчѣ, см. «Кіевскую Старину» 1885 года, т. XI, стр. 330.

21 и 22. Былъ послѣ обѣда въ судѣ енералномъ для слушанія дѣла челобитствуюцого о козачествѣ Емеляна Галактіонова и о разореніи ему учиненномъ отъ Василя Кулябки.

23. Рано поздравляли генерала Бибикова и генералшу тезоименитствомъ ея, чего для нѣкоторые у нихъ и на обѣдѣ были, въ томъ числѣ и жена моя.

24. Обѣдали у мене асаулъ полковый кіевскій Шумъ, хоружый полковый нѣжинскій Грива, сотникъ самарскій Журба; а послѣ обѣда ездилъ я къ Івану Гамаліи, а енералъ былъ у г. Скоропадского, где и Марко Марковичъ, прибывный изъ С.-Пбурха, съ братомъ своимъ Яковомъ былъ-же.

25. Послѣ обѣда мылъся у насъ въ банѣ Іванъ Гамалѣя. Куплено для кухара крашенины чорной 10 аршинъ за 42¼ к. Хлопцямъ на поясы насистой матеріи за 30 к. Івану 8 аршинъ за 32 к.

26. Обѣдни слушалисмо въ монастырѣ, потомъ перве я самъ былъ у судіи енералного Горленка, потомъ зъ женою у Лисенка, а обѣдалъ въ домѣ и съ нами сотникъ монастирискій Романовичъ. Послѣ полдня былъ у насъ полковникъ лубенскій г. Апостолъ, зъ которымъ ездили по коммисіи нашей для нѣкоторыхъ розговоровъ до обозного генералного г. Лизогуба, где съ нами были и Семенъ Чуйкевичъ и Стефанъ Савіцкій.

27. Інформатору Юngтансу за прошлогодскую сина нашого науку по число 20 маія сего году дано въ доплату 7 р. 30 к. Рано поздравляли генерала полтавскою баталіею, чего для и самъ онъ былъ въ церквѣ св. Варвары на молебствіи, которое служили зъ многими священниками два архимандриты: одинъ гамаліевскій, Софроний Мигалевичъ, другій нѣжинскій, Модестъ Велецкій.

28. Взято у Пуховича для жены на кунтушъ жолтогорящои рецети по 1 р. 10 к. за локотъ 15 и дано къ пошитю Недѣлченку.

29. Рано званы къ генералу на кушане для тезоименитства его імператорского высочества, великого князя Петра Федоровича. Обѣдню въ соборной церквѣ служилъ архимандритъ нѣжинскій Модестъ Велецкій, молебствіе оба: и онъ, и гамаліевскій, а по молебствіи випалено изъ 21 мартиры. Кушали и доволно гуляли у генерала, а между обѣдомъ прибылъ изъ С.-Пбурха синъ енералскій Петръ Івановичъ. Во время молебствія прибѣжалъ изъ Переголу староста Омелянъ Шулікъ зъ тимъ извѣстіемъ, что поручикъ

Кишинскій отобралъ Куровъ и Чубаровъ, которого-жъ старосту сего числа отправилъ обратно изъ словеснымъ и писменнымъ приказомъ. Былъ вечеромъ у Івана Гамаліи и у него-жъ видѣлъся зъ Піроцкимъ.

30. Рано былъ у мене Ширай, потомъ войтъ стародубовскій Коменокъ зъ писаремъ своимъ майстрацкимъ, Савою Терлецкимъ, послѣ г. подскарбій енералный Скоропадскій и полковникъ лубенскій Апостолъ. По обѣдѣ былъ я у подполковника Ладижинского стороны поручика Кишинского, а потомъ были у мене архимандритъ нѣжинскій Модестъ Велецкій и глуховскій петропавловскій ігуменъ Никифоръ Грибовскій.

Юлъ.

1. Писалъ къ Чижевскому, что отъ Піроцкого будетъ отправленъ нарочный зъ писмомъ въ полковую лубенскую канцелярію, дабы чрезъ высланныхъ учиненъ былъ розборъ о спорѣ въ земляхъ зъ слобожанами его и футоромъ нынѣшнымъ Чижевского. Подана въ коммисію економіи челобитная на поручика Кишинского о отобранныхъ имъ деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Сего-жъ числа вечеромъ былъ у мене Петръ Лисаневичъ зъ женою своею, которую онъ понялъ въ Москвѣ зъ дому брегадира Ситина дочь.

2. По ранномъ обѣдѣ отехала жена къ дому, которую провожалъ я зъ синомъ за Березу, а оттоль возвратясь, получилъ писмо, что синъ малый весма боленъ въ Перегонѣ; послѣ обѣда-жъ былъ у подполковника Ладиженского стороны поданной отъ мене въ коммисію економіи челобитной.

3. На писмо вчора зъ дому полученное отправилъ отвѣтъ до жены, у мене-же обѣдали Василь Гудовичъ и сотникъ монастириській Романовичъ, да мглинскій Лисаневичъ, а рано присилалъ полковникъ Тютчевъ служителя звать къ себѣ на завтре, потомъ у енерала будучого мене и самъ просилъ.

4. Обѣдъ кушали зъ енераломъ и зъ протчими у полковника Тютчева ради сегоднешнего тезоименитства его, а одтоль пришедъ, засталъ въ дворѣ пріехавшого изъ дому нашего Петрока Троепосенка зъ тимъ извѣстіемъ, что куровци и чубаровци отъ всякого послушенства отказалися, на которое писмо писалъ къ женѣ, чтобъ войтовъ сискала къ себѣ и противныхъ смирила.

5. Весь день былъ въ домѣ и сочиняли проіектъ и дадикацію по коммисіи переводу и своду правныхъ книгъ, а послѣ полдня первей былъ у ассесора Денисова, потомъ заездилъ до Ласкевича и до дзигармистра, а надвечери былъ у генерала и подавалъ челобитную о Куровѣ и Чубаровѣ, которую велѣлъ подать утро при собраніи другихъ.

6. Оную челобитную рано подалъ енералу, которую онъ и читалъ; по прочтеніи-же оной въ собраніи сообщено въ министерскую канцелярію и приказано писать доношеніе въ сенатъ, отбирать-ли таковые деревни въ економію, а въ економію указъ, чтобъ во владѣніи намъ тихъ деревень до указу не чинено никакого помѣшательства.

7. О таковой резолюціи и отъ Якова Івановича Денисова мнѣ объявлено, почему заходилъ я и въ канцелярію министерскую.

8. Поданъ репортъ о совершеніи въ переводной и сводной коммисіи правного дѣла, а другое доношеніе отъ коммисіи о отправленіи мене зъ тимъ дѣломъ и другими въ С.-Пбурхъ, и позволеніе получили той коммисіи персоны розездитись по домамъ. Писалъ къ архіерею чернѣговскому за отцемъ Іваномъ Подолскимъ и за сыномъ его діакономъ, Іоанномъ-же, которому на дорогу и 1 р. данъ.

9. Рано подписанъ помянутый въ канцеляріи міпистерской о Куровѣ и Чубаровѣ указъ. Рано-жъ отехали въ Дунаецъ до г. Скоропадского, куда прибылъ и енералъ зъ енералшою и другіе господа велико и малороссійскіе, где и кушали и весь день пробавили. Я надвечери, простившись тамъ зъ полковникомъ лубенскимъ, отехалъ до Кочергъ и прибылъ туда позно.

10. Обѣдалъ въ Кочергахъ у Стефана Миклашевского, по обѣдѣ былъ у Івана Филиповского, а надвечери оттоль отехавъ, прибылъ позно въ Семеновку и тутъ у Івана Пѣроцкого заночовалъ.

11. Отданъ изъ министерской канцеляріи стороны Курова и Чубарова въ коммисію економіи указъ. Енералъ сегодня зъ Дунайца поворотилъся, да и г. Скоропадскій зъ дѣтми одтоль прибылъ-же.

12. Виданъ изъ коммисіи економіи о томъ-же указъ къ поруччику Кішинскому. Писалъ писма въ С.-Пбурхъ къ князю Никитѣ Юріевичу Трубецкому, къ секретарю Новоторжцову и къ

Василію Думитрашку вѣрующое писмо зъ приложенною челобитною въ сенатъ о дѣлѣ моемъ стороны деревень Курова и Чубарова.

13. Оный изъ коммисіи указъ отправленъ въ Новгородокъ чрезъ компанѣйца при Каврайскомъ, чрезъ котораго о томъ-же и до жены писано. Рано толко побувалъ у генерала, а по обѣдѣ немогъ на диссентерію и на глисты. Ввечеру пожегналься со мною Столповскій, да у мене-жъ були и сотники прилуцкій полковый Лукомскій и мглинскій Лисаневичъ.

14. Писма писанные въ С.-Пбурхъ включены въ одинъ пакетъ зъ челобитною и еще одно написанное до Думитрашка, и тотъ пакетъ, подписанный на его-жъ имя, отосланъ до Івана Тодорского, чтобъ включилъ въ свой пакетъ отцу брату своему Симону Тодорскому. Отправленъ въ домъ подводчикъ зъ двома наметами и посуда олѣйная чрезъ него-жъ послана при писмѣ къ женѣ.

15. Прибыли зъ дому Грицко и Каврайскій зъ писмомъ. Федоръ Ширай получилъ отпускъ отъ генерала въ домъ на каникулы. Сину Мандзенковому за 12 локотъ блакитного атласу и за аксамитъ чорный заплатилъ 12 рублей.

16. Грицко отправленъ и чрезъ него посланъ ордеръ поруччика Кишинского и копія указу къ нему изъ коммисіи економіи о нечиненіи намъ препятствія во владѣніи деревень Курова и Чубарова. Генералу откланялься, токмо велѣлъ удержатися до нѣсколко дней.

17. Хоружый полковый нѣжинскій Грива женилься на дочерѣ сотника глуховского Даміана Турянского, рожденной зъ первой жены, и вѣнчалься зъ ею въ церквѣ святой Варвары. Федоръ Ширай рано, простившись со мною, отехалъ въ домъ свой.

18. Былъ у мене послѣ обѣда хоружый полковый нѣжинскій Грива съ прошеніемъ на свою свадбу, однако-жъ я у него не былъ, хотя другіе господа, да и самъ генералъ, на той свадбѣ были. Старостѣ локнянскому Якову Кучеру за камень у него взятый въ Кочерги—5 р.

19. Слушали дѣла, изъ суда енералного о Соколовского улицѣ и о протчемъ экстрактомъ представленного, потомъ обѣдалъ у мене Іванъ Гамалія зъ Короицемъ. Ввечеру прибылъ зъ дому съ писмомъ Булаховъ.

20. Обѣдалъ я у Івана Гамаліи зъ обознымъ генералнымъ г. Лизогубомъ, а потомъ и у обозного генералного были. Іову Трубачу, що хлопця Андрея учитъ шмуклерства, даны еще 2 р.

21. Канцеляристъ войсковый, бывшій уже и сотникъ вакансовый, Іванъ Тодорскій преставилъся въ куренѣ канцелярскомъ на горячку и сего-жъ числа погребенъ въ церквѣ святого архангела Михаила. Сего-жъ числа рано получилъ я отпускъ въ домъ отъ полгенерала и послѣ обѣда прощалъся зъ брегадиромъ Ілинымъ, полковникомъ Тютчевымъ и протчими. Писма упомянутые подъ 14 числомъ сего мѣсяца отданы г. Деннсову къ пересылки въ С.-Пбурхъ.

22. Подано доношеніе въ коммисію економіи о противности куровціовъ и чубаровціовъ и послѣ полдня въ 4 часу отехалъ зъ Глухова, простясь зъ г. Скоропадскимъ, и уже позно прибылъ на почлегъ въ Локотки, где и почовалъ въ гаю.

23. Рано поехалъ и, перевезшись чрезъ Десну, прибылъ подъ часъ обѣденъ до Новгородка, где былъ у мене сотникъ новгородскій и обѣдалъ, я-жъ посилалъ къ поруччику Кишинскому съ объявленіемъ о противности куровціовъ и чубаровціовъ, который имѣлъ посилати салдата, но не послалъ. Потомъ самъ я отехалъ передомъ, оставя обозъ поволѣ ити назадѣ, и прибылъ позно уже въ Гримячее; тамъ-же оставя своихъ 2 конѣ и взявъ почтовые лошадѣ за прогоны, отехалъ и прибылъ коло полуночи въ домъ свой до Перегону.

24. Послѣ службы Божой и молебствія заездили въ городискій дворъ, потомъ обѣдали въ Перегонѣ купно зъ священникомъ отцемъ Михаиломъ, а по полдни посилалъ Іосифа зъ Семеномъ Шупкимъ въ Чубаровъ и Куровъ, чтобъ мужики до насъ явились, но не послушали.

25. О такомъ оныхъ непослушенствѣ писалъ къ поруччику Кишинскому и послалъ писмо въ Новгородокъ чрезъ Мартиненка, о томъ-же и въ канцелярію сотенную погарскую предложеніе послалъ, зъ копіею ордера, отъ оного поруччика отъ 13 числа сего мѣсяца писанного, и оное предложеніе въ Погаръ отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа.

26. По тому предложенію, сказовалъ Іосифъ, послать имѣли зъ канцеляріи сотенной погарской нарочного зъ инструкціею о сыску въ Погаръ именно показанныхъ противниковъ зъ Чубарова и Курова.

27. Получилъ отъ поруччика Кишинского отвѣтъ и повторенный въ Куровъ и Чубаровъ ордеръ, чтобъ по прежнему тамошные мужики отдавали намъ надлежащее послушенство, зъ которымъ ордеромъ, тако-жъ и зъ прежнимъ посланъ паки въ Погаръ Іосифъ, чтобъ зъ нимъ кого отъ уряду послано въ тѣ деревнѣ, но и того оные мужики не послушали.

28. Рано отехалъ я въ Погаръ и писменно знову предлагалъ къ сотнику зъ урядомъ, чтобъ послали нарочныхъ по инструкціи, которіи куровцямъ и чубаровцямъ витолковали-бъ силу указу, къ поручику Кишинскому изъ коммисіи економіи писанного, и ордеровъ его къ нимъ писанныхъ. Я-жъ, отобѣдавши у сотника, поехалъ черезъ Куровъ, где засталъ мужиковъ въ собраніи, которіи какъ на самого мене порвались съ дубьемъ, такъ служителей моихъ, а особливо старосту Омеляна Шулика жестоко били, и на силу мы ушли отъ оного мужичого разбою. Прибывъ-же въ домъ, засталъ тутъ сотника мглинского Лисаневича, который у насъ и почовалъ.

29. Сочинена челобитная въ Глуховъ въ канцелярію енералную, въ Стародубъ—въ канцелярію полковую и въ Погаръ—въ сотенное правленіе о здѣланномъ вчора надъ нами отъ куровціовъ гвалтѣ. Рано пріехалъ къ намъ въ Перегонъ Федоръ Ширай зъ своею женою и молодіи Скорупиы, Іванъ и Павелъ, отобѣдавши-же отехали, а надвечери пріездили зъ Погару отъ уряду присланные для осмотру на старостѣ побоевъ.

30. Послана челобитная въ погарскую сотенную канцелярію, а одтоль прислана ко мнѣ при писмѣ сотничомъ копія доездного доношенія, отъ писаря ратушного Барлуя, зъ товарищемъ въ Куровъ посиланного, сотнику поданного. Протопопъ погарскій отецъ Кибалчицъ былъ у мене въ Перегонѣ, которому и указъ архіерейскій врученъ о заложеніи придѣла во имя святого Іоанна Богослова при церквѣ городиской.

31. При писмѣ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу послана челобитная моя въ полковую стародубовскую канцелярію чрезъ Грицка и писмо до писара судового Косача, а въ Глуховъ такожде челобитная и писма къ гг. полковнику Тютчеву, подскарбію Скоропадскому, писарю Руновскому, Івану Пироцкому и къ Денисову, писанные подъ 29 числомъ сего теченія; вручены племѣннику Іосифу. Писалъ такожде въ Товкачовку чрезъ подводчика тамош-

нято, который пріездилъ зъ Даниломъ Качановскимъ, и чрезъ того-жъ подводчика послана пряжа, 300 пасомъ, суконная. Посвящали столовую избу и комнату и свѣтелку, что при комнатѣ.

Августъ.

1. Рано отехалъ Іосифъ къ Глухову зъ вышенамѣненными писмами, которому и денегъ дано 50 к., а съ нимъ-же и подводчикъ товкачовскій. Чрезъ Іосифа посланы до п. Скоропадского двѣ нарусные полотны. Вечеромъ переехалъ я зъ Василкомъ въ дворъ городискій, пріехавши зъ Василіовки.

2. Ездили на заворье до женцовъ, где видѣли премного вибитого якъ нашого, такъ и людского жита градомъ.

3. Писалъ полковникъ стародубовскій, объявляючи, что посланъ указъ къ сотнику погарскому о забраніи предводителей къ бунтовству и розбойному нападку и присилки оныхъ въ полковую канцелярію, и прислалъ на чисто переписанную челобитную для закрѣпи, которую, въ пакетъ включивъ, послалъ къ Турку при картѣ для отсилки въ Стародубъ. Сего числа и жена съ дѣтми переехала въ городискій дворъ.

4. Получилъ писмо зъ Глухова зъ копіею повторного указу, зъ коммисеія економіи къ поручнику Кишинскому 25 іюля посланного, и писалъ въ Глуховъ къ канцеляристамъ Андрею Лишню и Тимофію Закровіецкому, такожъ и до племѣнника Іосифа Ханенка, и тые писма отправлены чрезъ козака новгородского для отсилки оныхъ зъ Новгородка въ Глуховъ.

5. Былъ у насъ въ Городищѣ писаръ сотенный погарскій, объявляючи, что отправленъ онъ съ командою для взятія мужиковъ въ Куровѣ и Чубаровѣ, токмо никого не сыскалъ. Посланы при писмахъ моихъ къ полковнику стародубовскому г. Максимовичу и къ сотнику погарскому Соболевскому копіи повторного указу, изъ коммисеіи економіи къ поручнику Кишинскому посланного.

6. По имѣвшейся передъ священникомъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ исповѣди удостоился по милости Божіей святого причащенія. Дано Гаврилку Чаплѣ василювскому на куплене куфи на горѣлку 34 к. Писалъ племѣнникъ Іосифъ зъ Глухова, что по поданной моей челобитной августа 3 для учинена резолюція: послать указы о послушенствѣ куровціовъ и чубаровціовъ Кишинскому,

а о продерзости и нападеціи, отъ нихъ учиненномъ, въ полковую стародубовскую канцелярію о изслѣдованіи.

7. Сотникъ погарскій при писмѣ своемъ прислалъ обратно копію повторного указу, изъ коммисіи економіи къ поручику Кишинскому писанного, и объявляетъ, что мужики куровскіе и чубаровскіе пошлются въ полковую стародубовскую канцелярію подъ карауломъ безъ допросу о томъ повторномъ указѣ.

8. Былъ я зъ синомъ Василемъ на Василювцѣ и отобралъ тамъ денегъ валюшныхъ у Гаврила Чаплѣ 1 р. 30 к., изъ которыхъ заплатилъ виннику за 6 становъ 36 к.

9. Посиланъ Каврайскій въ Погаръ для нѣкоторыхъ покупокъ, на якіе пошло 95 к.; онъ-же тамъ и челобитную подалъ на козаковъ куровскихъ Шмару и Зубова.

10. Послѣ полдня былъ у насъ сотникъ погарскій Соболевскій и обявлялъ, что противники куровскіе и чубаровскіе побраны подъ караулъ и пошлются до Стародуба завтра.

11. Ничего не случилось.

12. Писалъ писма въ Глуховъ до г. Скоропадского о теслѣ Івану и до Іосифа зъ прилогомъ писма и до старости товкачовского о нѣкоторыхъ домовыхъ дѣлахъ и оные писма отправлены нарочными лукиницями. Отписалъ и до Андрея Миклашевского, звавшого насъ на весѣля пасинка своего Василя Жураковского, понимаючого дочь у войта нѣжинского Тарнавіота.

13. Указы ко мнѣ 1 до полковника стародубовского, другій, третій до поручика Кишинского стороны курувцювъ и чубаровцювъ, да писма отъ г. Скоропадского, отъ племѣнника Іосифа и изъ С. П. Бурха отъ Андрея Горленка привезены ко мнѣ чрезъ компанѣйца старого чесникового полку, Лукіяна Петрова.

14. Оного компанѣйца зъ указомъ, до поручика Кишинского надлежащимъ, отправилъ къ Новгородку, а самъ по обѣдѣ отехалъ зъ женою и синомъ до Стародуба, куда и прибылъ уже позно.

15. Рано былъ у полковника Максимовича и отдалъ ему указъ зъ енералной канцеляріи о куровцяхъ и чубаровцяхъ. Потомъ перво жена, а послѣ и я отехали до Нижніого на веселля къ Андрею Миклашевскому, который пасинка своего Василя Жураковского выправлялъ для женитбы въ Нѣжинъ на дочери тамошнего войта Петра Стеріевича, и тамъ въ Нижнемъ застали мы Федора Ширая

зъ женою, Григорія Скорупу съ сыномъ Павломъ, Федора и Александра Корецкихъ зъ женами, Петра Іскрицкого и Сенюту попа, намѣстника стародубовского, зъ женою, где послѣ обѣда виправленъ молодый зъ своею ассистенціею, а протчіе отехали по домамъ, я-жъ зъ женою тамъ въ Нижнемъ и ночлегъ имѣли.

16. Тамъ-же послѣ службы Божой обѣдали и весь день пробавили, да уже ночю прибыли до Стародуба въ домъ свой.

17. Былъ я въ канцеляріи полковой, где мужиковъ куровскихъ начали допрашивать. Вечеромъ былъ у мене Григорій Скорупа.

18. Приходили мужики куровскіе и чубаровскіе мене перепрошовать. А обѣдали у мене-жъ писари полковый и судовый, да Іванъ Скорупа, потомъ пришелъ и Іскрицкій.

19. Знову былъ я въ полковой канцеляріи для присутствія при мужичихъ допросахъ, где былъ и полковникъ Максимовичъ.

20. Жена отехала рано, а у мене обѣдали канцеляристы Данило Короткій и Евфимъ Федорюченко, да попъ Алексій Хелкидоцкій.

21. Слушалъ обѣдни въ церкви святой Варвари, что при вознесенской церквѣ, потомъ заездилъ къ сотнику Коменку на водку. Обѣдали у мене атаманъ мглинскій Матвѣй Суханскій, да канцеляристъ Федорюченко. Надвечери заездилъ ко мнѣ дядя жены моей, Андрей Миклашевскій, а потомъ былъ я въ дворѣ своемъ у Петра Романова и у Гришки Гуриповского, послѣ-же и у Андрея Золотаря былъ за шаблею, которой на позолоту дано ему отъ насъ 4 червонія золотіи, а въ оной шаблѣ срѣбра вѣсомъ 184 золотники осмои пробы. 21 сего числа полковникъ полтавскій Василій Василіевичъ Кочубей преставилъся.

22. Подали куровци и чубаровци челобитную повинную въ полковую стародубовскую канцелярію, по которой опредѣлено: оную челобитную взнесть при доношеніи въ войсковую енералную канцелярію, а ихъ за порукою и подписками отпустить для исправленія подлежащихъ имъ работъ. Вечеромъ былъ я у Андрея Миклашевского и съ онымъ и сожителницею его пожегнался.

23. Въ 9-мъ часу пополудни убрався я віехалъ зъ Стародуба и заездилъ до Гринева къ Федору Шираю, где и купалъ, а оттоль поехавъ завременно прибылъ въ Городище.

24. Отправленъ въ Куровъ Грицко Дмитровъ и отданъ ему приказъ высилать тамошныхъ мужиковъ на пригонъ и самому ему

тамъ быть. Сего-жъ числа на ночь къ намъ прибылъ въ Городище Іванъ Гамалѣя со всѣмъ своимъ домомъ, едучи изъ Клепалъ до Юдинова.

25. Отобѣдавъ у насъ, оный-же Іванъ Гамалѣя отехалъ къ Юдинову. Я получилъ изъ канцеляріи полковой стародубовской при писмѣ полковничемъ копію челобитной, отъ куровціовъ и чубаровціовъ поданной, съ повинною о своихъ противъ мене и въ протчемъ преступленіяхъ.

26. Отправлено представленіе письменное въ полковую стародубовскую канцелярію стороны оной-же челобитной и вѣдомость послана въ сотню полковую стародубовскую, что въ деревнѣ Случку на скупляхъ нашихъ вибито градомъ жита копъ на 180, а въ Курковичахъ на 65. Сего-жъ числа війшло на приговъ зъ Курова 56, зъ Чубарова 26—на сѣнокосъ и на жнива и сѣвбу.

27. Отправленъ Василь Суходолскій въ Случокъ и до Стародуба зъ писмомъ къ Андрею Миклашевскому, ознаймуючи о проездѣ Івана Гамаліи къ Юдинову-жъ, и послано ему 6 кавуновъ.

28. Послано писмо къ Чеху въ Курковичи о привозѣ дубового бруса и о протчемъ. Были у мене лукинци сторони заводу своего зъ даріевцями, недавно оными-жъ даріевцями зачатого.

29. Послано чрезъ Омеляна Чеха 3 колеса въ Курковичи для придѣланя еще 3-хъ до нихъ и велено ему-жъ старатися бруса дубового ввезти.

30. Прибѣралъся, а 31 послѣ обѣда віехалъ къ Стародубу на сватбу до Андрея Миклашевского, и прибыли туда уже позно при великой дождевой непогодѣ, которая вчора и сегодня цѣлые дни продолжалась; мимоездомъ былъ у Петра Горленка въ Мироновцѣ [217]).

Септеврій.

1. Послѣ обѣдень зехались званные гостѣ въ домъ Андрея Миклашевского, а послѣ полдня прибыли и веселные персоны, а именно Василій Жураковскій, пасинокъ его Миклашевского, зъ своею новобрачною женою Анною, нѣжинского войта Петра Стеріевича Тарнавіота дочерью и съ протчими, имъ при сватбѣ въ Нѣжинѣ

[217]) Петръ Акимовичъ Горленко женатъ былъ на внукѣ стародубскаго полковника Тимофея Алексѣева; Мироновка отдана была ему въ приданое.

ассистовавшими, и по обыкновенію, какъ вехала оная сватба, при играни полковой стародубовской музики, въ Городокъ и въ домъ, то начали банкетовать, что продолжалось при звычайныхъ веселныхъ забавахъ даже близъ полуночи.

2. И сего числа у отца и матки новобрачныхъ кушали и весь день даже до позна въ ночь веселились всѣ присутствовавшіе и пріежжіе гостѣ, а полковникъ Максимовичъ зъ своею женою отехалъ къ Фоевичамъ [218]) по указу.

3. Рано были у мене разные персоны мужеска и женска полу съ вѣзитою, въ томъ числѣ и новобрачные, а потомъ паки кушали въ домѣ Миклашевского и раздѣленъ былъ веселный коровай, а надвечери отехали зъ Стародуба и прибыли позно въ Левенку, где и ночовали, обще зъ Іваномъ Гамалѣею, въ домѣ Федора Корецкого.

4. У него-жъ Федора Корецкого и обѣдали, а послѣ обѣда Іванъ Гамалѣя отехалъ въ свой домъ, а я, заехавъ къ Александру Корецкому, у него-жъ и ночовалъ.

5. Послѣ обѣда у Александра Корецкого, где кушалъ съ нами и Петръ Горленко, отехали въ свой домъ до Городища и тутъ позно уже прибыли.

6 и 7 чиселъ пробавилъ въ домѣ въ Городищѣ.

8. Ездили въ Стечну для посѣщенія Феодоры Галецкой, енералной бунчучной [219]) и тамъ, по выслушавіи набоженства, у еи кушали и пробавили весь день, да уже позно въ домъ возвратились.

9. Жена еще вчора, а сего числа горше захоровала на голову, а вечеромъ

10 прибылъ отецъ Петръ Кибалчицъ, протопопъ погарскій, съ отцемъ Костантіемъ Гилемъ, священникомъ афанасіевскимъ погарскимъ и зъ діакономъ, въ Городище, для заложенія придѣла при здешней церквѣ.

11. По отправленіи всенощного бдѣнія и утренѣ и литургіи, отправа была отъ того-жъ протопопа погарского, зъ присутствующими священниками и діакономъ, съ церемоніею заложенія придѣла въ імя святого апостола и евангелиста Іоанна Богослова, хотя при великомъ дождѣ, и между протчимъ въ заложеніи того придѣла

[218]) Фоевичи—село новозыбковскаго уѣзда.

[219]) Вдова Семена Яковлевича Галецкаго. См. примѣч. 25.

положенъ камень подъ стѣною алтарною и въ немъ въ мѣстѣ висѣченномъ вложена оловяная таблица, а на оной напись таковая: «Въ імя Отца и Сина и Святаго Духа, основася сія церковь въ честь и память святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, при державѣ благочестивѣйшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, тщаніємъ и иждивеніємъ хоружого енералного Николая Ханенка, 1743 году сентемврія 11 дня». А по окончаніи той закладной церемоніи церковной кушали у мене протопопъ со всѣмъ священствомъ и причетниками церковными, а по кушаню, давъ протопопу 2 р., отцу Гилю 1 р., дякону и причетникамъ 65 к., отпущены они во свояси.

12. Отпущенъ житель лотоковскій Макаръ Івановъ Коваль, которій приносилъ намъ оттуду письма отъ Федора Пригари, и чрезъ него-жъ Коваля посланъ нашъ отвѣтъ къ тому-жъ Федору Пригарѣ и писмо въ дѣлѣ его зъ Озерскимъ, до писаря полкового стародубовского писанное. Да отъ него-жъ Пригари присланные денги 9 р. 80 к. и куница приняты. Писма 1-е до г. Скоропадского противъ его писма и о теслѣ Іванцѣ, 2-е до племѣнника Іосифа писаны въ Глуховъ.

13. Оные писма отправлены въ Глуховъ чрезъ Отрошку, служителя Шираєвого, а надвечери былъ и самъ Федоръ Ширай зъ братомъ своимъ Михайломъ и Павломъ Скорупою, едучи до Глухова.

14. Послѣ службы Божой и процессіи кушали у насъ священникъ Григорій борщевскій, и здешній городискій, и де которіе мирскіе люде, а рано сего числа отправленъ компанѣецъ до Новгородка зъ указомъ до поручика Кишинского и зъ писмомъ отъ мене до новгородского сотника, который вчора и ко мнѣ привезъ изъ войсковой енералной канцеляріи указъ стороны того-жъ поручика Кишинского и мужиковъ куровскихъ и чубаровскихъ, изъ коихъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и Іванъ Лобъ, были у насъ въ Городницѣ.

15 и 16 ничего не случилось, кромѣ-что сего числа отправленъ Стефанъ Кавpайскій зъ Івaномъ Лобомъ въ Стародубъ и чрезъ нихъ послано отъ мене о томъ-же Лобу писменное въ полковую стародубовскую канцелярію представленіе, да и до сотника новомѣского писалъ, припоминаючи о дѣлахъ съ Пригаровскимъ заводныхъ, чтобъ оные рѣшили.

17. Зъ ранку великая была стужа, а послѣ полдня немалій снѣгъ знатними пластами падалъ.

18. Давидъ Дударъ, Савкинъ отецъ, должныхъ намъ два рубли денегъ отдалъ, и еще на немъ 1 р. имѣеться, и тотъ отдалъ. Шести теслямъ, которые работаютъ придѣлъ при церквѣ, дана плата 1 р. 25 к. за тиждень.

19. Рано отправленъ шапочникъ Максимъ, которому за роботу шапокъ и кучомъ дано 90 к. и чвертка жита; чрезъ него-жъ послана моя шабля добрая и писано о нѣсколкихъ домовыхъ дѣлахъ до Каврайского. Изъ Стародуба привезены два казаны винничные, направленные Карпомъ котляремъ, и 9 трубъ, а передъ симъ онъ-же направлялъ въ Курковичахъ трубу одну, а одну новую дѣлалъ. Ночовалъ я зъ сином на Василіовцѣ. Въ одномъ казанѣ дно новое приироблено.

20. Противъ сего числа згорѣла сосна наша съ пчолами бортная въ рощи, въ которой найпервей подрѣзовали медъ вчора; да въ Перегонѣ гумно Микруково згорѣло. Мы вже послѣ полдня зъ Василіовки прибыли въ Городище.

21. Писалъ къ Івану Гамаліи въ Юдиновъ о присилки мнѣ снѣцара, въ дворѣ его погарскомъ мешкаючого, для здѣланія оконницъ. Ввечеру и самъ Іванъ Гамалѣя зъ женою и зъ дѣтми прибылъ къ намъ въ Городище и тутъ ночовалъ.

22. Обѣдалъ у насъ Гамалѣя, отехавъ къ Глухову, а одтоль имѣлъ слѣдовать до Клепалъ. Послѣ полдня былъ у насъ въ Городищѣ, мимоездомъ до Кролевца, сотникъ погарскій Соболевскій, которому на покупку двухъ футеръ заячихъ и троихъ замочковъ тулскихъ даны 4 р.

23. Прибыли лотоковскіе подводы, на которыхъ привезено данѣ меду пудъ 10 и 17 ф., да отъ войта Федора Фирсова пудъ за пенку, отъ Прокопа Коновала данѣ пудъ и зъ нашей сосни 38 фунтовъ, и того всего 13 пудъ и 7 фунтовъ, да бочку діогтю, куль опенковъ, лубку сушеныхъ черницъ и бочку брусницъ, бересту пять копъ.

24. Ездилъ я на Василіовку и тамъ оставилъ нового винника, зъ Лотоковъ привезенного, Івана Николаева зъ женою, да тамъ-же показивано отъ мене и отъ старосты Омеляна Шулика Іакову Товарницкому, что надлежитъ справовать. Видрали еще съ одной

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Диттера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.
